

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Рабинович Я. Н.** Петр Иванович Мусорский: страницы биографии 377
Жучков К. Б. «Новый взгляд» на русскую кампанию Наполеона в книгах французского историка 384
Морозова Е. Н. П. А. Валуев: пути формирования образа «министра-бюрократа» 391
Варфоломеев Ю. В. Поэт с бомбой: террорист Иван Каляев (опыт историко-психологической характеристики) 398
Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья 404
Мякшев А. П. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР: специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) 410

Всеобщая история

- Лесная Е. С.** Ранняя история Херсонеса Таврического в современной историографии 416
Поляков С. А. Из истории создания Северной империи Кнута Великого: завоевание Норвегии 421
Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие 425
Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа Даниэля Адама Велеславина 432
Мелихова П. В. Повседневная жизнь елизаветинской Англии в антикварном дискурсе конца XVI века 436

Международные отношения

- Голуб Ю. Г.** Вхождение британских войск в Иран в августе 1941 года 441
Шенин С. Ю. Реализация американской программы «пункта-4»: региональная специфика (1950–1953 гг.) 449
Музалевская В. А. Америко-сирийские отношения на заключительном этапе холодной войны (1977–1988 годы) 454
Саркулова Г. С. Трансформация системы международных отношений после распада СССР и внешняя политика Казахстана в 1990-е годы 458
Баранов А. В. Египетская революция 2011 года в концепции «гуманитарного пробуждения» Махмуда Ахмадинежада 463
Алексеев Д. С. Мировой экономический кризис и евразийская интеграция: вызовы для ЕАЭС 468

Региональная история и краеведение

- Познякова Е. В.** Саратов – центр немецкого книгоиздания в Поволжье (до 1917 г.) 472
Петрова Е. А. Декрет об отделении церкви от государства и его реализация в Саратовском Поволжье в 1917–1920 годах 479
Воейков Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы 481
Моисейченко Л. А. Изменения в составе нижеволжских парторганизаций в послевоенные годы (1946–1950) 487
Гуменюк А. А. Социальная политика Советского государства во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. и колебания уровня жизни в регионах Нижнего Поволжья 490

Критика и библиография

Представляем книгу

- Креленко Н. С.** Новый взгляд на изучение истории Нового времени 499
Фирсов Е. Ф. Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Шкуллети 501

Приложение

Хроника

- Чтения памяти А. И. Озолина в Саратовском университете 503

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 25.11.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 15,48 (16,75).

Тираж 500 экз. Заказ 172-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);
- на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Rabinovich Ya. N.** Petr Ivanovich Musorsky: Pages of the Biography 377
Zhuchkov K. B. «A New View» on Napoleon's Russian Campaign in the Books of a French Historian 384
Morozova E. N. P. A. Valuev: Ways of Forming the Image of a «Minister-bureaucrat» 391
Varfolomeev Yu. V. The Poet with a Bomb: the Terrorist Ivan Kalyaev (the Experience of the Historical and Psychological Characteristics) 398
Madzhun D. S. The Tragic Consequences of the Uprising of 1916 for Russia and the Peoples of Semirechye 404
Myakshhev A. P. The Final Stage of the Forced Deportation in the USSR: the Peculiarities and its Influence on the National Structure Changes (1945–1956) 410

World History

- Lesnaya E. S.** The Problem of the Early Tauric Chersonese in Modern Historiography 416
Poliakov S. A. An Episode from the History of the Northern Empire of Canute the Great: the Conquest of Norway 421
Elfond I. Ya. Leonardo Bruni, the Ethics of Civic Humanism and Greek Heritage 425
Mnogoletnyaya E. N. The Publishing Activity of the Czech Printer Daniel Adam Veleslavina 432
Melihova P. V. Everyday Life in Elizabethan England Through the Antiquarian Discourse at the End of the XVI Century 436

International Relations

- Golub Yu. G.** The Invasion of British Troops in Iran in August 1941 441
Shenin S. Yu. The Realization of the American «Point-4» Program: the Regional Specificity (1950–1953) 449
Muzalevskaya V. A. The American-Syrian Relations at the Final Stage of the Cold War (1977–1988) 454
Sarkulova G. S. The Transformation of the International Relations System after the Collapse of the USSR and Kazakhstan's Foreign Policy in the 1990s 458
Baranov A. V. The Egyptian Revolution of 2011 in Mahmud Ahmadinejad's Concept of «Humanitarian Awakening» 463
Alexeev D. S. The Global Economic Crisis and the Eurasian Integration Process: Challenges for the EAEU 468

Regional History and Local Studies

- Poznyakova E. V.** Saratov as the Center of the German Book Publishing in the Volga Region (till 1917) 472
Petrova E. A. The Decree Concerning the Separation of the Church from the State and its Realization in the Saratov Volga Region in 1917–1920 479
Voyeikov E. V. The Activity of the Saratov Forestation and Forest Protection Office and the Condition of the Forest Fund of Saratov Region in the Pre-war Years 481
Moiseichenko L. A. Changes in the Staff of the Lower Volga Party Organizations in the Post-war Period (1946–1950) 487
Gumenyuk A. A. The Social Policy of the Soviet Union in the Second Half of the 1950s – the Beginning of the 1960s and the Variations of Living Standards in the Regions of Lower Volga 490

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Krenenko N. S.** New Look on the Study of the Modern History 499
Firsov E. F. Korrespondence of Jan Kvaiala with Jozef Shkulteti 501

Appendices

Chronicle

- Readings in Memory of A. I. Ozolin in the Saratov University 503

Information about the Authors

505

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

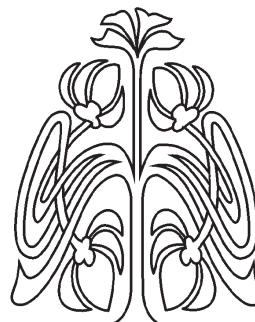
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

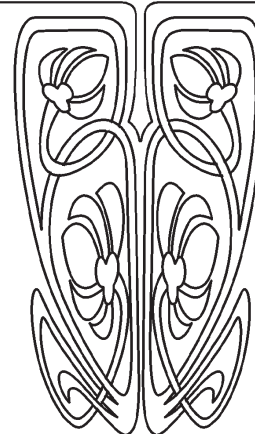
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

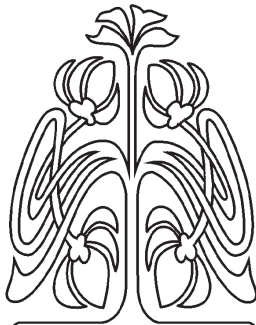
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

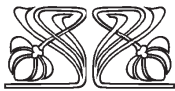
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

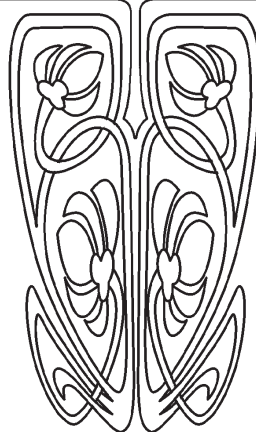
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).046+929 Мусоргский

ПЕТР ИВАНОВИЧ МУСОРСКИЙ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье приведены неизвестные страницы биографии одного из предков композитора М. П. Мусоргского Петра Ивановича Мусоргского, который участвовал во многих событиях Смутного времени, был воеводой в Старице, Твери и Ростове.

Ключевые слова: Псково-Печерский монастырь, Смутное время, вотчина, архимандрит Никандр, Г. А. Замятин, И. И. Плешанова, Записные вотчинные книги, Поместный приказ.

Petr Ivanovich Musorsky: Pages of the Biography

Ya. N. Rabinovich

The article presents the unknown pages of the biography of one of the ancestors of the composer P. I. Musorgsky, who participated in many events of the Time of Troubles, and was a voivode in Staritsa, Tver and Rostov.

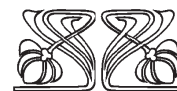
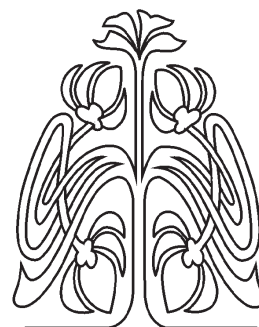
Key words: Pskov Monastery of the Caves, Time of Troubles, patrimony, Archimandrite Nikandr, G. A. Zamyatin, I. I. Pleshanova, Data patrimonial books, Manorial Prikaz.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-377-384

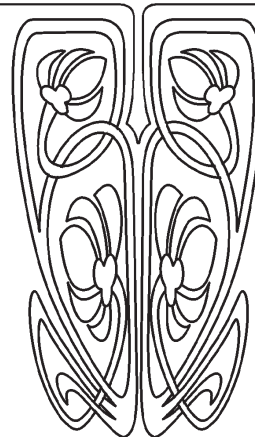
Род Мусоргских известен в Псковском крае с древних времен. Родоначальник фамилии Мусоргских, Роман Васильевич Монастырев, по прозвищу Мусорга (живший во второй и третьей четверти XV в.), происходил из князей Смоленских Рюриковичей. С. Б. Веселовский установил следующую последовательность поколений Мусоргских: «1) Василий, младший сын Александра Монастыря (последняя треть XIV – первая четверть XV в.); 2) Роман Васильевич Мусорга (вторая и третья четверть XV в.); Иван-Ян Романович (в 1501 г. на поместье в Новгороде); Ляпун и Третьяк Яновичи (в 1550 г. тысячники); Макар Ляпунов (в 1572 г. помещен на Луках Великих)»¹.

Княжеское достоинство Монастыревых и Мусоргских было утрачено еще в начале XV века, когда Смоленск был захвачен литовским князем Витовтом. «Невидные» дворяне Мусоргские служили писцами, стряпчими, дозорщиками в небольших чинах, за службу получали жалованные земли. Высшую должность в роду – должность воеводы в Старице, Твери и Ростове – занимал умерший в конце 1636 г. Петр Иванович Мусоргский. В источниках XVI–XVII вв. фамилия пишется без буквы «г» – Мусорской (Мусоргский).

Дед П. И. Мусоргского Макар Андреевич Мамер-Мусоргский (сын Андрея-Ляпуна) после взятия Полоцка Иваном Грозным был помещен в Полоцком уезде. По-видимому, после захвата Полоцка в 1579 г. польским королем Стефаном Баторием Макар Андреевич (выживший, в отличие от отца, во время опричного погрома) получил новые поместья на Луках Великих. Этими поместьями он фактически стал владеть уже после окончания Ливонской войны, когда захватившие Великие Луки поляки были вынуждены по условиям Ям-Запольского перемирия вернуть в 1582 г. этот город русской стороне.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Отец П. И. Мусорского Иван Макарович, жалован «в Луцком уезде... на вечные времена поместьями в вотчину за службу и храбрость в Польскую и Литовскую войну». Судя по всему, это те же самые поместья в Луцком уезде, которые Макар Андреевич Мамер-Мусорский получил в завершающий период Ливонской войны.

По мнению современного исследователя А. В. Малова, отца П. И. Мусорского звали Иван Петрович, так же, как и его сына; они якобы были полными тезками: «...его отец Иван Петров сын встречается в книге 1627 г. в чине стольника, а с 1629 г. – его внук и полный тезка – сын бывшего выборного дворянина по Лукам Петра Иванова сына»². По нашему мнению, в боярских книгах 1627 и 1629 гг. упомянут один и тот же человек – сын П. И. Мусорского Иван Петрович, который был в те годы патриаршим стольником.

Впервые мы встречаем П. И. Мусорского в источниках во время восстания Болотникова. К 1606 г. наш герой был уже опытным воином, а не молодым новиком. В это время Петр Мусорский записан как стрелецкий голова, он командовал приказом стрельцов из нескольких сотен воинов. В августе 1606 г. он был отправлен из Москвы со своим приказом (а также два других приказа) к Орлу на помощь царским воеводам, терпящим поражение от Болотникова под Ельцом и Кромами. Данный сюжет подробно разобран в известной монографии И. И. Смирнова³.

В разрядной записи отмечено: «А на Орел послал три приказы стрельцов з головами с Биваном Широносковым, да с Данилом Пузиковым, да с Петром Мусорским. И они воевод встретили у Лихвинской засеки»⁴.

В тушинский период, когда войска нового самозванца Лжедмитрия II подошли к столице и создали свой лагерь в Тушино, Петр Мусорский находился в Москве. Он оставался верен Василию Шуйскому, оборонял столицу от тушинцев. Хорошо известно, что Великие Луки во главе с наместником Ф. М. Плещеевым летом 1608 г. изменили царю Василию, поэтому противники тушинского вора помещики Луцкого уезда бежали из своих поместий на территорию, контролируемую правительственными войсками, воевали на стороне Василия Шуйского вместе с Г. Л. Валуевым в составе армии кн. М. В. Скопина-Шуйского.

Сохранилось сыскное дело о выдаче жалования одному из служилых людей, Науму Михайловичу Плещееву, из которого мы узнаем, что Петр Мусорский вместе с Наумом Плещеевым сражался на стороне Василия Шуйского и участвовал в обороне Москвы от тушинцев⁵.

Современный исследователь В. А. Аракчеев опубликовал один из документов, обнаруженных им в Государственном архиве Псковской области в деле Алексея Григорьевича Мусоргского, деда композитора Модеста Петровича Мусоргского. В этом документе говорится о пожаловании вотчины Петру Мусорскому именно за действия, связанные

с обороной Москвы от Лжедмитрия II: «По своему царскому и милосердному осмотрению пожаловали есмь Петра Ивановича Мусоргского старую его вотчиною, что ему дана... за царя Василья по Московское осадное сидение... он, Петр, будучи на Москве в осаде, против тех врагов наших стоял крепко и мужественно и к царю Василию и к Московскому государству; многую службу и дородство и храбрость и кровопролитие службы показал»⁶.

В приложении к «Осадному списку 1618 г.» отмечено, что Петр Мусорский получил в 1609–1610 гг. земли от царя Василия Шуйского в Ярославском уезде, в Закоторском стане. Так как старые поместья нашего героя были захвачены тушинцами (Луцкий уезд был под контролем тушинского воеводы Федора Плещеева), то Петру Мусорскому были пожалованы новые поместья в Ярославском уезде, которые потом стали его вотчиной⁷.

Летом 1610 г. Петр Мусорский не признал польского претендента на Московский престол (королевича Владислава). Сразу же последовала реакция польских властей. Земли Петра Мусорского в Ярославском уезде (жеребей), как и других помещиков (Михаила Кайсарова и Григория Ододурова), были переданы по челобитной Степану Ивановичу Тарбееву. В этой челобитной Тарбеева подчеркнуто, что поместья Мусорскому, Ододурову и Кайсарову дал ранее Василий Шуйский. Челобитная Тарбеева была подана 3 августа 1610 г., а уже 17 августа последовало положительное решение короля по данному вопросу⁸.

При Михаиле Романове эти земли в Ярославском уезде были ему возвращены, как и Михаилу Кайсарову. В 1640 г. эти вотчины Петра Мусорского получил его сын Иван. В 1647 г. Иван Мусорский лишился всех своих вотчин в Ярославском уезде (жеребьи деревни Заморино и Взманово с пустошами в Закоторском стане). По-видимому, это связано с трагедией в его семье, со смертью близких людей и их захоронением. Вотчины в Ярославском уезде у Ивана Мусорского приобрел Иван Борков, которому эти вотчины перед этим были заложены⁹.

Сведений о том, где находился и чем занимался Петр Мусорский в 1611 – первой половине 1613 г., пока не обнаружено. Можно предположить, что он все это время находился в Торопце вместе с небольшой группой луцких помещиков, противников польского претендента. А. В. Малов отмечает, что «в недатированном списке лучан за 119–121-й (1610/11–1612/13) гг. фигурируют 28 чел.: 10 дворян, 6 детей боярских и 12 новиков. Возглавляют список Петр Иванов сын Мусорский и Исаак Петров сын Байков»¹⁰. Скорее всего, в этот список луцких помещиков входили те самые лучане, которые в 1610 г. сделали свой выбор против польского королевича и отъехали из Лук в Торопец.

Осенью 1613 г. мы видим Петра Мусорского в Москве. 24 октября 1613 г. была запечатана

грамота в Торопец по челобитью П. И. Мусорского – «дано ему в Луцком уезде озера в помесе за 100 чети». При этом была определена пошлина в размере рубль с четвертью, но деньги не были взяты из-за бедности. Через день, 26 октября 1613 г., была запечатана еще одна грамота в Торопец по челобитью Петра Мусорского «о дворовом месте». Вновь пошлин не было взято из-за бедности¹¹.

Данные грамоты свидетельствуют о том, что в октябре 1613 г. Петр Мусорский уже находился в Москве, а также о том, что в последние годы (1611–1613 гг.) его жизнь была связана с Торопцом, а не с Луками. Можно считать, что Петр Мусорский находился в числе тех луцких помещиков, которые в свое время не приняли польского королевича Владислава, бежали в мятежный Торопец, а затем присоединились к освободительному движению. Эти луцкие помещики сражались в 1611–1613 гг. под руководством торопецких воевод С. В. Прозоровского, С. Н. Гагарина, В. И. Туренина против их сородичей, находящихся вместе с Григорием Валуевым в Луках и Невеле, а также против поляков велижского старосты Александра Гонсевского¹².

27 ноября 1613 г. стольники, дворяне московские, дворяне и дети боярские из городов сказали про прежний оклад Наума Плещеева и то, что ему при царе Василии Шуйском за московскую службу и за осадное сиденье была дана придача в размере 40 рублей. Среди тех лиц, кто был сослуживцем Наума Плещеева и подтвердил придачу к окладу, указаны дворяне из Великих Лук Петр Иванович Мусорский и Петр Максимович Лукомский. Они были неграмотны, поэтому «в их место руку приложил» (расписался за них) Афанасий Марков¹³.

В декабре 1613 г. Петр Мусорский из Москвы отправляется со специальным заданием в Псков. Ему поручено привезти в Москву захваченных в октябре 1613 г. псковичами по пути из Выборга в Новгород членов новгородского посольства архим. Никандра. В конце января 1614 г. Петр Мусорский уже прибыл в Псков, а через месяц 28 февраля он вместе с пленниками отправился обратно в Москву. Один из членов посольства архим. Никандра Никита Калитин сумел бежать в Новгород, остальные были в начале апреля 1614 г. доставлены в Москву. Подробно об этих пленных, об их прибытии в Москву и их имуществе пишет современный исследователь А. А. Селин (без указания имени Петра Мусорского). Впервые на данную миссию П. И. Мусорского обратил внимание еще сто лет назад Г. А. Замятин, используя опубликованные незадолго до того «Распросные речи Никиты Калитина», а также архивные документы¹⁴.

Пока не обнаружены источники, которые бы позволили уточнить, чем занимался Петр Мусорский в последние годы Смутного времени, где он находился во время похода на Москву польского королевича Владислава. Пять лет (лето 1614 –

осень 1619 г.) из его биографии еще предстоит выяснить. Вновь мы встречаем его уже после окончания Смутного времени в начале 1620 г. воеводой в Старице. О том, что собой представлял этот город в конце Смуты, подробно разобрано в книге о князьях Гагариных¹⁵.

Один из документов позволяет уточнить время отправки Петра Мусорского из Москвы в Старицу. Старица была подведомственна Устюжской чети, налоги с этого города поступали в данную четверть. В Расходной книге Устюжской четверти за 1619/1620 г. записано: «Февраля в 21 день (21 февраля 1620 г. – Я. Р.) по памяти из Розряду за приписью дьяка Михаила Данилова Петру Мусорскому в Старицу от хлебные воски на наем пятьсот рублей... Взял Петр Мусорской. Петр деньги взял, а в его место князь Василий Кропоткин руку приложил»¹⁶. Таким образом, в конце февраля 1620 г. наш герой отправился к новому месту службы в Старицу.

В Старице Петр Мусорский в марте 1620 г. сменил прежнего воеводу Якова Петровича Вельяминова. Гарнизон Старицы в это время состоял из 64 дворян и детей боярских старичан, 1 тверитина, 8 пушкарей и затинщиков, 28 посадских людей¹⁷.

Уже 14 марта 1620 г. сын боярский из Ржевы Никита Неелов повез из Москвы в Старицу к воеводе Петру Мусорскому 290 рублей, которые были предназначены для найма возчиков хлеба от Старицы до Торопца¹⁸.

Осенью 1620 г. из Старицы от воеводы П. И. Мусорского приехали в Москву «кабацкие верные целовальники Клишко Романов и Ивашко Бочар», которые привезли думному дьяку Томиле Луговскому кабацкие книги. В данных книгах фиксировалась прибыль от местного кабака. Прибыль по окладу должна была составлять, как и в прошлые годы, 173 рубля. В действительности прибыль составила всего 116 рублей. Из этих денег было потрачено по государеву указу на «государевы житничные поделки» 10 рублей, на различные кабацкие расходы, на свечи, бумагу, дрова, найм сторожа и кабацкого дьячка, а также на «кабацкие суды» (оборудование для производства спиртного. – Я. Р.), целовальникам «питья в завод» и т. д. – еще 28 рублей. Всего в расходе и в завод было дано 38 рублей. Целовальники привезли остальные сборные деньги – всего 77 рублей, 28 алтын и 2 деньги. Оказалось в недоборе кабацких денег 57 рублей. «И о тех денгах послана государева грамота в Старицу к воеводе к Петру Мусорскому, а велено ему отписати, по ево ж отписке, что целовальников старицких 128-го году было воровство»¹⁹.

3 июля 1621 г. из Старицы от Петра Мусорского прислана отписка, в которой указывалось, сколько было взято оброчных денег с пустых посадских земель «с паханых десятин» вместо снопов выделного хлеба. Всего было зафиксировано 13,5 десятин доброй земли, 10,5 десятин средней земли и 14,5 десятин худой земли. Раньше с этой

земли оброк платили снопами хлеба, а теперь из-за разорения посадских людей – деньгами, правда, в льготном режиме. Всего было уплачено 2 рубля 28 алтын и 2,5 деньги²⁰.

Служба Петра Мусорского в Старице продолжалась в 1620, 1621 и 1622 гг.²¹ В начале 1623 г. эта служба для него закончилась. В Книгах разрядных за 1622/1623 г. записано: «В Старице Петр Мусорской; и Петр отпущон, а в Старице велено быть Ивану Федосееву сыну Кутузову»²².

После возвращения из Старицы в Москву Петр Мусорский был пожалован в московские дворяне.

По мнению А. В. Малова, «в луцкой раздаточной десятне июня 1622 г. Петр Иванов сын Мусорский впервые упоминается в чине выборного дворянина. В 1623–1626 гг. выборный лучанин П. И. Мусорский был пожалован в дворяне московские и навсегда выбыл из состава великолуцкой служилой корпорации вместе со своим сыном»²³. Напомним, что в июне 1622 г. Петр Мусорский был еще в Старице.

После возвращения из Старицы Петр Мусорский приобрел земли в Московском уезде. Такие земли получали в основном люди государева двора, в том числе московские дворяне. Вместе с отцом земли в Подмосковье приобретал его сын, Иван Петрович, который сначала был патриаршим стольником (с 1623/1624 г.), затем стряпчим с платьем (с 1 апреля 1632 г.), а позже стал дворянином московским²⁴.

Начиная с 1623 г. известно о принадлежащих Петру Мусорскому землях в Московском уезде, в том числе возле Истры. Речь идет о деревне Крючково (Кречково) Сурожского стана Московского уезда. В настоящее время эта деревня находится в 10 км юго-западнее г. Истры, на шоссе Истра – Давыдовское. Петру Мусорскому принадлежали также некоторые пустоши по речкам Песочне, Мологоще, Малой Истрице и на суходоле.

Возможно, это приобретение деревни Кречково Петром Мусорским связано с его второй женой. Известно, что он был женат дважды. От первого брака он имел сына Ивана и дочь Акулину (замужем за Сергеем Чоглоковым). В документах Сергей Чоглоков называет Ивана Мусорского своим шурином, а Петра Мусорского – своим тестем. В РГАДА сохранилось «Дело о записи за Сергеем Ивановым сыном Чоглокова по памяти Московского судебного приказа (с итогами судебного дела по тяжбе между ним и его шурином Иваном Петровым сыном Мусорского) вотчины его тестя Петра Иванова сына Мусорского деревни Федцово с пустошью в Рахове стане Волоцкого уезда». Это дело начато в 1642 г., через 5 лет после кончины П. И. Мусорского, и завершено в 1643 г.

Суть дела в следующем. В 1642 г. Сергей Чоглоков начал тяжбу вместо своей жены Акулины, дочери Петра Мусорского, со своим шурином Иваном Петровичем Мусорским за купленную вотчину его тестя П. И. Мусорского – сельцо

Федцово и пустошь Чубарово в Рахове стане Волоцкого уезда. Этими вотчинами Петр Мусорский владел по купчим 1615/1616 г. и 1621/1622 г.

Сведения о том, что Петр Мусорский приобрел вотчину в Волоцком уезде в 1615/1616 г., представляют определенный интерес, ведь за эти годы (с 1614 по 1619 г.) сведений о его деятельности нет.

Сергей Чоглоков подал челобитную о том, что за ним была записана вотчина его тестя Петра Мусорского дер. Федцово и пустошь Чубарово в Рахове стане Волоцкого уезда. В своей «сказке» С. Чоглоков уточнил, что еще в 1635/1636 г. его тесть дал ему с женой Акулиной Федцово и Чубарово, а его шурином Иван Мусорский соглашался только на передачу дер. Федцово. 7 августа 1636 г. Иван Мусорский составил своей родной сестре Акулине «данную грамоту» на купленную вотчину их отца Петра Мусорского сельцо Федцово. В этой грамоте Петр Иванович Мусорский назван Пафнутием. Можно предположить, что П. И. Мусорский перед кончиной принял схиму с именем Пафнутия. Данное предположение, как увидим далее, подтверждается другими источниками.

Спор Сергея Чоглокова с Иваном Мусорским зашел за пустошь Чубарово, которое когда-то было сельцом (в 1615 г.), а после похода на Москву королевича Владислава (1617–1618) стало пустошью. Дело решилось в Московском судебном приказе в пользу С. И. Чоглокова²⁵.

Вторым браком Петр Иванович Мусорский был женат на Марии Никитичне Клокачевой (?–1648). В документах Иван Мусорский называет Марию Клокачеву мачехой, а она его – пасынком. В литературе Марию Клокачеву ошибочно называют Марией Петровной (запись в источнике «Мария Петрова жена Мусорского» читают как Мария Петровна). Клокачевы владели селениями в Подмосковье в районе Истры (с. Назарово с деревнями).

В РГАДА сохранилось «Дело о записи за Иваном Петровым сыном Мусорского и его мачехой Марией Никитиной дочерью Клокачева, вдовой Петра Иванова сына Мусорского, с дочерью Марией по просроченным закладным кабалам вотчины боярина кн. Никиты Ивановича Одоевского в Дорской волости Бежецкого уезда». В этом деле имеется челобитная кн. Н. И. Одоевского, в которой он сообщает «о записи по просроченной закладной кабале за вдовой Марией Петровой женой Мусорского с дочерью Марией и ее пасынком Иваном Петровым сыном Мусорского вотчины его отца и дяди». Отсюда можно сделать вывод, что от первого брака Петр Мусорский имел сына Ивана и упоминавшуюся ранее замужнюю дочь Акулину, а от второго брака с Марией Клокачевой – дочь Марию, которая к моменту смерти отца еще не вышла замуж и жила с матерью. О дальнейшей судьбе этой дочери Петра Мусорского, Марии, будет сказано далее. Что касается данной вотчины в Дорской волости Бежецкого уезда, то в

ноябре 1647 г. Иван Мусорский заложил ее (бывшую вотчину кн. Одоевского) Ивану Васильевичу Потапову и вскоре лишился ее²⁶.

Потеря данной вотчины произошла вскоре после ряда трагических событий 1645–1647 гг. в семье Ивана Мусорского и его сестры Марии и совпала по времени с кончиной мачехи, Марии Клокачевой.

В начале 1624 г. Петр Мусорский был назначен воеводой в Тверь, где он сменил И. И. Баклановского. В разрядной записи за 1623/1624 г. отмечено: «В Твери Иван Баклановской, и Ивану велено быти к Москве, а на его место послан во Тверь Петр Иванов сын Мусорской»²⁷. Эта запись свидетельствует о том, что назначение воеводой в Тверь произошло не как обычно, в начале года (в сентябре), а значительно позже. Об этих воеводских назначениях Петра Мусорского в Старицу и Тверь упоминает А. П. Барсуков²⁸.

По состоянию на 1625 г. в Твери мы видим с Петром Мусорским «детей боярских отставных, которым по разбору служить осадная служба, семнадцать человек, да отставных 6 ч., да с сотником стрельцов 48 ч., розсыльчиков 8 ч., пушкарей 3 ч., посадицких людей 85 ч., площадных дьячков 4 ч., ямских охотников 30 ч.; – и всего во Твери всяких людей 201 ч.»²⁹. Судя по всему, в Твери в это время была большая ямская слобода.

Во время службы Петра Мусорского в Твери его сын Иван в 1625/1626 г. купил в Тверском уезде у кн. Андрея Морткина село Морткино городище на р. Волге в Суземском стане. В 1629/1630 гг. и 1631/1632 г. Иван Мусорский приобрел новые вотчины в Тверском уезде. Речь идет о сельце на реке Волге с пустошами и деревне Подбельшево в том же Суземском стане Тверского уезда. В 1645 г. он лишился всех этих вотчин по закладной кабале – был вынужден их заложить, в итоге Ивану Мусорскому пришлось с ними расстаться³⁰.

Весной 1626 г. Петра Мусорского сменил в Твери «Ондрей Федоров сын Резанов», а «Петру велено ехать к Москве»³¹. В боярском списке 1626 г. имеется примечательная запись: «Петр Иванов сын Мусорской. (Во Твери). Передняя». В этом перечне московских дворян имеется приписка, кому и где христосоваться с царем на Пасху 1626 г. – в комнате или в передней. Нашему герою было предписано – в передней³². Следовательно, Петр Мусорский к тому времени (накануне или сразу после Пасхи) уже вернулся из Твери. В 1626 г. вторник на Светлой неделе пришелся на 11 апреля, Пасха была в воскресенье 9 апреля. Христосоваться с царем можно было и на Светлой неделе. В Дворцовых разрядах говорится про стол у государя во вторник на Светлой неделе 11 апреля, приводятся имена членов государева двора, кто был приглашен к столу³³.

14 марта 1627 г. Петр Мусорский находился в Москве и был приглашен к государеву столу на праздник «Пречистые Богородицы Федоровские». В списке приглашенных дворян он записан по-

сле Василия и Ивана Коробьинных³⁴. Однако в дальнейшем его имя почти не встречается в Разрядах на праздничных мероприятиях. Он бывал в Москве очень редко. На протяжении нескольких лет в боярских списках против его фамилии стоит одна и та же запись: «В писме». Это мы читаем в боярских списках 1627/1628, 1628, 1629, 1629/30, 1630/31, 1631/32 гг.³⁵ Такая запись означает, что наш герой длительное время занимался писцовым описанием ряда уездов.

Известно, что в 1628–1629 гг. Петр Мусорский вместе с подъячим Гаврилой Федоровым занимался писцовым описанием Путивля и Рьельска. В РГАДА сохранилась подлинная писцовая книга по Путивлю, в которой была описана посадская оброчная земля в этом городе. Писцы, предъявляя книги в Поместный приказ, должны были в них расписываться (ставить скрепы). За неграмотного писца Петра Мусорского расписывался его сын Иван Петрович Мусорский³⁶.

Вполне возможно, что Петр Мусорский отсутствовал в Москве в апреле 1629 г., занимаясь писцовым описанием южных уездов, когда в столице произошел страшный пожар, уничтоживший его двор. Среди документов Разрядного приказа Московского стола 1629–1633 гг. сохранился указ царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета окольничему Льву Ивановичу Долматову-Карпову и дьяку Ивану Грязеву об описании пожараща 10 апреля 1629 г. и «измерении улиц, переулков, тушиков и погоревших дворов в Белом городе от Водовзводных и Всехсвятских ворот до Тверской улицы». Эти обмер и описание были необходимы правительству для новой регулировки ширины улиц и переулков, чтобы устранить в дальнейшем жилищную скученность, способствующую громадным пожарам. Благодаря данному источнику, опубликованному в журнале «Красный архив», мы узнаем о планировке Москвы, о людях, живущих в то время. Двор Петра Мусорского находился в Белом городе в застенке от Чертольских ворот до Арбатских ворот. Соседями были Никита Дуров, Федор и Борис Нащокины³⁷.

Уже говорилось о приобретении Петром Мусорским ряда земель в Московском уезде. После завершения писцовых описаний южных уездов он приобрел новые земли в Подмосковье. В августе 1632 г. Петр Иванович Мусорский купил порозжие земли – пустоши Залужье, Лаптево и др. в Горетове стане Московского уезда. Ранее в 1630 г. земли в Московском уезде приобрел его сын Иван. 18 августа 1630 г. по указу царя и патриарха Ивану Мусорскому разрешили купить вотчину из порозжих земель – пустоши Локтево, Минуно и др. в округе с. Павшино в Московском уезде. В другом месте говорится об этой деревне Минуно на речке Липишне.

Еще в одном документе говорится о приобретении И. П. Мусорским в тот же день 18 августа 1630 г. пустоши Могаеково и Саванино на речке Городенке в Горетове стане Московского уезда.

Он получил купчую грамоту из Приказа Большого дворца. Позже, в 1634/1635 г., Иван Мусорский произвел обмен этой вотчины с Василием Богдановым Лихачевым (пустошь Саванино за пустошь Инашино в этом же Горетове стане).

Вотчину Мусорских – деревню Минино с пустошами на речке Липишне, которые Петр Мусорский с сыном Иваном приобрели в 1630 и 1632 гг., – через 10 лет (в 1642 г.) купил у Ивана Мусорского боярин Н. И. Одоевский. Примерно в то же время (1641/1642 г.) Иван Мусорский выкупил у вдовы подъячего Калины Страхова другие земли в том же Горетове стане Московского уезда, а в 1643 г. выкупил из поместья в вотчину несколько пустошей в Бохове стане Московского уезда. В 1646 г. вотчины Ивана Мусорского в Московском уезде были проданы³⁸. Утрата Иваном Мусорским в 1646–1647 гг. вотчин в Московском уезде, как и в Ярославском, Тверском, Ростовском и Волоцком, была вызвана семейными обстоятельствами.

В 1633 или в 1634 г. Петр Мусорский получил назначение воеводой в Ростов. Здесь он сменил Василия Петровича Суворова-Наумова, который упомянут в разрядах воеводой этого города в 1632/1633 г.³⁹ В книгах разрядных отсутствует запись о назначении воевод за 1633/1634 г., а первое упоминание о воеводе Ростова Петре Мусорском мы находим в царской грамоте от 1 августа 1634 г. В этот день (1 августа) в Ростове воеводе Петру Мусорскому была отправлена указная грамота о разделе вотчины Захара Озерова между его тремя сыновьями (Иваном, Осипом и Василием) в Ростовском уезде. По указанию воеводы Петра Мусорского подъячий Богдан Салтыков осуществлял этот раздел и составлял отдельные книги⁴⁰.

Возможно, к периоду Ростовской службы Петра Мусорского относится покупка им вотчины в Богородицком стане Ростовского уезда (с. Новоселки с деревнями и пустошами). Это была родовая вотчина известных дворян Болтиных. П. И. Мусорский купил ее у дьяка Ивана Варганова, который ранее сам купил ее у Феодоры Григорьевны Болтиной (вдовы окольного А. И. Зюзина). Уже после смерти П. И. Мусорского, в 1647 г., Баим Федорович Болтин выкупил у сына П. И. Мусорского Ивана эту родовую вотчину Болтиных⁴¹.

В разрядной записи за 1634/1635 г. отмечено: «В Ростове. Петр Мусорской и Петр отпущен к Москве, а в Ростов послан князь Офонасей княж Григорьев сын Шеховской, а с ним посадские и жилецкие люди»⁴². Судя по данной записи отъезд Петра Мусорского из Ростова мог состояться весной – летом 1635 г. В марте 1636 г. новому воеводе Ростова кн. А. Г. Шаховскому была отправлена из Москвы (из Поместного приказа) указная грамота об отказе (передаче) Ивану Березникову закладной вотчины одного из сыновей упомянутого Захара Озерова (Ивана Озерова).

В литературе встречается мнение, что Петр Мусорский умер в конце 1636 г. или в начале

1637 г. В уже упоминавшемся деле о записи за Иваном Мусорским и его мачехой Марией Клокачевой вотчины кн. Н. И. Одоевского есть один документ от 25 марта 1636 г. Этот документ имеет название «Закладная кабала кн. Никиты Ивановича Одоевского Марии Никитиной дочери Клокачева, вдовы Петра Иванова сына Мусорского, на вотчину своего отца...», по которому видно что уже в марте 1636 г. Мария Мусорская стала вдовой, Петр Мусорский к тому времени уже умер. Однако И. Е. Забелин отмечал, что П. И. Мусорский был отпет патриархом лишь 2 января 1637 г. в Воздвиженском монастыре на Воздвиженке (на Арбате): «Церковь Воздвижения Честного Креста Господня, что на Арбате, в Воздвиженском монастыре 145 г. января 2 отпел св. патриарх в Здвиженском монастыре по Петре Мусорском, от ризницы провозу 10 ден. дано»⁴³.

По-видимому, дело об этой вотчине кн. И. Н. Одоевского было завершено уже после кончины П. И. Мусорского в 1637 г., поэтому Мария Клокачева в данном документе указана как вдова.

Надпись на каменной надгробной плите, установленной в одной из пещер Псково-Печерского монастыря, позволяет уточнить некоторые факты из биографии П. И. Мусорского. Петр Мусорский умер 10 декабря 1636 г., перед смертью он принял схиму с именем Пафнутия, был похоронен 2 февраля 1637 г. в Псково-Печерском монастыре. Приведем данную надпись на надгробии полностью: «Лета 7145 декабря в 10 день преставися раб божий Петр Иванов сын Мусорской, а во иноцех инок схим Пафнотей, а годовая память ему на память поклонения честных вериг апостола Петра января в день; а погребен у Пречистые Богородицы во Псковском в Печерском монастыре в пещере февраля в 2 день»⁴⁴.

Это не единственное захоронение Мусорских в данном монастыре. Уже говорилось, что от второго брака с Марией Никитичной Клокачевой (умерла в 1648 г.) была дочь Мария. Дочь П. И. Мусорского Мария Петровна умерла 26 февраля 1645 г. и похоронена также в одной из пещер Псково-Печерского монастыря. Она была замужем за князем Иваном Петровичем Козловским. С ней вместе были похоронены в пещере Псково-Печерского монастыря умершие в младенчестве ее племянник и племянница, дети Ивана Петровича Мусорского – Семен и Матрена. Судя по тому, что надпись на каменной могильной плите была сделана вскоре после похорон княгини Марии Петровны Козловской, дети Ивана Мусорского умерли в то же время или несколько позже. На могильной плите сохранилась следующая надпись: «Лета 7153 февраля в 26 день преставися раба божия княгиня Мария Петрова дочь Иванова Мусарского князя Иванова жена Петровича Козловскаго, с нею же положены Ивановы дети Петровича Мусорскаго Семион млад Матрена млад»⁴⁵.

После утраты вотчин в Ярославском, Тверском, Волоцком, Ростовском и Московском уездах у Ивана Петровича Мусорского остались лишь вотчины отца в Луцком уезде. В выписке из писцовых книг 1625–1627 гг. Тимофея Боборыкина и подъячего Евлампия Шахохина говорится о выслуженной вотчине П. И. Мусорского в Никольском стане Великолуцкого уезда, которой он владел по жалованной грамоте 1621/1622 г. Речь идет о деревне Коптево с починком на р. Тысяче в Никольском стане Великолуцкого уезда. Это выслуженная вотчина Петра Мусорского, которая позже была дана его сыну Ивану (в 1640 г.). В 1645 г. Иван Мусорский лишился этих вотчин в Луцком уезде, которые по просроченной закладной кабале приобрел Дмитрий Петрович Вольнский⁴⁶.

В заключение скажем несколько слов о связи нашего героя с композитором Модестом Петровичем Мусоргским. Петр Иванович Мусорский был прямым предком композитора М. П. Мусоргского (разница в восьми поколениях).

Иван Петрович Мусорский (ум. 1656) от брака с Ириной Ивановной Воронцовой-Вельяминовой (ум. 1686, пережила мужа на 30 лет) имел дочь Феклу и сына Михаила (ум. 1691 г.).

Михаил Иванович Мусорский от брака с некоей Анной Богдановной имел двух сыновей – Филиппа и Богдана.

Филипп Михайлович Мусорский, который умер до 1719 г., был прапрапрадедом великого композитора. Известны его сын Григорий Филиппович (ум. 1745 г.) и внук Григорий Григорьевич (ум. 1761 г.).

Деда композитора звали Алексей Григорьевич (1758–1826). Именно в его деле в Псковском архиве хранится список с грамоты Петру Ивановичу Мусорскому на земли.

Отец композитора Петр Алексеевич (ум. 1854) от брака с Юлией Ивановной Чириковой имел двух сыновей – Филарета-Евгения и Модеста Петровича.

Примечания

- ¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 374–396 (Монастыревы-Мусоргские).
- ² Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського* : в 3 т. Київ, 2009. Т. I. С. 69.
- ³ См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951. С. 153.
- ⁴ Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М., 1975. Т. 2, вып. 1. С. 235 ; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // *ЧОИДР.* 1907 год. Кн. 2 (221). С. 9 (М., 1907).
- ⁵ См.: Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы (Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг.) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства.

Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина (далее – Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья) // *ЧОИДР.* 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.

- ⁶ *Аракчеев В. А.* К изучению родословной М. П. Мусоргского // *Труды Псковского музея-заповедника.* 1994. Вып. 1. С. 67–72.
- ⁷ См.: Осадный список 1618 г. (Приложение) // *Памятники истории Восточной Европы* : в 9 т. Т. VIII. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава, 2009. С. 453.
- ⁸ См.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 : Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья. Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина // *ЧОИДР.* 1911. Кн. 4. М., 1911. С. 104 ; Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // *Акты, относящиеся к истории Западной России.* Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851. № 183, СХСХVI. С. 344.
- ⁹ См.: Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов и др. (далее – *Записные вотчинные книги...*). М., 2010. С. 672, 1043, 1056, 1077.
- ¹⁰ *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 68.
- ¹¹ См.: Записная беспошлинная книга (12 августа 1613 г. – позднее 19 августа 1615 г.) // *Документы Печатного приказа 1613–1615 гг.* / сост. С. Б. Веселовский ; подгот. к печати Н. К. Ткачева. М., 1994. С. 309, 311. Ср.: *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 70 (автор придерживается другой датировки событий).
- ¹² Подробнее об этих событиях см.: *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 168 с.
- ¹³ См.: Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья... // *ЧОИДР.* 1912. Кн. 2, № 84. С. 301.
- ¹⁴ См.: Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февраль // *Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг.* / пер. А. В. Полторацкого : Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Вып. V. Новгород, 1911. № 9. С. 25–29 ; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008 ; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913. Гл. 7. С. 109–110.
- ¹⁵ См.: *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии... С. 40–44.
- ¹⁶ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. // *Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг.* (далее – *Приходно-расходные книги...*). М., 1983. С. 164.
- ¹⁷ См.: Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 644.
- ¹⁸ См.: Приходно-расходная книга Разрядного приказа 1619/20 г. // *Приходно-расходные книги...* С. 221–222.

- ¹⁹ Приходная книга Устюжской четверти 1620/21 г. // Приходно-расходные книги... С. 332.
- ²⁰ Там же. С. 385.
- ²¹ См.: КР. Т. 1. Стб. 717 (1619/1620 г.) назван «Мусырской»; Стб. 762 (1620/1621 г. – «Мусорской»); Стб. 867 (1621/1622 г.); Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 456 (1619/1620 г.).
- ²² КР. Т. 1. Стб. 923 (1622/1623 г.).
- ²³ Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты. С. 68–69.
- ²⁴ См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древнехранилище, 2015. С. 31, 110, 188, 266, 341, 474.
- ²⁵ См.: Записные вотчинные книги... С. 698–699.
- ²⁶ Там же. С. 1120–1121.
- ²⁷ КР. Т. 1. Стб. 1032.
- ²⁸ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
- ²⁹ КР. Т. 1. Стб. 1138.
- ³⁰ См.: Записные вотчинные книги... С. 744, 799, 1055.
- ³¹ КР. Т. 1. Стб. 1244 ; ДР. Т. 1. Стб. 739.
- ³² См.: «Подлинный» боярский список 1626 г. // «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 9, 57.
- ³³ См.: ДР. Т. 1. Стб. 803.
- ³⁴ См.: Записные книги Московского стола : Записная книга Московского стола 1626, мая 5–1627, августа 31 // РИБ : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 470.
- ³⁵ См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 141, 218, 301, 382, 433, 493.
- ³⁶ См.: Описание городов Европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг / сост. Т. Б. Соловьева, Л. А. Тимошина. М., 2005. С. 193.
- ³⁷ См.: Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 19 апреля 1629 г.) / предисл. В. Лебедева ; подгот. публ. В. И. Троицкого // Красный архив : исторический журнал. 1940. Т. 4 (101). М., 1940. С. 210.
- ³⁸ См.: Записные вотчинные книги... С. 250–251, 463–464, 1270.
- ³⁹ См.: КР. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 739.
- ⁴⁰ См.: Записные вотчинные книги... С. 328.
- ⁴¹ Там же. С. 1264.
- ⁴² КР. Т. 2. Стб. 814.
- ⁴³ Записные вотчинные книги... С. 1120–1121 ; Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина : в 2 ч. Ч. 1. М., 1884. Стб. 528.
- ⁴⁴ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1978. Вып. XII. С. 79.
- ⁴⁵ Там же. С. 84.
- ⁴⁶ См.: Записные вотчинные книги... С. 799.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Петр Иванович Мусорский: страницы биографии // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 377–384. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-377-384.

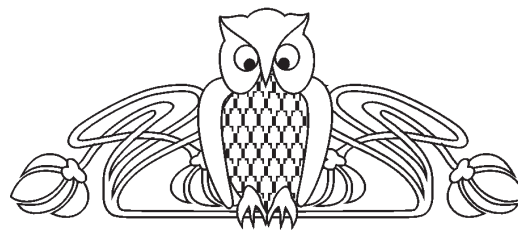
УДК 94(47).072

«НОВЫЙ ВЗГЛЯД» НА РУССКУЮ КАМПАНИЮ НАПОЛЕОНА В КНИГАХ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИКА

К. Б. Жучков

Псковский государственный университет
E-mail: Zhuchkov.konstantin@rambler.ru

Во время 200-летнего юбилея войны 1812 г. в России вышло несколько работ зарубежных авторов. Среди них книга французской исследовательницы М.-П. Рей. Несмотря на заявленный в названии книги «новый взгляд» на войну, автор остается на устаревших антирусских позициях, которые находят поддержку в современном европейском взгляде на русскую историю. Книга М.-П. Рей рассказывает не об истории войны 1812 г., а о «страданиях» французских солдат в «варварской» России. При анализе книга французского историка лишена фактической исторической основы и является переложением старых антирусских мифов. То же самое можно утверждать и о главах ее книги об Александре I, касающихся войны 1812 г.

Ключевые слова: Русский поход Наполеона, зарубежная историография эпохи 1812 г., французский историк М.-П. Рей.

«A New View» on Napoleon's Russian Campaign in the Books of a French Historian

K. B. Zhuchkov

During the 200th anniversary of the war of 1812, some works of foreign authors were published in Russia. Among them was the book of a French researcher M.-P. Rey. Despite the declared in the title «new view» on the war, the author remains on the outdated anti-Russian positions which find support in a modern European view on Russian history. M.-P. Rey's book tells not about the history of the war of 1812, but about the «sufferings» of the French soldiers in «barbarous»

Russia. The analysis of the French historian's book makes it possible to conclude that it is deprived of the actual historical basis and can be called a transposition of the old anti-Russian myths. The same can be referred to the chapters of the book dedicated to Alexander I, concerning the war of 1812.

Key words: Napoleon's Russian campaign, foreign historiography of the epoch of 1812, French historian M.-P. Rey.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-384-390

Книги известной в России французской исследовательницы Мари-Пьер Рей¹, изданные на русском языке во время 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., в целом получили благожелательные отклики среди российских специалистов². Отмечая в общем положительные качества книг, созданных М.-П. Рей, необходимо признать, что во многом это действительно новаторские для западных историков труды по эпохе 1812 г., в том числе по вопросам, касающимся политических, дипломатических и социальных аспектов темы.

Недавно Л. Л. Ивченко высказала справедливую мысль, что «для многих, занимающихся проблемами наполеоновских войн, единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, обозначаемой как «лжепатриотизм», под которым подразумевается нечто специфическое и свойственное только отечественной историографии»³. Историк сказала это по поводу того, что националистическая мифология зародилась в наполеоновскую эпоху во всех национальных государствах Европы и является важной составляющей современных европейских исторических школ. Однако проблема современного противоборства исторических школ относительно Русского похода кажется глубже. Спор по многим вопросам эпохи 1812 г. часто не научная дискуссия, а идеологическая «война», где каждая из сторон отстаивает свои цивилизационные мифы. В этой войне фактические или теоретические ошибки, как и недостаточное знание исторического материала, не играют никакой роли. В конечном счете «историографический» вопрос в том, кто кого распропагандирует.

М.-П. Рей позиционирует свою книгу о Русском походе как «новый взгляд на 1812 год». Этот «новый» взгляд автор объясняет тем, что ей, автору, «захотелось показать читателю 1812 год с новой стороны, в глобальной перспективе (выходящей за рамки собственно военных аспектов), объединив французскую и русскую точки зрения и учitando при этом все то, что прочувствовали и пережили военные и гражданские лица, прошедшие это испытание». М.-П. Рей заявляет, что историки «не смогли передать в полной мере накал, жестокость и исключительность войны 1812 года», а, кроме того, «историки редко пытались сравнивать зачастую противоположные взгляды на одни и те же события». М.-П. Рей

«кажется, что человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания... и не всегда отдавали себе отчет о чувствах участников и свидетелей событий»⁴.

Кажется, «новое» прочтение Русского похода, вынесенное в подзаголовки на обложку книги, является простым коммерческим трюком. «Человеческое измерение войны», если можно такое абстрактное, туманное и ни о чем не говорящее понятие применить к описанию военных действий, просто является лишним обозначением одной из частей всей совокупности военно-исторических фактов о войне. Тем более что о страданиях и жертвах войны 1812 г., эпических масштабах разрушений и бедствий, которые она принесла русскому народу, посвящены тонны печатной бумаги.

При знакомстве с исследованием французского историка привлекает внимание список источников и литературы. Так, М.-П. Рей везде называет Российскую национальную библиотеку Императорской⁵. Приводя исследованные по войне 1812 г. архивохранилища, автор называет Государственный архив Российской Федерации (который почему-то называется национальным) и Российский государственный архив древних актов⁶, конечно, М.-П. Рей среди источников указывает Российский государственный военно-исторический архив. Она не посещала их лично, но могла смотреть микрофильмы архивных дел из фонда Военно-ученого архива (ВУА), доступные в Русском центре Иллинойского университета. Однако никаких ссылок на материалы этих архивов во всей книге нет. В тексте есть только пять ссылок на «архивные» документы без указания реквизитов. Кроме того, в тексте дано несколько ссылок на документы, опубликованные в рамках интернет-проекта «1812»⁷, причем автор почему-то считает, что там размещено «много неизданных документов» Отечественной войны⁸. Представление автора о российских архивах говорит тот факт, что М.-П. Рей называет «Военным архивом» Отдел рукописей РНБ⁹. Кажется, описание как будто бы использованных российских архивов призвано затушевать отсутствие такой работы. Нет ничего зазорного в том, что историк не смог воспользоваться специализированным по теме архивом. Однако стремление выдать несуществующую архивную работу за действительную является желанием ввести в заблуждение читателя и придать своей книге «авторитетность».

Странным выглядит и большая часть ссылок на использованную литературу. Так, например, мемуары А. Коленкура и Ф. Сегюра цитируются по французскому изданию книги американского журналиста Куртиса Кейта. Причем А. Коленкур цитируется и по отрывкам Кейта, и по отрывкам книги К. Грюнвальда. Возникает впечатление, что М.-П. Рей не знает французской книги знаменитого шталмейстера. Поэтому неудивительно, что автор не представляет себе, кто такой

сам Арман Коленкур, поскольку считает его «крупным кавалерийским начальником Наполеона». М.-П. Рей путает его с родным братом, Огюстом Коленкуром, погибшим при Бородино. Документы М. И. Кутузова цитируются по книге французского романиста Э. Марко Сент-Илера¹⁰. В конце концов, наибольшее количество ссылок у М.-П. Рей приходится на опусы американского журналиста и французского беллетриста, которые, собственно, и являются «источниковой» базой труда М.-П. Рей, не только в военно-историческом, но и в «страноведческо-цивилизационном» плане.

Помимо того, что сведения о России и Русском походе черпаются из американских фельетонов и французских второсортных романов, М.-П. Рей все время оценивает военно-политическую ситуацию 1812 г. с точки зрения нынешнего жителя Евросоюза. Рассказывая о формировании литовских войск и попытке Наполеона образовать вассальное Литовское государство, она утверждает, что французский император создал «национальную литовскую армию», чтобы «хотя бы символически представить ее (Литву) независимой»¹¹. Однако литовские вооруженные формирования получали общую нумерацию с польскими войсками, а само «Литовское государство» становилось частью Общей Конфедерации Польши. Да, собственно говоря, в 1812 г. литовские губернии не воспринимались как автономное историческое образование. Общеупотребительным языком в литовских губерниях был польский, делопроизводство в «новой Литве» было польским и на польском языке, вероисповедание – католическим. Поэтому говорить о «национальной литовской армии» или о «независимом Литовском государстве» в 1812 г. неправомерно.

М.-П. Рей пишет, что «40 тысяч литовцев стали служить (французской) империи с энтузиазмом»¹². Но литовские войска так и не были набраны и сформированы полностью до конца 1812 г., при столкновениях с русскими войсками они просто бежали с поля боя или сдавались в плен. Численность всех литовских войск в процессе формирования исчислялась в 19 тыс. чел., налицо же их состояло в начале ноября 1812 г. около 12 тыс. человек¹³. Точно выразил «энтузиазм» к французской оккупации подкомиссар Смолевичского продовольственного магазина Николай Янковский. Избитый до полусмерти при ограблении магазина французскими солдатами, он заявил, что век будет помнить «освобождение и возрождение отечества»¹⁴.

На протяжении всей книги о 1812 г. М.-П. Рей ссылается на Р. Вильсона, называя его «членом генерального штаба Александра I», считая его «дипломатом, доверенным лицом Александра I»¹⁵. Между тем именно Вильсон в своих записках стал главным проводником антикутузовских и антирусских идей. Приехав в Главную квартиру русской армии 13 сентября 1812 г.,

Вильсон быстро стал приятелем Л. Л. Беннигсена и вошел в кружок недовольных фельдмаршалом генералов, каждый из которых преследовал свои корыстные цели. Английский агент стал проводником их интриг в письмах императору. Вильсон, имевший право писать напрямую царю, начал досаждать тому сплетнями и небылицами о Кутузове, особенно напирая на его якобы старческую немощь, нежелание руководить войсками, медлительность, боязнь противника. Эти обвинения едва не поколебали Александра после известия о переговорах М. И. Кутузова с Ж. Лористоном 23 сентября 1812 года. В тот момент фельдмаршала у императора отстояли П. А. Зубов, А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, А. Д. Балашев и Б. Ф. Кнорринг¹⁶ и, видимо, Н. П. Румянцев, Н. И. Салтыков и П. М. Волконский.

История доноса Вильсона на Кутузова о переговорах последнего с Лористоном показательна для понимания поведения английского агента в ставке Кутузова. Вместе с тем этот эпизод красноречиво характеризует представление М.-П. Рей о самом Кутузове: «Желая знать истинные намерения Наполеона, он (Кутузов) решил, с согласия Волконского, встретиться с Лористоном ночью, в укромном месте, у русских передовых постов»¹⁷. Между тем эпизод встречи Кутузова с Лористоном в избе, в которой квартировал фельдмаршал в Леташевке, описан во множестве источников, в том числе самим Вильсоном, на книгу которого постоянно ссылается автор¹⁸.

М.-П. Рей постоянно напоминает о том, что император «ненавидел и презирал» Кутузова, «питал к нему отвращение»¹⁹. Александр «гневался» на Кутузова за его действия²⁰. Даже несмотря на победоносное окончание войны «отношения Александра I и Кутузова по-прежнему отмечены недоброжелательностью»²¹. Между тем Александр не просто не ненавидел или презирал Кутузова, но и прямо ему доверял.

Об этом говорит тот факт, что все сотрудники главной квартиры главнокомандующего были убеждены в том, что Александр возвращал Кутузову все написанные на него доносы. А. П. Ермолов в воспоминаниях писал: «... Узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма...». Ему вторит другой сотрудник Главной квартиры А. А. Щербинин: «Вскоре после Тарутинского сражения Кутузов получил от Государя письмо, которое послано было Беннигсеном Его Величеству. В этом письме заключался донос на Кутузова...» Об этом же свидетельствует А. И. Михайловский-Данилевский: «Фельдмаршал до такой степени пользовался доверенностью государя, что император посылал к нему обратно письма партикулярно от различных генералов из армии к особе е. в. писанные». Еще один квартирмейстерский офицер подтверждает их догадки: «Позднее, во

время дела при Тарутине, Кутузов стал больше в милости; он узнавал об интригах Беннигсена непосредственно от императора. Кутузов, в своей хитрости, не подавал виду, что он получал обратно доносы Беннигсена императору». «Он (император) утвердил представление князя Кутузова, препроводил к нему шпагу с лаврами и 100 тыс. рублей для Беннигсена и вместе с тем прислал донос его (Беннигсена на Кутузова)»²².

«Нелюбовь» Александра к Кутузову заставляет М.-П. Рей дать неприглядную характеристику фельдмаршалу: «Одноглазый, тучный и почти что немощный Кутузов был известен своей ленью, придворным раболепием, вкусом к роскоши – даже во время кампаний при приеме пищи он пользовался серебряной посудой и любовными утехами»²³. Возникает вопрос, как, каким образом, Александр, характер и личность которого М.-П. Рей все же основательно изучила (судя по ее книге об Александре), мог в драматическую минуту существования Российского государства назначить для его спасения немощного, ленивого, раболепного развратника.

Несколькими строками ниже, однако, М.-П. Рей говорит что «харизматичный, опытный и храбрый Кутузов был в состоянии сплотить армию лучше, нежели это сумел сделать несчастный Барклай»²⁴. М.-П. Рей дает не цельную характеристику полководцу, вытекавшую бы из ее, исследовательницы, изучения обстоятельств, в которых находился Кутузов в 1812 г., а следует просто характеристика его недругов, а при необходимости подправить «логическую» связь своих рассуждений просто вставляет в свои рассуждения необходимые ей лоскутки «правдоподобия». Это «правдоподобие» рассказов западных ученых о российской истории и есть методологическая основа антирусской традиции западной историографии об эпохе 1812 года. То есть это то «правдоподобие», к которому привык западный читатель.

Следование М.-П. Рей в колее антирусской мифологии особенно ярко проявляется в некритичном повторении всяческих домыслов и небылиц, сопровождающих обыкновенно рассказы о войне, сами по себе которые являются или политически пропагандистскими, или весьма преувеличенными рассказами участников, пытающихся разжалобить своих читателей. Однако под пером М.-П. Рей все эти «анекдоты» так и становятся в систему неких доказательств. Эти «доказательства» варварства русских, беспричинно жестоких и кровожадных чуть ли не прозывают книгу.

«После того, как у них все отбирали, пленных часто казнили на месте, закапывая или сжигая заживо, или передавали их крестьянам, которые, подвергнув их пыткам, казнили их, часто с языческими ритуалами». «Двигаясь по главной дороге... увидели толпу крестьянок с палками в руках, прыгающих вокруг срубленной

сосны, на каждой стороне которой лежало около шестидесяти обнаженных пленников, распостертых, с головами на дереве эти фурии били их по головам в такт национальной мелодии или песне, которую они хором вопили». «В этот день в Вязьме около 60 пленников были погребены заживо в ямах, которые их заставили выкопать». «Я видел, как французского пленника за двадцать рублей продали крестьянам, которые крестили его при помощи котла с кипятком, а потом, еще живого, насадили на кусок острого железа». И резюме М.-П. Рей: «Эти варварские пытки и систематические убийства пленников вызвали возмущение Вильсона»²⁵.

С нашей точки зрения, все эти пассажи в мемуарах военнслужащих французской армии являются просто выдумками, преследовавшими различные цели: разжалобить своих западных читателей, привлечь внимание к своим бедам и невзгодам, получить пенсию или субсидию, вызвать «уважение» пережитыми страданиями своих потомков. Крестьяне, возможно, казнили французских мародеров, или, вернее, избивали их, если была для этого возможность, но вряд ли они придумывали какие-то замысловатые казни. Очевидно, что никакие крестьяне не будут покупать за 20 рублей французского пленного, чтобы его казнить. Однако исследовательница ни словом не обмолвилась ни про расстрелы в Москве, ни убийства русских пленных французами просто из нежелания их кормить и лечить.

В продолжение темы «жестокости» русских «варваров» М.-П. Рей описывает убийства французских больных. «В госпиталях Вильны были оставлены 5 тысяч раненых и больных; кроме того, около 10 тысяч солдат, в том числе отставшие и не способные двинуться в путь, стали жертвами казаков Платова»²⁶. «Убийство» казаками 15 тыс. французских больных и отсталых в Вильно, конечно, не соответствует действительности. Во-первых, не понятно, зачем это им, казакам, нужно. Чтобы самим заразиться тифом и дизентерией? Во-вторых, казаки в Вильно и не заходили. Казачий корпус М. И. Платова 28 ноября 1812 г. обошел город с юга и продолжил преследовать отступающую французскую армию, авангард И. Е. Чаплица, в котором были казачьи полки, вошедший для занятия города, через несколько часов также продолжил наступление.

М.-П. Рей для убедительности приводит «свидетельство» француза на русской службе: «Явившись туда (в госпиталь в Базилианском монастыре), мы стали свидетелями ужасного зрелища: из окон всех этажей этого огромного здания выбрасывали не только трупы, но и еще дышавших людей, чтобы, как нам было сказано, освободить место для русских раненых и больных, которые, в самом деле, прибывали в ужасающих количествах»²⁷. Во-первых, «из окон всех этажей» – сильно сказано, потому что Базилианский монастырь имеет до сегодняшне-

го дня два этажа. Во-вторых, откуда в Вильно могли прибывать русские раненые и больные «в ужасающих количествах»? Ну и самое главное, французский военный хирург Карпон, находившийся как раз в это самое время именно в госпитале Базилианского монастыря, свидетельствует, что тела умерших в окна выбрасывали сами французские больные для освобождения переполненных комнат²⁸.

В госпиталях Вильно на момент занятия города русскими войсками находилось не менее 15 тыс. больных французской армии. При этом все они были обречены на равнодушие и безразличие французских властей, бросивших своих больных и раненых людей на произвол судьбы. Вот о чем свидетельствует французский врач Бертран, осматривавший один из виленских госпиталей еще до прихода русских: «Больные валялись в коридорах на снопах полусгнившей соломы или прямо на голом полу, ничем не прикрытые, в невыразимой грязи, так как они испражнялись и мочились под себя, и никто не убирал нечистот. Несколько, только что вставших после болезни и еще шатающихся солдат кое-как исполняли обязанности служителей. Ничтожное количество крайне плохого мяса и хлеба было разделено между больными без всякого порядка. Не было необходимых лекарств, например рвотного»²⁹. В патологоанатомическом кабинете клиники О. Франка в Вильно, в которой был устроен госпиталь, французские больные выпили спирт и употребили в пищу патологоанатомические препараты³⁰. Это происходило в то время, когда склады в Вильно буквально ломались от хлеба.

Вообще останавливаться на подробностях книги М.-П. Рей и посвящать ей развернутую критику невозможно, потому что вопросы возникают на каждой странице. Помимо некритичного отношения к источникам, автор плохо представляет военно-исторические подробности событий и карту военных действий. Все сказанное вместе создает в книге смесь «информации», которую почти невозможно «анализировать».

Вот М.-П. Рей пишет: «Обычно пехотинцы, делая 76 шагов в минуту, проходили за день 20–25 км»³¹. Однако 76 шагов в минуту – это так называемый «ординарный шаг», который использовался на поле боя, а походный шаг составлял 85–90 шагов в минуту³².

Александр I 26 июня 1812 г. из Вильно отправился в Петербург³³. Нет, царь уехал из армии ночью с 6-го на 7-е июля 1812 г., и не из Вильно, а из Полоцка, и не в Петербург, а в Москву³⁴.

20 августа М. Б. Барклай де Толли покинул пост командующего 1-й Западной армии³⁵. Ничего подобного, конечно. М. Б. Барклай де Толли написал рапорт об увольнении 19 сентября 1812 г., а уехал из армии 22 сентября 1812 г., так что никто его с поста командующего 1-й армией не смещал³⁶.

«Кутузов отсутствовал на поле боя» при Бородине³⁷. Во время Бородинского сражения Кутузов

находился на высоте около д. Горки³⁸, которая находилась ближе к линии столкновения, нежели курган у д. Шевардино, где пребывал Наполеон³⁹.

Русская армия, обманув О. Себастиани на Рязанской дороге, «свернула к югу, в направлении к Тарутино»⁴⁰. Русская армия 4 сентября 1812 г. свернула с Рязанской дороги не на юг, а на запад, и не на Тарутино, а на Подольск⁴¹.

«Вскоре после полуночи 23 октября к Кутузову во весь опор примчался штабной офицер из 6-го корпуса»⁴². Дежурный штаб-офицер 6-го корпуса Д. Бологовский ночью с 10-го на 11-е октября, имея несколько заводных лошадей, под проливным дождем проехал расстояние в 15 км за 5–6 часов⁴³.

Рассказывая о военных событиях, автор обращает внимание на различные мелочи, тогда как упускает из виду содержательные, объясняющие логику этих событий, факты. «Одержав победу над отрядом графа Палена, Удино сумел оттеснить русских на правый берег реки и сохранить контроль над Борисовским мостом»⁴⁴. Но мост через Березину был тогда же сожжен П. В. Чичаговым, тем более выражение «сохранить контроль» означает, что Ш. Удино мостом уже владел, что тоже неверно⁴⁵. М.-П. Рей подробно «описывает» постройку мостов у д. Студянка и начавшуюся переправу Великой армии, однако ни словом не обмолвилась о 40-орудийной батарее, поставленной Наполеоном для прикрытия постройки мостов и перехода войск, которая мгновенно подавила сопротивление русских на правом берегу⁴⁶.

Продолжая тему страдания французской армии, автор говорит: «Сотни, а затем и тысячи мужчин, женщин и детей... падали в ледяную реку и тонули, некоторым перерезали шею льдины»⁴⁷. «Пальцы ломались как стеклянные, носы и уши, охваченные гангреной, порой отваливались. В некоторых текстах есть намеки на потерю половых органов»⁴⁸.

«Описание» М.-П. Рей «страданий» французской армии на протяжении всей книги становится настолько «обыденным», что автор вынуждена прибегнуть к «усилению» впечатления, производимого «описанием» этих «страданий» у читателя. И это «усиление» приводит ее к необходимости приводить неправдоподобные «факты», противоречащие законам природы.

Вот как исследовательница, например, описывает военные события: «Наполеон приказал возглавить арьергард Виктору, чьи войска были усилены баварскими частями генерала фон Вреде»⁴⁹. Поскольку М.-П. Рей не указывает даты событий, ею «описываемых», ее утверждения зачастую становятся просто повисающими в воздухе, делая и без того малопонятную военно-историческую картину вовсе лишенной событийно-логической связи. Фразы, содержащие имена и топонимы, у М.-П. Рей не несут никакой связи с окружающим миром и являются просто укра-

шениями абзацев. Читателю приходится только предполагать, что автор имеет в виду. Между тем никаких распоряжений о вступлении в аррьергард К. Виктора К. Вреде от Наполеона не получал. 9-го декабря 1812 г. он получил через А. Бертье приказ И. Мюрата о поступлении его в аррьергард в подчинение М. Нея, а не Виктора⁵⁰.

По мнению М.-П. Рей, Г. Маре, «желая спасти выживших солдат Великой армии от нападений казаков Платова... решил... послать им на помощь часть своей резервной армии. Кроме дивизии генерала Луазона, это 10-тысячное войско включало в себя 2 бригады неаполитанских пеших егерей и почетного караула под командованием генералов Кутара и Франчески»⁵¹. Никакой «резервной армии» у Г. Маре не было. Неаполитанской гвардейской кавалерийской бригадой командовал генерал Ф. Пепе⁵². Генерал Л. Кутар командовал 3-й бригадой 28-й дивизии и находился в это время в Вилейке⁵³ за 128 верст от Вильно, а генерал Ж. Франчески, командовавший маршевой кавалерийской бригадой, был отправлен генералом Вреде во 2-й корпус еще 13 ноября⁵⁴.

«Столкнувшись с такой враждебностью (жителей), уже 3 января Мюрат, Бертье и Макдональд приняли решение о выводе войск из Кёнигсберга»⁵⁵. Мюрат, Бертье и Ж. Макдональд не находились вместе в Кенигсберге. Мюрат и Бертье покинули город 1 января 1813 г. при известии о Таурогенской конвенции, когда сам Макдональд находился в Тильзите за 200 км. Макдональд прибыл в Кенигсберг 3 января 1813 г.⁵⁶ и оставил город не по причине «враждебности жителей», а под натиском русских войск, в ночь с 3-го на 4-е января.

И, наконец, М.-П. Рей пишет: «В это время на территории Российской империи уже не оставалось солдат Великой армии, кроме десятков тысяч военнопленных на Урале, и, с точки зрения как Кутузова, так и многих влиятельных людей, например, Шишкова, Россия нуждалась в мире. Их аргументы были, прежде всего, политическими: в новых войнах опять прольется русская кровь, и поскольку стране враг больше не угрожает, народ не поймет этих войн, единение царя с народом, выкованное в трудностях и невзгодах, исчезнет. Назывались и геополитические причины: как мы уже говорили, с точки зрения Кутузова, падение Наполеона было выгодно не России, а Англии... Кроме того, с точки зрения фельдмаршала, будущее России и ее истинные интересы находились не в Европе, а в Османской империи и Азии...»⁵⁷

Весь этот пассаж М.-П. Рей представляет собой просто фантазию. Ну, во-первых, никаких «десятков тысяч пленных» никогда не бывало на Урале. Неизвестны подобные высказывания и «аргументы» ни Кутузова, ни А. С. Шишкова, тем более так подробно описанные автором, ни против, ни за продолжение войны. М.-П. Рей говорит в том числе и в русле современной евро-

пейской парадигмы: Россия – азиатская страна, и ее интересы в Азии.

Книги М.-П. Рей свидетельствуют о прочном бытовании в сфере исторических исследований традиционных антирусских, а по сути, антиисторических воззрений, как на историю эпохи 1812 г., так и на исторические, а в целом и на повседневные, реалии российской жизни. Тиражирование таких «научных» работ не только придает им «авторитетность», но и распространяет и «освящает» неправильные представления об эпохе 1812 г. в околонучной и в научной среде. Представляется, что историческая критика должна подобные «исследования» последовательно выводить из научного оборота, тем самым лишая популярно-исторические и политические дискуссии, особенно популярные в нашей стране на фоне современной внешнеполитической парадигмы, неправомочных «исторических» аргументов.

Примечания

- 1 См.: *Рей М.-П.* Александр I. М., 2013; *Рей М.-П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.
- 2 *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013. С. 365, 369; *Канинская Г. Н.* «Северный сфинкс» глазами французского историка (О книге М.-П. Рей «Александр I») // Французский ежегодник 2010. М., 2010. С. 458–463; *Чудинов А. В.* О «глобализации» в историографии войны 1812 года (размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник 2013. М., 2013. С. 61–74; *Ивченко Л. Л.* Проблемы современной российской историографии наполеоновских войн // Эпоха 1812 года. XII: сборник материалов. М., 2014. С. 342–362.
- 3 *Ивченко Л. Л.* М. И. Кутузов в отечественной историографии 2000–2012 годов // 1812 год. Люди и события великой эпохи: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 19–20 апреля 2012 г.). М., 2013. С. 111.
- 4 *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 7–9.
- 5 См.: *Рей М.-П.* Александр I. С. 5; *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 10, 84 (с. 269, примеч. 29), 159 (с. 281, примеч. 95), 188 (с. 285, примеч. 5), 257 (примеч. 12), 268 (примеч. 28), 279 (примеч. 44).
- 6 См.: *Рей М.-П.* Страшная трагедия... С. 10, 295.
- 7 Там же. С. 156 (с. 280, примеч. 82), 165 (с. 282, примеч. 113), 213–214 (с. 289, примеч. 23), 240–241 (с. 292, примеч. 56), 242 (с. 293, примеч. 60).
- 8 Там же. С. 293 (примеч. 60); *Рей М.-П.* Александр I. С. 462 (примеч. 392).
- 9 См.: *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 257 (примеч. 12).
- 10 Там же. С. 32 (с. 260, примеч. 41), 36 (с. 261, примеч. 52), 131 (с. 276, примеч. 87); *Рей М.-П.* Александр I. С. 267.
- 11 *Рей М.-П.* Страшная трагедия... С. 86.
- 12 Там же. С. 45.
- 13 См.: *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 209–217; *Iwaskiewicz J.* Litwa w roku 1812. Krakow i Warszawa, 1912. S. 368–369, 372.

- ¹⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильна, 1912. С. 474.
- ¹⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 117, 148, 198.
- ¹⁶ См.: Воейков А. Ф. Отрывок из статьи // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278.
- ¹⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 147–148.
- ¹⁸ См.: Вильсон Р. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 168–169.
- ¹⁹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 105, 115; Рей М.-П. Александр I. С. 271.
- ²⁰ См.: Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 213, 135, 155.
- ²¹ Там же. С. 239.
- ²² Ермолов А. П. Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 215; Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно, 1900. С. 43; Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Октябрь. С. 159; Diest H. Aus der Zeit der Not und Befreiung Deutschlands in den Jahren 1806 bis 1815. Hrsg. v. G. v. Diest. Berlin, 1905. S. 157; Воейков А. Ф. Отрывок из статьи // Бумаги... собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. С. 279.
- ²³ Рей М.-П. Александр I. С. 271–272.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 201–202.
- ²⁶ Там же. С. 235.
- ²⁷ Там же. С. 237.
- ²⁸ См.: Revue Napoléonienne. T. IV. Avril-septembre. Rome, 1903. P. 186–189.
- ²⁹ Бернацкий Н. Н. События в Вильне во время Отечественной войны. Вильна, 1912. С. 134–135.
- ³⁰ Вильна и окрестности. Вильна, 1883. С. 114.
- ³¹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 68.
- ³² Reglement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Paris, 1792. P. 21, 144; Manuel de l'infanterie. 4ème éd. Paris, 1813. P. 90, 92, 94.
- ³³ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 74.
- ³⁴ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 52.
- ³⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 106.
- ³⁶ М. И. Кутузов. Сб. документов : в 5 т. Т. IV, ч. 1. М., 1954. С. 331–332; Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1812-го года. СПб., 1912. С. 42; Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. С. 144.
- ³⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 123.
- ³⁸ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 368, 377, 396, 398, 399.
- ³⁹ Schuermans A. Itinéraire general de Napoléon Ier. Paris, 1908. P. 307–308.
- ⁴⁰ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 156.
- ⁴¹ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч. 1. С. 239.
- ⁴² Там же. С. 175.
- ⁴³ Попов А. Н. От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 25.
- ⁴⁴ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 215.
- ⁴⁵ Харкевич В. И. 1812 г. Березина. СПб., 1893. С. 105.
- ⁴⁶ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 217–219.
- ⁴⁷ Там же. С. 220.
- ⁴⁸ Там же. С. 227.
- ⁴⁹ Там же. С. 229.
- ⁵⁰ Voelderndorff E. Observation sur l'ouvrage de Mr. le Comte Ph. de Ségur. Munic, 1826. P. 148; Sauzey A. Les Allemands sous les Aigles françaises. T. V. Paris, 1910. P. 257.
- ⁵¹ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 230.
- ⁵² Capello G. Gli Italiani in Russia nel 1812. Castello, 1912. S. 323–325.
- ⁵³ Krauss Th. Geschichte der bayerischen Heeresabteilung im Feldzug gegen Russland 1812. Augsburg, 1857. S. 188–191.
- ⁵⁴ Voelderndorff u. Waradein E. Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian Joseph I. Bd. 3. München, 1826. S. 276.
- ⁵⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 242.
- ⁵⁶ Reboul F. Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Paris, 1910. P. 271–282.
- ⁵⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия... С. 242.

Образец для цитирования:

Жучков К. Б. «Новый взгляд» на русскую кампанию Наполеона в книгах французского историка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 384–390. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-384-390.

УДК 94 (47). 081

П. А. ВАЛУЕВ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «МИНИСТРА-БЮРОКРАТА»

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: morozovaen@mail.ru

Статья посвящена проблеме репрезентации образа власти на примере министра внутренних дел России, Петра Александровича Валуева, ключевой фигуры в реализации Великих реформ. Исследование источников помогло выявить причины создания в массовом сознании негативного образа чиновника – представителя высшей политической элиты. В работе анализируются те формы и методы, которые придали Валуеву комплекс символических характеристик, приведших к персонификации образа «классического бюрократа».

Ключевые слова: П. А. Валуев, Министерство внутренних дел, образы власти, Великие реформы, чиновничество, рациональная бюрократия, массовое сознание.

P. A. Valuev: Ways of Forming the Image of a «Minister-bureaucrat»

E. N. Morozova

The paper considers the problem of the representation of authority image on the example of Petr Alexandrovich Valuev, a key figure in the realization of the Great Reforms. The sources studied allowed to reveal the causes for the creation of the negative image of an official representing the political elite in the mass consciousness. The author analyzes the ways and forms that gave Valuev the complex of symbolic characteristics leading to the personification of the image of a «classical bureaucrat».

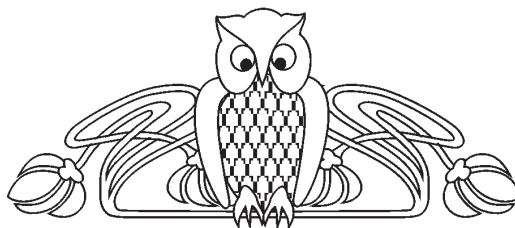
Key words: P. A. Valuev, Ministry of Internal Affairs, authority image, Great Reforms, officialdom, rational bureaucracy, mass consciousness.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-391-398

П. А. Валуев, министр внутренних дел, представлял собой ключевую фигуру на политическом Олимпе эпохи Великих реформ. С его именем связана реализация законопроектов, подготовленных Редакционными Комиссиями, и создание собственной модели земского самоуправления, нашедшей свое воплощение в Положении о земских учреждениях 1864 года.

Действующие лица этой эпохи так или иначе получили свое отражение в массовом сознании: Александр II – «Царь-Освободитель», Н. А. Милютин – «Кузнец-Гражданин»¹. А вот имидж П. А. Валуева прочно ассоциировался с негативным образом бюрократа «с ног до головы»².

В статье предпринимается попытка рассмотреть формы и методы создания в общественном сознании 1860–1870-х гг. образа «министра-бюрократа». Этот сюжет интересен еще и тем, что в политической жизни России предреформенного пе-

риода курляндского губернатора П. А. Валуева с его знаменитой «Думой русского во второй половине 1855 года» считали олицетворением либерализма³. Его известные сентенции – «Сверху блеск, снизу – гниль», «Грустно...» – неоднократно повторялись во многих произведениях бесцензурной печати второй половины 1850-х годов. М. А. Шумилов отмечает, что, видимо, под прямым воздействием валуевской «Думы...» была написана записка Ю. Л. Кубе, которая во многом повторила инвективы Валуева по поводу состояния управления в России⁴.

П. А. Валуева, который с 1858 г. работал под руководством М. Н. Муравьева в Министерстве государственных имуществ⁵, не пригласили в Редакционные Комиссии, что, судя по дневниковым записям, его очень задевало, тем более что он имел собственные взгляды на решение крестьянского вопроса в России⁶.

После подготовки законоположений о крестьянах, полицейской реформы, первых проектов коренного преобразования местного управления либеральная бюрократия надеялась на проведение всего комплекса реформ одновременно. Н. А. Милютин и С. С. Ланской предвидели массу печальных последствий от частичной реализации проектов. «Весь успех великого дела, – отмечал Н. А. Милютин, – будет зависеть от того, как оно будет приводиться в исполнение»⁷.

Для всей либеральной бюрократии, да и для самих ее лидеров, отставка руководства Министерства внутренних дел стала полной неожиданностью. Все изменения готовились в такой глубокой тайне, что Н. А. Милютин до последнего надеялся на то, что он будет утвержден в должности товарища министра внутренних дел или даже получит пост министра. Эту уверенность в нем поддерживал А. В. Головнин, который передавал Милютину слова вел. кн. Константина Николаевича⁸. Но и П. А. Валуев не знал, какой пост ему предназначен. В дневнике от 21 апреля 1861 г. есть лаконичная запись: «Вчера утром Сиверс говорил о моем назначении министром внутренних дел. У Муравьевых говорили о моем назначении министром народного просвещения. В комитете министров – о назначении министром финансов. И, наконец, сегодня гр. Блудов объявил по поручению государя, что я буду назначен управляющим министерства внутренних дел»⁹.

Думается, что именно в этой ситуации нужно искать точку отсчета – начало формирования образа бюрократа «с ног до головы» – П. А. Валуева. В действительности проблема заключалась не сколько в личности самого Валуева, столько в глубоком убеждении либеральной части общества, что апрельские события 1861 г. знаменовали победу реакции, приход к власти оппозиции, противников либералов-реформаторов. Поэтому любой чиновник, занявший ключевой пост в Министерстве внутренних дел, априори бы считался консерватором, реакционером-бюрократам. Доказательством тому служит интенсивная переписка между Н. А. Миллютиным, В. А. Черкасским, Ю. А. Самариним, А. В. Головиним весной 1861 года. По словам Н. А. Миллютина, «оппозиция продолжает свое дело и еще более ярится». Он пишет о «триумвирате» (Строганов, Панин, Долгорукий), который овладел «мыслями царя». Окружение Александра II Миллютин попросту называл «многочисленной дворней», «развратной и ленивой челядью». Он не жалел колких замечаний и обидных эпитетов для своих противников: «Сообщников их – легион. Бутковский – их верный холоп. “Мой друг” Шувалов им будет помогать по убеждению и по расчету, хотя смотрит в другую сторону на всякий случай»¹⁰.

Либеральная бюрократия, потерявшая свои ключевые посты, безусловно, была недовольна назначением П. А. Валуева на пост главы Министерства внутренних дел. В их глазах Валуев много проигрывал Н. А. Миллютину и по его реформаторским качествам, и по личным.

Сам Миллютин считал свою отставку, и особенно ее форму («Ланского и меня отстранили от министерства, не дождавшись инициативы с нашей стороны»)¹¹, крайне несправедливой. «Нам объяснили, – пишет он, – что это необходимо для примирения с дворянством. И, кажется, серьезно думают, что такие огромные жертвы уничтожат благородное сословие». В этом письме дается та характеристика Валуева, которая обозначит комплекс характеристик, которые в глазах либеральных реформаторов, присущи новому главе Министерства внутренних дел. Валуев «громогласно заявил, со свойственным ему классическим красноречием, что он будет исполнять Положение строго и буквально, но в духе примирения. Задача, как видите, легкая. Что из этого всего выйдет, трудно предсказать. Но, кажется, несомненно, что начинается опять трагикомическое *qui pro quo*, которого мы были свидетелями, между Государем, с одной стороны, и его многочисленной дворней – с другой. Дворян хоть и привычна ставить вопрос личного влияния выше всех других, но на этот раз хранят очевидную затаенную надежду переделать то, что сделано, на свой лад (курсив мой. – Е. М.). Нет внутреннего двигателя – Редакционных Комиссий»¹².

Д. А. Оболенский, личный друг Н. А. Миллютина, утверждал, что «назначением лиц, враждебных реформам», правительство «надеялось ограничить размер их применения»¹³.

Следовательно, уже в первой половине 1861 г., когда П. А. Валуев еще никак не проявил себя в качестве главы ведомства, он уже начинает персонифицироваться в образе «классического бюрократа» с определенным набором негативных характеристик: реализация реформ в «духе примирения», «классическое красноречие», карьеризм. Эта начавшаяся персонифицированная репрезентация образа власти пала на благодатную почву.

Назначение П. А. Валуева было несчастливым. Александр II, пытаясь достичь консенсуса и примирить интересы враждующих сторон, выступал в роли верховного арбитра¹⁴.

П. А. Валуев, с одной стороны, принадлежал к старинному дворянскому роду, породнился с высшей аристократией (через свою первую жену, урожденную Вяземскую), имел опыт административной деятельности в должности курляндского губернатора, возглавлял 2-й и 3-й департаменты в Министерстве государственных имуществ, возглавлял с 1 января 1861 г. кабинет министров. Все это должно было успокоить консервативную часть элиты.

С другой стороны, назначение П. А. Валуева, участника «лермонтовского кружка шестнадцати», человека, близкого пушкинскому кругу, автору «Думы», по мнению власти, должно было отвечать чаяниям либеральной части общества.

Но реальность оказалась много сложнее. Действительно, для консерваторов П. А. Валуев был джентльменом, воплощенным типом *comme il faut*¹⁵. Но с точки зрения политических взглядов он выглядел отъявленным либералом, космополитом, сторонником и проводником западных идей¹⁶. Причем они не видели большой разницы между «красным» Миллютиным и аристократом Валуевым. Для консервативной части дворянства александровские преобразования означали «ниспровержение существующих порядков», чуть ли не начало конституционного правления.

Но, вместе с тем, консерваторы считали назначение Валуева лучшим из возможных вариантов. В. П. Мещерский замечает, что «в условиях, когда все кипело каким-то озлоблением к дворянству и каким-то стремлением ко всему новому, очень серьезная существовала опасность для государства от назначения на место министра внутренних дел какого-нибудь молодого гения, по внушению или Михайловского, или Мраморного дворца в духе либерализма... Валуев же был человеком вне партий, спокойный и уравновешенный. Слишком образованный и джентльмен, чтобы симпатизировать начинавшим зарождаться Базаровым как кандидатам для государственных должностей»¹⁷. Мещерскому вторит Е. М. Феоктистов: «Удаление с поста в то время Н. А. Миллютина было счастливым событием, хотя очень жаль, что во главе Министерства внутренних дел оказался такой пустой и ничтожный фразер, как Валуев. Миллютин, закусив удила в борьбе, продолжал бы действовать в усвоенном им на-

правлении, и, Бог знает, какими отразилось бы это последствиями»¹⁸.

Для либерального дворянства Валуев являлся консерватором. После введения крестьянской реформы сложилась новая общественная обстановка. Эйфория подготовительного периода постепенно сменялась скепсисом и разочарованием: слишком разителен был контраст между общественными ожиданиями и результатами реформаторской деятельности начала 1860-х годов. Либеральная часть дворянства, недовольная Положением 1861 г., заявляла о своих претензиях в сфере центрального и местного управления, требовала введения центрального представительного органа в той или иной форме. Об этом шла речь на тверском, новгородском, рязанском, смоленском, петербургском, тульском, московском дворянских собраниях в 1862–1863 гг.¹⁹

Таким образом, П. А. Валуев оказался чужим и в стане консерваторов, и в стане либералов. Сам Валуев замечал, что «дара привязывать людей» у него нет: «Друзей я не имею и не мог иметь». Он с легкой завистью говорил о своем бывшем тесте П. В. Мещерском, у которого был широкий круг друзей и знакомых²⁰. Судя по заметкам в дневнике, Валуев трезво оценивал отношение к себе: «Меня не любят и любить не могут»²¹.

Негативный образ представителя высшей политической элиты создавался и консерваторами, и либералами. В своих высказываниях были единодушны П. В. Долгоруков и В. П. Мещерский, А. В. Никитенко и М. Е. Салтыков-Щедрин, М. П. Веселовский и Ю. А. Самарин, К. Н. Лебедев и Е. М. Феоктистов. И не счесть им числа.

Критические стрелы были направлены как против его профессиональной деятельности, так и против его человеческих качеств, внешнего облика и пр. Авторы мемуаров в один голос отмечают любезность П. А. Валуева, умение себя вести, спокойствие, присущее истинно светскому человеку. Но даже его достоинство превращались в недостатки.

П. В. Долгоруков, описывая внешность министра, отмечал: «высокого роста, осанистый, сановитый, изысканно одетый, с головой высоко поднятой, с речью важной, умеет самым величавым образом усердно угождать во всем временщикам и людям, ему нужным»²².

В. П. Мещерский замечал, что Валуев как начальник был весьма почтенным и симпатичным человеком. Внешность его и стиль речи характеризовались примерно теми же словами, что и у Долгорукова: «Статен, красив, говорил с хладнокровием и известной торжественностью»²³. Продолжая свою мысль, автор мемуаров утверждал, что Валуеву были присущи «помпезность речи», «культ фразы», любовь к «музыке своих изречений». В то же время он «не любил углубляться в предмет», в речах его чувствовалось «утомительное однообразие»²⁴.

Мещерского поражало внешнее хладнокровие П. А. Валуева. Все элементы духовной жизни:

«злость, негодование, ненависть, радость, восторг, нежность» никогда не находили отражения или выражения в его лице. «Барометр у него как будто стоял постоянно на ясной погоде», и именно это производило «известное тягостное впечатление»²⁵.

Мещерский сомневался и в его профессиональных административных качествах. «Валуев, — отмечал он, — будучи образованным человеком, внимательным слушателем, *никогда не мог быть администратором, призванным брать инициативу на себя*» (курсив мой. — Е. М.)²⁶.

В. П. Мещерский активно подчеркивал чужеродность П. А. Валуева в среде консерваторов, заявляя, что министр не знает России и ее внутренней жизни. Он относил Валуева к убежденным представителям либерального космополитизма²⁷. Интересно заметить, что и Е. М. Феоктистов относил к лагерю «закоренелых космополитов» Валуева, Шувалова и одновременно Н. А. Милютину, на которого «большое влияние оказала Франция с нарождавшимися на ее почве доктринами, которые ее самое довели до гибели»²⁸.

С откровенной неприязнью характеризовал П. А. Валуева сенатор М. П. Веселовский, служивший под началом Валуева, что при вступлении в должность «он был *очень любезен* и почти каждому сказал что-нибудь лестное. Но общее впечатление скорее было неблагоприятно: мне казалось, что он рисуетя и говорит неискренне». Автор мемуаров считал его плохим чиновником, который «пытался показать, что он один в министерстве представляет действительный авторитет», что «оскорбляло подчиненных». Веселовский утверждает, что валуевский либерализм был показным, ибо он «выказывал замашки крайнего самовластия» (последние два слова в рукописи зачеркнуты и заменены словами «совершенного произвола») ²⁹.

А. В. Никитенко, рассказывая о первой встрече с П. А. Валуевым, писал: «Валуев был лучезарен как восходящее светило. Он наговорил *кучу любезностей*». Позже автор мемуаров характеризовал Валуева как «человека не без ума, но с *ног до головы бюрократа*», который понимал «государственные дела не иначе, как канцелярские отношения и рапорты», хотя и «*говорил иногда пышно и кудряво*»³⁰.

Сенатор К. Н. Лебедев замечал, что Валуев не пользовался популярностью и «едва ли имел теплых приверженцев». Причину должно искать «в *холодности самого Валуева*», «для которого *личный успех всегда имел преобладающее влияние*»³¹.

Таким образом, современники сформировали образ Валуева как бюрократа «с ног до головы», который уже начиная приобретает комплекс символических характеристик. Недаром все приведенные цитаты приверженцев разных лагерей так похожи друг на друга. «Воплощенному бюрократу» свойственны: цветистая речь, внешний лоск, лицемерие, показной либерализм, отсутствие профессионализма в служебных делах, пристрастие к бумажной волоките.

Свою лепту в репрезентацию образа верховной власти внесла и русская литература. В массовом сознании уже существовал стереотипный образ бюрократа (вспомним бессмертного «Ревизора»).

В предреформенный период подцензурная пресса и художественная литература своими средствами создавали мрачную картину состояния внутреннего управления в стране. В критике российской бюрократии, бюрократических принципов политической системы России были едины и П. А. Валуев, и «рюрикovich» П. В. Долгоруков, и «красный либерал» А. М. Унковский, и камергер высочайшего двора М. А. Безобразов, и председатель Департамента законов Государственного совета, будущий председатель Государственного совета и Комитета министров граф Д. Н. Блудов, и будущий военный министр Д. Н. Милютин, и представители славянофилов (И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин) и западников (К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин).

Несмотря на созданную ими картину удручающего бюрократического гнета, чиновничьего самоуправления в России накануне реформ, по мнению некоторых исследователей, нельзя «переоценивать степень недовольства дворян бюрократией»³².

Б. Н. Миронов отмечает, что «писатели и современники **намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии** (так у автора. – *Е. М.*) по той простой причине, что их цель, когда они писали о ней, состояла в том, чтобы опорочить и косвенно дискредитировать верховную власть»³³.

С 1856 г. стали публиковаться в «Русском вестнике» «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Александр II прочел книгу (по настоянию В. Н. Панина) и заявил, «что радуется появлению таких произведений в литературе»³⁴.

В тот период критика и обличение «диктатуры бюрократии» имели позитивный смысл, ибо еще Н. В. Гоголь в автокомментарии к «Мертвым душам» писал, что «бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже – все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости»³⁵. На самом деле это была дирижируемая «гласность». Шквал критики должен был создать в общественном сознании позитивное отношение к готовящимся реформам и позитивный образ верховной власти как их инициатора.

Общественное мнение было единым в оценке свойств и принципов «бесконечно усложненной машины российского бюрократизма»³⁶.

Однако в дореформенный период в публицистике и беллетристике бюрократия выступает как безликая многоголовая гидра. П. В. Долгоруков под бюрократией понимал «злонамеренную администрацию, легион голов», «татарскую орду, которая грабит и терзает Россию»³⁷. М. Н. Катков язвительно критиковал «вездесущность дореформенной администрации», «присвоившей себе атрибуты, подобающие лишь всемогущему и всезнающему божееству»³⁸.

В постреформенный период ситуация изменяется: начинается поиск «врага», который персонально должен ответить за все недостатки преобразовательного процесса, как с точки зрения консерваторов, так и либералов. И его олицетворением стал П. А. Валуев. Шел процесс придания реальной личности комплекса символических черт, заостренных и типизированных, присущих «министру-бюрократу» как представителю так нелюбимого в России чиновничества.

В рамках одной статьи даже сложно перечислить те произведения, в которых П. А. Валуев мог узнать себя (А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, К. Прутков, А. Н. Майков, А. Н. Апухтин и пр.).

Насмешкам подвергались показной либерализм и видимость реформаторства. «Что такое реформа? – вопрошает М. Е. Салтыков-Щедрин от имени своего героя Ивана Филовертова. – Реформа есть такое действие, которое человеческим страстям сообщает новый полет. А коль скоро страсти получили полет, то они летят... Не успев оставить гавань одной реформы и стремятся к другой»³⁹.

М. Е. Салтыков-Щедрин относил Валуева к типу «либералов-соловьев», певших временно вследствие «засорения желудка» либеральные «фиоритуры», а про себя думавших: «Ах! Как бы я тебя жамкнул, если бы только умел»⁴⁰. Министрство, возглавляемое им, писатель называл «Ведомством предвкушений свобод» и «Министерством Препон и Неудовлетворений»⁴¹.

Традиционно принято считать, что в знаменитом произведении К. Пруткова «Сон Попова» в сатирическом ключе изображен П. А. Валуев⁴². Вошел министр / Он видный был мужчина / Изящных форм / С приветливым лицом... / Мой идеал – полнейшая свобода / Мне цель – народ – и я слуга народа⁴³! Однако литературовед И. Г. Ямпольский считает, что мы имеем дело не с пасквилем на определенного министра, а с собиравшим портретом бюрократа 1860–70-х гг., гримасничающего под либерала. Министр из «Сна Попова» – гораздо более емкий художественный образ; в нем мог узнать себя не один Валуев⁴⁴.

Пьеса того же автора «Торжество добродетели» была запрещена к постановке в начале 1860-х гг. По этому поводу В. М. Жемчужников (один из создателей литературного псевдонима К. Пруткова) писал в письме А. Н. Пыпину, что причина запрещения заключалась в том, что «Валуев принял тип министра за свой»⁴⁵.

Несмотря на то что действие комедии перенесено во Францию, П. А. Валуев в образе министра плодородия увидел карикатуру на себя. Там был намек и на либеральные увлечения молодости («Народов идеал, свобода золотая») и затем – их резкое осуждение («Мне было семнадцать лет, когда я написал эту глупость»)⁴⁶. Пьеса в традициях критического реализма обличает карьеризм, лицемерие высшего чиновничества, показной либерализм: «Нет на свете государства свободнее

нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуются вместе с тем малейшему указанию власти»⁴⁷.

Такой же собирательный образ сановника-бюрократа был выведен в стихотворении А. Н. Майкова «Другу Илье Ильичу»: Тиран ты – но какой? Тиран либерализма! / А с этим можешь ты – не только всё ломать, / Не только что в лицо истории плевать, / Но, тиская под пресс свободы, – половину / Всего живущего послать на гильотину!»

Публикация этого стихотворения вызвала немалый скандал. Оправдываясь перед П. А. Валувым, Майков в отчаянии пишет министру, что в образе Ильи Ильича поэт представил «мелькавший тогда, как мода, тип недоучившегося либерала, который перестраивает мир по своим принципам». Поэт заявляет, что эти «недоучившиеся либералы» недовольны правительственными преобразованиями, находя их нерешительными полумерами (хотя при этом некоторые и не отказывались от выгод службы). Эти либералы, по утверждению Майкова, хотели «устроить Россию по Фурье, по Луи Блану и воображали, что свободу и просвещение надобно вводить насильственными мерами, одним словом, утверждали, что для осуществления идеала не следует останавливаться ни перед какими жертвами»⁴⁸.

Поэт убеждает министра, что в своей сатире подметил характерные черты бюрократа, сложив их в «один общий тип». Майков утверждал, что он, во-первых, «противупоставил ему тип старого времени, из поколения “отцов”, которые при всем своем необразовании и грубых замашках все-таки большею частью были добрые люди, имели сердце».

Во-вторых, объясняет поэт, он отнесся «к новому типу иронически», и в заключительных стихах, желая довести его до большего абсурда, хотел передать только то, что «такой господин в своем праздном самодовольстве мог бы про себя думать»⁴⁹.

Безусловно, в этом длинном и витиеватом объяснении А. Н. Майкова можно подметить важный штрих: выявление характерных черт бюрократа, «сложенных в один тип», т. е. как раньше писалось в учебниках литературы: создание типичного образа.

Точно так же обобщенные черты бюрократа современники находили в образе сановника А. А. Каренина, отдававшего все свои силы государственной службе. Если вдуматься, Каренин – человек чести, под внешней, казалось бы, непроницаемой броней скрывалось чувствительное сердце.

По мнению некоторых современников, именно П. А. Валув послужил прототипом А. А. Каренина, о чем в письме от 7 мая 1877 г. Н. Н. Страхов пишет Л. Н. Толстому⁵⁰. (Удивительная метаморфоза, если вспомнить, что молодой П. А. Валув послужил прототипом П. Гринева, воплощением образа романтического дворянского отпрыска.)

В романе Л. Н. Толстого из разных мнений представителей большого света складывается образ «замечательного человека», «государствен-

ного мужа, равных которому нет в Европе», «немножко консерватора», живущего «искусственной жизнью». Эта жизнь воплощается в будничной служебной деятельности: докладах, переписке, приемах, назначениях, увольнениях, распределениях наград, пенсий, жалованья.

Но такова уж магия таланта Л. Н. Толстого, что читатель смотрит на героя глазами его жены Анны и круга Бетси Тверской. Образ «замечательного человека» и «выдающегося государственного мужа» заслоняет другой – глазами Анны Карениной: «Снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружелюбно, рассеянно здороваясь с равными, то старательно выжидая взгляда сильных мира и снимая свою круглую большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала все эти приемы, и все они ей были отвратительны (курсив мой. – Е. М.). “Одно честолюбие, одно желание успеть – вот все, что есть в его душе, – думала она, – а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, все это – только орудия для того, чтобы успеть”»⁵¹.

Русская литература и в пореформенный период носила обличительный характер. В вышеупомянутом письме Н. Н. Страхов с большим пиететом пишет Л. Н. Толстому: Вы «обличаете больше, чем Тургенев, Некрасов и Салтыков»⁵².

В довершение к уже сформированному образу «министра-бюрократа» П. А. Валуева, благодаря беллетристике, добавилась и еще одна черта. Он предстает в глазах общества как одиозный писатель романов из великосветской жизни. Злую шутку сыграла магия таланта И. Гончарова, который находился в дружеских отношениях с П. А. Валувым. Последний представил на суд избранного круга свой роман «Лорин», который был прочитан на литературных вечерах у писателя в 1876–1877 годах. В гончаровской повести «Литературный вечер» П. А. Валув выведен под фамилией Бебикова. Писатель весьма положительно характеризует человеческие качества своего героя: «В свете его любили, за огромное богатство, за открытое гостеприимство, за приветливость, а близкие люди – за капитальные достоинства ума и характера»⁵³. Но последующие характеристики сводят на нет этот комплимент: «Роман начался с описания блестящего бала, на котором появляются два главных лица романа, или герой и героиня. Он – граф, она – княгиня»⁵⁴. Как отмечает Л. Синякова, «акцентирование великосветского статуса как хозяина дома, так и приглашенного на чтение автора и избранных гостей, формирует соответствующую персонажно-композиционную “рамку”: светский роман читается в светском кругу»⁵⁵.

Литературное творчество П. А. Валуева требует специального исследования, но здесь можно только заметить, что устами Бебикова Валув утверждает, что он хотел в форме романа высказать свои идеи, наблюдения, опыт и взгляды «на нашу общественную жизнь, на наши дела», на

искусство, на литературу: «Я еще избрал роман как форму, в которой мне легче высказать мои тезисы и мои цели»⁵⁶.

Формирование образа «министра-бюрократа» продолжила и либеральная историография, посвященная Великим реформам. А. А. Кизеветтер считал, что приход в Министерство внутренних дел П. А. Валуева «означал собой смену правительственного курса». В глазах исследователя Валуев являлся «бойким редактором контр-освободительных проектов» и принятие им «под свое покровительство Комиссии о губернских и уездных учреждениях» для нового министра «являлось обременительным наследством»⁵⁷.

Более того, Кизеветтер оценивал взгляды П. А. Валуева как крепостнические⁵⁸.

В ряду историков либеральной школы выделялся Г. А. Джаншиев своим негативным отношением к Валуеву. Он характеризовал П. А. Валуева как «равнодушного, лишенного твердых убеждений, двуличного гибкого карьериста», представителя «новой полированной мягкостелюющей бюрократической генерации, не столь невежественной, как старая», но «не менее близорукой, нетерпимой, самодовольной и самонадеянной»⁵⁹.

Либеральные историки были апологетами Редакционных Комиссий и их вдохновителя – Н. А. Милютин. Безусловно, их воззрения на личность Валуева свойственна гиперболизация, своего рода «навешивание ярлыков». При всех возможных недостатках Валуева его взгляды ни в коем случае нельзя назвать «крепостническими».

Безусловно, П. А. Валуев знал о том образе бюрократа, который формировался современниками, публицистикой и беллетристикой. Его это страшно задевало. Он вкладывал в понятие «бюрократ» совершенно другой смысл. Как и А. А. Каренин, главным делом своей жизни Валуев считал государственную службу.

В своем дневнике Валуев парировал обвинения в двуличности и лицемерии. Министр внутренних дел объяснял свои колебания тем, что в сложной ситуации начала реализации крестьянской реформы верховная власть не проявляла решительности. Он отмечал 28 декабря 1861 г.: «Мое положение становится более и более затруднительным. Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избежать при этом ненавистной мне двуличности (курсив мой. – Е. М.), а между тем еще нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и, следовательно, я рисковал бы испортить дело попыткой торопливо прекратить ее колебания»⁶⁰.

Подводя итоги своему семилетнему пребыванию в должности министра внутренних дел, П. А. Валуев отмечал, что «я инстинктивно чувствовал шаткость моего мнимого значения. Я уже знал, что у нас часто желают достижения цели, не желая необходимых для ее достижения средств. Я

постепенно познавал, что от новых лиц ожидают, прежде всего, такой изобретательности, которая устраняла бы все правительственные затруднения новыми внешними приемами... При таких условиях, я должен был действовать осмотрительно, рассчитывать на время... Это не могло не давать моим действиям некоторого вида нерешительности, быть может, даже шаткости»⁶¹.

П. А. Валуев был сторонником повышения эффективности управления в России. Он имел обширную программу всесторонних преобразований, которая включала в себя идеи «правительственного конституционализма», преобразования в военной сфере, в сфере решения национального вопроса, гласности, свободы в религиозной сфере. Он выступает как талантливый религиозный мыслитель. Однако эта программа не была известна современникам.

Для Валуева, в отличие от общественного сознания, понятие бюрократии не было наполнено негативом, если чиновник добросовестно выполнял свои обязанности⁶². Представления П. А. Валуева напоминают теорию рациональной бюрократии М. Вебера (хотя Валуев, естественно, не мог быть с ней знаком), которая основана на двух базовых принципах: рационализме и эффективности. В представлении Вебера, профессионал-бюрократ должен работать с полной самоотдачей в целях эффективного функционирования системы управления⁶³.

Проводником идей П. А. Валуева стали герои его романов. Свое понимание истинного значения понятия «бюрократ» Валуев озвучил устами своего персонажа из романа «У Покрова в Лёвшине»: «Бедный труженик, как я, например, непременно обзывается бюрократом, формалистом, канцеляристом. Я всю жизнь трудился, не делал зла, быть может, приносил пользу – и я бюрократ. Какой-нибудь господин, которого сегодня выбирают, потому что он вчера покричал, и который завтра что-нибудь испортит или растратит, – тот не бюрократ, а живой человек» (курсив мой. – Е. М.)⁶⁴.

Сам П. А. Валуев ощущал себя человеком, который должен нести свой крест, несмотря на окружающую его атмосферу неприязни. Показательно, что одно четверостишие, которое, видимо, отражало его мироощущение, он вложил в уста героя романа «Черный бор» и отдельно опубликовал его в «Русской старине»⁶⁵:

*Без цели не даны ни радость, ни страданье;
Есть в счастье заповедь, в печалях есть призванье.*

*Смирненно вознося мысль к Богу твоему,
Не спрашивай: «Господь! за что?» Спроси:
«К чему?»*

Примечания

¹ О путях создания образа харизматического лидера см.: Морозова Е. Н. Н. А. Милютин в воспоминаниях

- и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютинной // Изв. Саратовского государственного университета. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 25–32 ; *Кизиветтер А. А.* Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов). Очерк деятельности Н. А. Милютин. Ростов н/Д, 1905.
- 2 *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель я в жизни был. Записки и дневник. 1804–1877 : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 316.
  - 3 По мнению И. В. Оржиховского, П. А. Валуев «начинал как либерал» до начала 1860-х гг., и принадлежал к числу «константиновцев» – представителей либеральной бюрократии, группировавшихся вокруг вел. кн. Константина Николаевича. Но позже его взгляды, утверждает автор, как и многих деятелей того периода, претерпели эволюцию вправо. См.: *Оржиховский И. В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-е годы 19 века. Горький, 1974. С. 17, 60.
  - 4 *Шумилов М. А.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 31–32. См. также: *Незванов Н. Н.* «Дума русского гражданина» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.
  - 5 П. А. Валуев возглавлял 2-й–3-й департаменты Министерства государственных имуществ, с 1 января 1861 г. занимал должность управляющего делами Кабинета министров, с 23 апреля 1861 г. стал управляющим Министерства внутренних дел, с 9 сентября 1861 г. – министр внутренних дел. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2003. С. 119.
  - 6 Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М., 1961 (далее – *Валуев П. А.* Дневник). Т. 1. 1861–1864. С. 311.
  - 7 *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. СПб., 1889. СПб., 1891. Т. 3, ч. 1. С. 346.
  - 8 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 23–24.
  - 9 *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 136.
  - 10 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 41.
  - 11 Там же. Л. 26 ; *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 104.
  - 12 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 37–38. С. С. Секиринский отмечает, что назначение Валуева свидетельствовало не столько о «победе реакции», сколько о принципиальном согласии стать исполнителем и проводником принятых законопроектов. См.: *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 160.
  - 13 *Оболенский Д. А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. Т. 137, кн. 3. С. 62.
  - 14 Исследователи видят в подобной позиции мудрость Александра II, проявляющуюся в «обостренном чувстве баланса». *Pereira N.* Tzar – Liberator : Alexander II of Russia. 1818–1881. Newtonville (Mas.), 1983. P. 1–2.
  - 15 См.: *Меццеский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 102.
  - 16 См.: *Егоров А. Н.* Формирование образа либерала в консервативных кругах российской империи второй половины XIX века (на примере работ князя В. П. Меццеского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 5 (134). С. 8.
  - 17 См.: *Меццеский В. П.* Указ. соч. С. 102–103.
  - 18 *Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С. 321.
  - 19 См.: *Пуримова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 67–70.
  - 20 См.: *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 78.
  - 21 Там же. С. 78–79.
  - 22 *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 294–295.
  - 23 *Меццеский В. П.* Указ. соч. С. 145.
  - 24 Там же.
  - 25 Там же. С. 101.
  - 26 Там же. С. 102–103.
  - 27 Там же. С. 144. *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 217.
  - 28 *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 284, 320.
  - 29 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 550. М. П. Веселовский. Л. 504, 540.
  - 30 *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 316.
  - 31 Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. Т. 2. С. 62.
  - 32 *Lampert E.* Sons against Fathers : Studies in Russian Radicalism and Revolution. L., 1965. P. 81.
  - 33 *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (18 – начало 20 в). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 173.
  - 34 М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 431.
  - 35 Обличение, по Гоголю, являлось важнейшим средством к исправлению общества См.: *Смирнова Е. А.* Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие его жизни // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 38.
  - 36 РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
  - 37 ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.
  - 38 См.: *Московские ведомости.* 1866. № 198.
  - 39 *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1988. Т. 4. С. 76.
  - 40 Цит. по: *Джанишев Г. А.* Эпоха Великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., посмертное, доп. СПб., 1907. С. 299.
  - 41 См.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-х – 1860-х. Биография. М., 1972. С. 510–511.
  - 42 См. *Зайончковский П. А.* П. А. Валуев (Биографический очерк) // Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. С. 41–42.
  - 43 См.: *Толстой А. К.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. С. 425.
  - 44 См.: *Толстой А. К.* Сочинения : в 2 т. М., 1981, Т. 1. С. 23.
  - 45 Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965. С. 435.
  - 46 Там же. С. 317.

- 47 Сочинения Козьмы Пруткова. С. 324.
- 48 Цит. по: Ямпольский И. Г. К истории взаимоотношений Тютчева и А. Н. Майкова. URL://http://philology.ru/literature2/yampolskiy-81.htm (дата обращения : 24.04.2016).
- 49 Там же.
- 50 См.: Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года. URL://http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectre/ts6/ts62332-.htm (дата обращения: 14.04.2016).
- 51 Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1972. С. 45–47, 116–117.
- 52 Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года.
- 53 См.: Гончаров И. Литературный вечер // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 56.
- 54 Там же. С. 67.
- 55 Снякова Л. Н. Композиционные особенности «очерковой повести» И. А. Гончарова «Литературный вечер». URL://http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/32.Sinyakova_L.pdf (дата обращения: 11.04.2016).
- 56 Снякова Л. Н. Указ. соч. С. 74.
- 57 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910. С. 143.
- 58 См.: Кизеветтер А. А. История России. Курс лекций, читанный на МВЖК в 1915–1916 году : в 2 ч. М., 1916. Ч. 2. С. 101.
- 59 Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 166, 299–300, 782.
- 60 Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 137.
- 61 Там же. С. 329.
- 62 И. А. Христофоров причислил П. А. Валуева как чуткого к сложным комбинациям «профессионального бюрократа». См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1950 – середина 1870-х гг. М., 2002.
- 63 См.: Рациональная бюрократия // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 178, 182.
- 64 Валуев П. А. У Покрова в Лёвшине (в семидесяти годах). URL://http://fanread.ru/book/10783970/?page=71 (дата обращения: 18.04. 2016).
- 65 Русская старина. 1887. № 11.

Образец для цитирования:

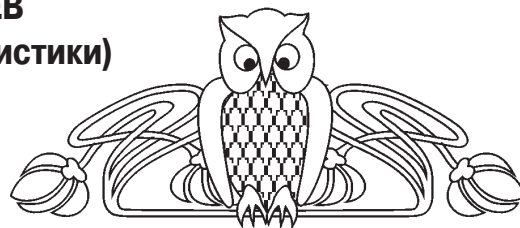
Морозова Е. Н. П. А. Валуев: пути формирования образа «министра-бюрократа» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 391–398. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-391-398.

УДК 94(47).083+929 Каляев

ПОЭТ С БОМБОЙ: ТЕРРОРИСТ ИВАН КАЛЯЕВ (опыт историко-психологической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье с привлечением различных источников, научной литературы и официальных документов проводится историко-психологический анализ мировоззрения и поступков революционера-террориста И. П. Каляева. Автор таким образом предпринимает попытку создания историко-психологического портрета одного из самых противоречивых и непредсказуемых деятелей эсеровского террора Ивана Каляева.

Ключевые слова: Иван Каляев, поэзия, религиозный фанатик, революционный террор.

The Poet with a Bomb: the Terrorist Ivan Kalyaev (the Experience of the Historical and Psychological Characteristics)

Yu. V. Varfolomeev

Involving a variety of sources, research literature and official documents, a historical-psychological analysis of the mindset and actions of a revolutionary terrorist I. P. Kalyaev is made in the article. Thus, the author attempts to create a historical-psychological portrait of one of the most controversial and unpredictable figures of the SR terror Ivan Kalyaev.

Key words: Ivan Kalyaev, poetry, religious fanatic, revolutionary terror.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-398-404

В «иконостасе» «оловянных богов» (выражение Великого князя Александра Михайловича)¹ Великой русской революции образ террориста Ивана Платоновича Каляева занимает особое место, и в первую очередь потому, что именно он был удостоен «честь» совершить убийство члена императорской фамилии – великого князя Сергея Александровича. Между тем эсеровский боевик стал еще и безукоризненным воплощением «идеального революционера», в жизни и деятельности которого образцово-показательно наличествовал весь набор стандартных достоинств борца с царизмом: фанатичное и даже романтично-поэтическое поклонение социалистическим идеям, вызывающе-мужественное поведение на суде и во время казни, жертвенный отказ от прощения о помиловании. Не случайно, что даже вождь большевиков В. И. Ленин лестно отзывался о И. П. Каляеве, подчеркнув «безупречность личности исполнителя», и возвел совершенный им теракт в ранг «образцового политического убийства»². Ленинская оценка, подобно высочайшей индульгенции, позволи-

ла молодому эсеру, как это ни странно, занять достойное место в большевистской программе канонизации коммунистических кумиров. В первые годы советской власти образ Каляева был включен в так называемый ленинский план монументальной пропаганды, в соответствии с которым ему воздвигли памятник у входа в Александровский сад, а его именем были названы улицы в нескольких городах РСФСР.

На волне героизации и мемориализации борцов с царизмом в начале 1920-х гг. имя Каляева всплыло в целом ряде публикаций, как исследовательского, так и мемуарного характера и даже попало на страницы школьных учебников³. Правда с середины двадцатых годов прошлого века в советской историографии стал заметно проявляться крен в сторону преуменьшения роли и значения «непролетарских» партий. В связи с чем и имя эсера-террориста практически исчезает со страниц изданий, несмотря на то что упоминались политические убийства, к которым он был непосредственно причастен, а среди деятелей революционного террора, безусловно, угадывались и его черты⁴.

До начала 1930-х гг. еще издавались материалы о Каляеве, но в основном мемуарные, а последней публикацией, где мы встречаем его имя, стала книга политического защитника из синергии «Молодая адвокатура» М. Л. Мандельштама, в которой в числе прочих речь шла и о судебном процессе по делу об убийстве великого князя Сергея Александровича⁵. В зарубежной историографии и эмигрантской мемуаристике в этот период можно встретить отрывочные упоминания о Каляеве, в основном в контексте деятельности партии эсеров и проблематики индивидуального террора.

В СССР начиная с 1970-х гг., как известно, пробудился интерес к истории партии эсеров, а значит и к изучению её знаковых фигур, к числу которых, безусловно, принадлежит и Иван Каляев⁶. Однако подлинный всплеск числа научных разработок, посвященных проблемам революционного террора, пришелся на постперестроечное время⁷. Каляев стал одним из героев, или точнее, «рыцарей террора» в монографии К. В. Гусева⁸ и попал в избранный квартет русских террористов на страницах исследования А. С. Баранова⁹. Особое место среди исследований по данной теме занимают работы современного ученого Р. С. Закирова, защитившего в 2013 г. кандидатскую диссертацию «Эсер-террорист И. П. Каляев (1877–1905): основные этапы жизни и деятельности»¹⁰.

В современной зарубежной историографии выделяются труды крупного специалиста по изучению революционного терроризма А. Гейфман. Автор с привлечением большого корпуса различных источников сумела отобразить размах революционного терроризма в России в годы так называемой Первой русской революции 1905–

1907 гг. При этом исследовательнице удалось реконструировать образ террориста нового типа и выявить его характерные черты. Один из выводов, сформулированный Гейфман, заключается в том, что в начале XX века в Российской империи возник и доминировал новый тип террористов, последователей систематического и жестокого насилия, приправленного вычурной идеологической буффонадой и противоестественной эсеровской этикой¹¹. К такому новоявленному типу борцов с царизмом, безусловно, относится и Иван Каляев.

На скрижалях революционного пантеона имя И. П. Каляева появилось прежде всего потому, что 4 февраля 1905 г. «при всеобщем ликовании народных масс, – как торжественно рапортовала радикальная пресса, – брошенной бомбой был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, один из крупных деятелей реакционной России. Совершившим этот геройский подвиг оказался представитель Боевой организации партии социалистов-революционеров Иван Каляев»¹². Правда, в победной реляции революционного публициста умалчивалось о том, что «герой» скромно прикрылся от бешеной славы поддельным паспортом на имя витебского мещанина Алексея Шильника и под этим именем, собственно, и предстал впоследствии перед судом. Для того чтобы выяснить настоящее имя террориста, были вызваны в суд в качестве свидетелей мещанка Александра Каляева и старший околоточный надзиратель Варшавской городской полиции Федор Ференчук, которые признали в подсудимом: первая – родного брата, а второй – брата своей жены. После этого революционеру-анониму пришлось сознаться, что он действительно варшавский мещанин Иван Платонович Каляев. По отзывам современников, террорист, как ни странно, воспринимался тогда таким «героем России», о котором «говорили с таким теплым чувством, повсюду были его портреты»¹³.

В террористической группе Савинкова это был один из самых одержимых и фанатичных боевиков по кличке «Поэт». Каляев на самом деле получил прекрасное образование и, несомненно, обладал поэтическим даром. При этом возникает закономерный вопрос, каким образом сын околоточного надзирателя и обедневшей польской дворянки из обычного варшавского мальчишки и петербургского студента превратился в отчаянно-эсеровского боевика-террориста?

Интересную интерпретацию «рождения» «нравственного убийцы» предложил в своей речи на суде адвокат И. П. Каляева, политический защитник из синергии «Молодая адвокатура», М. Л. Мандельштам. Разбирая шаг за шагом вехи жизненного пути своего подзащитного, он отмечал, что сначала у этого молодого человека был период ничем не омраченных светлых мечтаний, стремлений к общечеловеческому счастью. «Он весь в студенческой товарищеской семье, в среде

горячих голов и благородных сердец нашего юношества», – живописал адвокат. Правда, следует уточнить, что этот «благородный юноша» успел уже тогда «засветиться» на студенческих сходках. И не удивительно, что в один из дней или, вернее, ночей этот безоблачный студенческий мир был разрушен: «властный стук в дверь одинокой студенческой комнаты. Каляева арестовывают. Тюрьма. Гласный надзор полиции в Екатеринославле. Оттуда в департамент полиции идет донесение местного жандармского управления: “Каляев сходится с лицами, заподозренными в участии в социал-демократической партии”»¹⁴, – искренне сопереживая, воспроизвел страничку криминальной хроники из жизни своего подзащитного М. Л. Мандельштам¹⁵.

Кто же виноват в подобном развитии событий? По Мандельштаму, получается – власти. «Взяли разгоряченного юношу, выхватили из его естественной обстановки, с сердцем, волнуемым всей болью общественных исканий, с головой, лихорадочно работающей над разрешением великих общественных проблем»¹⁶. Для политически неблагонадежного поднадзорного И. П. Каляева с этого момента был, естественно, закрыт доступ к легальной общественной деятельности и продолжению учебы. Ему успокоиться, хотя бы на время, но нет – он бросается в нелегальную подпольную жизнь, сходится с представителями социал-демократической партии¹⁷.

В июле 1902 г. за попытку провоза через границу запрещенной в России нелегальной литературы Каляев был задержан прусскими властями на ст. Мысловицы в Силезии и передан затем «в распоряжение Начальника Петроковского Губернского Жандармского Управления, коим был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого, – как следует из Циркуляра **департамента полиции**. – По Высочайшему повелению 22 апреля 1903 года, последовавшему в разрешение сего дознания, Каляев отбыл тюремное заключение в течение одного месяца, по месту его проживания в то время в гор. Ярославле»¹⁸. Там же он сблизился со своим гимназическим товарищем Б. В. Савинковым и С. Н. Моисеенко. Но поистине судьбоносное значение для Каляева в тот период имели встречи с «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, совратившей его в эсеровское воинство. Таким образом он пополнил список её выдающихся рекрутов революции, где наряду с ним уже подвизались и Григорий Гершуни, и Егор Созинов, и многие другие, фанатично преданные делу эсертства экстремисты. Здесь, очевидно, у Каляева происходит окончательное переформатирование мировоззрения и совершается переход от незрелого марксизма к народофильским идеям, обильно приправленным ницшеанством, поэтическим романтизмом, религиозными исканиями и мистикой.

Между тем если следовать канве защитительного повествования Мандельштама, то в эти

годы «юноша целиком поглощен жаждой мысли, стремлением к свету, к кипучей деятельности. Его манит столица, где “гремят вихри, кипит идейная борьба”, а он должен убивать время в какой-то Вологде. Один исход – за граница. И вот Каляев исчезает на два года. Его теряет из виду правительство, знакомые, даже семья, пока внезапно грозная фигура народного мстителя, по его выражению, не появляется с бомбой в руках перед каретой великого князя»¹⁹. Теперь то же самое в прозе департамента полиции: «16 декабря того же 1903 года Каляев снова выбыл за границу по паспорту Варшавского Обер-Полицейстера от 3 октября 1903 года за № 9789»²⁰. О жизни Каляева за границей имеется мало информации. «Достоверные сведения есть лишь о жизни в Брюсселе и Париже, – отмечает Р. С. Закиров, – центрах русской эмиграции: об опротивевшем ему трагичном образе жизни, встречах с девушкой по имени Лида, нескольких беседах с товарищем по Боевой организации будущим литератором С. А. Басовым-Верхолянским»²¹.

Революционное кредо Каляева принимает радикальный характер, а его кумиром становится французский анархист-террорист Ф. К. Кёнигштейн (Равашоль). По словам Б. В. Савинкова, его соратник верил в террор больше, чем во все парламенты мира²². Но, пожалуй, самым удивительным была каляевская революционная фантазмагория, в которой неопостижимым образом переплелись его любовь к искусству, религиозный фанатизм, мало чего общего имеющий с православием, и острая жажда справедливости. «Для людей, знавших его очень близко, его любовь к искусству и революции освещалась одним и тем же огнем – не сознательным, робким, но глубоким и сильным религиозным чувством. К террору он пришел своим, особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву»²³. В этой странной любви «поэта» к искусству и революции на первом месте была бомба, без которой он себя и не мыслил. «Ведь социалист-революционер без бомбы уже не социалист-революционер»²⁴, – утверждал Каляев.

Реконструируя «террористическую» ментальность в целом, т. е. «логику террора» (основные категории, парадигматические способы построения суждений), М. П. Одесский и Д. М. Фельдман впервые обратили внимание и на «поэтику террора»²⁵. Поэзия в понимании Ивана Каляева была важнейшим инструментом в достижении целей террористической борьбы. В своих революционно-поэтических грезах он мечтал *«Волшебным блеском слов я б увлекал бойца / И был бы громом дел мой клич в бою великом / Огнем мятежных чувств спалил бы я всю ложь / Рассеял бы всю муть бессилья, лицемерья...»*²⁶. По мнению А. С. Баранова, Каляев стал одним из первых террористов, чья жизнь и деятельность стала точкой соприкосновения России В. Я. Брюсова и

А. А. Блока и террористической субкультуры²⁷. Сумрачно вызывающий, богоискательский, жертвенный настрой его стихов был созвучен природе «Серебряного века» русской поэзии.

Дело И. П. Каляева было рассмотрено в Особом Присутствии Сената 5 апреля 1905 г. В ответ на вопрос председателя, считает ли он себя виновным, террорист гордо заявил: «Признавая, что убийство Сергея Александровича совершено мною, виновным себя не признаю по мотивам нравственного (?!?) – Ю. В.) содержания»²⁸. Когда же председатель попросил разъяснить суду эту замысловатую и парадоксальную конструкцию «нравственного убийства», Каляев кратко изложил причины, побудившие Боевую организацию эсеров вынести великому князю смертный приговор. В своей речи на суде Каляев представил общую концепцию революционного террора, отметив, что убийство трех, как он выразился, ставленников великого князя – Н. П. Боголепова, Д. С. Сипягина и В. К. Плеве – было ничем иным как тремя предостережениями самодержавию, а убийством Сергея Александровича «увенчивается здание этих предостережений», – высокопарно подытожил убийца²⁹. На осторожный вопрос сенатора Дейера, обращенный к подсудимому – продолжил бы он свою «деятельность», если бы не был арестован, – Каляев, не выходя из образа «народного мстителя», торжественно заявил: «Я исполнил свой долг и думаю, что и впредь бы исполнял его»³⁰.

По мнению прокурора И. Г. Щегловитова, очень важна в этом деле и нравственная сторона. Справедливо связывая теракт Каляева с его членством в партии социалистов-революционеров, прокурор определил, к чему стремится эта партия и чему самозабвенно верил убийца. «Партия эта характеризуется страшной верой в правоту своих убеждений, верой, не испытанной в горниле науки и разума, – отмечал Щегловитов. – Вот почему они отлучаются самонадеянностью и самомнением, жертвуя легко жизнью других. Они насильственным путем стремятся к ниспровержению государственных основ, покушаются на самое бытие его. Кровью они стремятся уничтожить высшее благо. Общественность и все государства поняли весь ужас их деятельности и борются против нее»³¹. Подчеркивая особую тяжесть и общественную опасность такого вида преступлений, прокурор отметил, что на Женевском конгрессе³² было принято решение о международной выдаче подобных преступников. Наряду с этим, Щегловитов указал на крайнюю жестокость деяния, на полное безразличие к жизни других людей и, подводя итог своему выступлению, напомнил, что в результате террористических атак революционных партий в России пролилась «масса крови и слез»³³.

Судебное следствие полностью подтвердило данные, добытые предварительным следствием, и, завершив судебные слушания, 5 апреля 1905 г. Правительствующий Сенат в Особом Присут-

ствии приговорил И. П. Каляева «к смертной казни через повешение»³⁴. Осужденный, воспользовавшись своим правом, подал кассационную жалобу, в которой, в частности, отметил: «Во избежание неправильного толкования моих мыслей, я заявляю свой протест против включения формулы “дядя его величества” в окончательную форму приговора»³⁵. В Сенате ее поддержал присяжный поверенный В. В. Беренштам, но высшая кассационная инстанция эту партийно-принципиальную, но абсолютно не значащую с юридической точки зрения жалобу не удовлетворила.

Чрезвычайно интересны подробности описания настроения Каляева после объявленного приговора. Об этом, в частности, писали корреспонденты газет «Vorwärts» и «Daily telegraph» следующее: «Смертный приговор был объявлен Каляеву прокурором за два часа до казни»³⁶. Ни один мускул не дрогнул на лице осужденного. Прокурор подал ему для подписи прошение о помиловании. Каляев решительно отказался от этого и просил, чтобы ему дали чаю и пищи. Прокурор вышел, но восемь раз входил и умолял Каляева подписать прошение, и Каляев каждый раз в категорической форме отказывался. Пришедшего к нему духовника он попросил уйти, заявив, что у него своя религия, внутренняя, что совесть его спокойна, что он убежден, что не сделал ничего дурного.

Из камеры вышел так спокойно, с такою уверенностью, будто шел на прогулку. Такого железного спокойствия еще не видали власти крепости, в которой, однако, погибло уже немало жертв. Перед казнью он сказал близ стоявшему офицеру: «Скажите моим товарищам, что я умираю с радостью и буду вечно с ними»; с матери он взял клятву, что она не станет просить о помиловании. Когда во время одного из последних свиданий она сообщила ему слухи о том, будто его помилуют, он тотчас же написал министру юстиции: «Как революционер, верный заветам партии Народной воли, я считаю долгом моей политической совести отказаться от помилования». Выслушав смертный приговор, Каляев сказал судьям: «Имейте мужество привести этот приговор так же открыто и всенародно, как привел я приговор партии»³⁷.

Однако зарубежные корреспонденты, зачарованные «железным спокойствием» террориста, не совсем точно передали подробности казни. На самом деле все было более прозаично и буднично. 9 мая 1905 г. около 11 часов утра И. Каляева доставили на полицейском пароходе в Шлиссельбургскую крепость к месту казни. Был ясный, хотя и прохладный весенний день. В крепостной церкви шла обедня. Доставленного в крепость Каляева тотчас же провели в комнату под названием «мастерская», в которой он должен был провести последние перед казнью часы. Приговоренный к смерти почти весь день что-то писал, исписав несколько листов бумаги, но перед смертью все написанное сам тщательно зачеркнул, оставив

только известное изречение Петра перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, не дорога ему жизнь – была бы счастлива Россия». Кроме того, он написал письмо матери, которое поступило в распоряжение коменданта для передачи по назначению через Департамент полиции.

Палач, который должен был привести приговор в исполнение, ждал свою жертву в крепости уже с 8 мая. В ожидании «работы» он «убивал» время «в курении табаку и питье водки». Это был некто Александр Филиппев, рослый детина, брюнет, с грубыми, крупными чертами лица, казак по происхождению, приговоренный к смертной казни за убийство нескольких человек. Помилование ему было даровано при условии, что он согласится исполнять обязанности палача. За каждого казненного ему сокращался срок каторги³⁸, заменившей ему смертную казнь; кроме того, за каждого казненного ему еще выдавалось денежное вознаграждение.

В этот же день около 8 часов вечера в крепость начали съезжаться сословные представители, приглашенные комендантом для присутствия при совершении казни: Шлиссельбургский городской голова Прохоров, «на которого необходимость присутствия при смертной казни действовала, по-видимому, удручающим образом»³⁹, помощник исправника Преображенский, купцы Попов и Шашин, а также акцизный чиновник Латкин. Вскоре после них приехали из Петербурга товарищ прокурора и секретарь петербургского окружного суда.

В 9 часов вечера прокурор в сопровождении зрителя тюрьмы прошел в комнату к осужденному и объявил ему, что в эту ночь, т. е. с 9 на 10 мая, приговор над ним будет приведен в исполнение. Товарищ прокурора, по всей вероятности, волновался и, наверное, поэтому так рано объявил Каляеву об ожидавшей его в эту ночь участи. Последний же, морально подготовившись к смерти еще до теракта, воспринял эту весть внешне спокойно, и только попросил, чтобы при казни присутствовал его защитник В. А. Жданов. Адвокат действительно приезжал в крепость, но ему не дали разрешения на свидание с Каляевым.

Ночь перед казнью была наполнена звуками собачьего лая, гармоник и песен. Под утро, когда рассвело так, что «можно уже было читать на дворе без огня», Каляева вывели к месту казни, зачитали приговор и повесили⁴⁰. Свершилось то, к чему последние годы так отчаянно и надрывно стремился террорист, потому что «любил революцию так глубоко и нежно, как любят ее только те, кто отдает за нее свою жизнь»⁴¹, – справедливо заметил Савинков.

Вообще безумная жертвенность и некрофильские настроения воспевались, почти что по-горьковски, и самими террористами. Вот как с пророческим предвидением переживал свой неизбежный конец И. П. Каляев: «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось

погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка. Смерть упоительная. Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный». «Через такую именно смерть и прошел Каляев»⁴², – констатировал в итоге Зензинов. Между тем сам Борис Савинков, недрогнувшей рукой пославший друга и единомышленника сначала на преступление, а затем и на эшафот, много лет спустя, находясь в Лубянской тюрьме, признался: «Когда казнили Ивана Каляева, я был в Париже. Я не спал ни минуты четыре ночи подряд...»⁴³

Ученые, исследовавшие феномен индивидуального террора в России, определили эсеров как русских экзистенциалистов. Рассуждая о судьбе Каляева и его сподвижников, А. Камю писал: «С помощью бомбы и револьвера, а также личного мужества, с которым эти юноши, жившие в мире всеобщего отрицания, шли на виселицу, они пытались преодолеть свои противоречия и обрести недостающие им ценности. До них люди умирали во имя того, что знали, или того, во что верили. Теперь они стали жертвовать собой во имя чего-то неведомого, о котором было известно лишь одно: необходимо умереть, чтобы оно состоялось. До сих пор шедшие на смерть обращались к Богу, отвергая человеческое правосудие. А знакомясь с заявлениями смертников интересующего нас периода, поражаешься тому, что все они, как один, взывали к суду грядущих поколений. Лишенные высших ценностей они смотрели на эти поколения как на свою последнюю опору. Ведь будущее – единственная трансцендентальность для безбожников. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего, стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лона которой явился бы новый бог»⁴⁴. В годы великих потрясений в России в начале XX в. молоху эсеровского террора были принесены тысячи жизней, и одним из отчаянных «Безглавых всадников» этого революционного жертвоприношения был поэт с бомбой Иван Каляев.

Примечания

- 1 См.: Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. М., 1999. С. 302.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 35. М., 1958. С. 362.

- 3 См.: *Басов-Верхоянский С. А.* Из давних встреч // Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 151–160; *Беренштам В. В.* В боях политических защит. М.; Л., 1925. 228 с.
- 4 См.: *Соболев Ю.* Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь Сергей Романов. М., 1924. 25 с.; *Орлинский А.* Первая русская революция (1905 год). М., 1925. 93 с.
- 5 См.: *Мандельштам М. Л.* 1905 г. в политических процессах : записки защитника. М., 1931. 392 с.
- 6 См.: *Непролетарские партии России в трех революциях* : сб. ст. / отв. ред. К. В. Гусев. М., 1989. 249 с.; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. 238 с.
- 7 См.: *История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях* : доп. учеб. пособие для студентов вузов / сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. 576 с.; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. 218 с.; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. 239 с.; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. 624 с.; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. 399 с.; *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. 252 с.; *Суворов А. И.* Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века. (Историко-правовое исследование анти-террористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002. 316 с.; *Багдасарян В. А., Бакаев А. А.* Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004. 162 с.
- 8 См.: *Гусев К. В.* Рыцари террора М., 1992. 143 с.
- 9 См.: *Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 181–191.
- 10 *Закиров Р. С.* Террористическая мистерия Ивана Каляева // *Мир истории.* 2004. № 13–15 (1–3). С. 103–104; *Он же.* Суд над эсером-террористом И. П. Каляевым // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 8, ч. 1. С. 75–79; *Он же.* Визит великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И. П. Каляеву как провокация Департамента полиции // *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология.* 2012. № 4. С. 20–36; *Он же.* К вопросу о мировоззрении эсера-террориста И. П. Каляева // *Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал.* 2013. № 7. С. 71–73; *Он же.* Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 году // *Знание. Понимание. Умение.* 2013. № 3. С. 309–314; *Он же.* Об одной провокации Департамента Полиции (из материалов следствия над членом Боевой Организации партии социалистов-революционеров И. П. Каляевым в 1905 г.) // *Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал.* 2013. № 2. С. 159–168.
- 11 См.: *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. М., 1997. 448 с.; *Гейфман А.* В сетях террора / пер. с англ. М., 2002. 256 с.
- 12 Убийство В. К. Сергея Александровича социалистом-революционером И. Каляевым. М., б.г. С. 9.
- 13 НИОР РГБ. Ф. 436. Картон 10. Ед. хр. 2. Л. 174.
- 14 Речь М. Л. Мандельштама // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 40.
- 15 Столь проникновенное, со знанием дела, описание злключения и «тайнства рождения» революционера объясняется тем, что сам М. Л. Мандельштам в молодости прошел через все это. В ноябре 1886 г. он вместе с А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым и другими народолюбцами участвовал в т.н. «добрлюбовской» демонстрации, за что был арестован и выслан на родину. В 1888 г. Мандельштам в очередной раз был арестован и определен под негласный надзор полиции. (Подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Корифей российской адвокатуры. М., 2006. С. 385–392).
- 16 Речь М. Л. Мандельштама // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 40.
- 17 Там же.
- 18 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 199–199(об.).
- 19 Речь М. Л. Мандельштама. С. 41.
- 20 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 199об.
- 21 *Закиров Р. С.* О роли эсера-террориста И. П. Каляева в российской истории // *Локус : люди, общество, культуры, смыслы.* 2015. № 4. С. 32.
- 22 См.: *Савинков Б. В.* Воспоминания. М., 1990. С. 87.
- 23 Там же. С. 38–39.
- 24 Цит. по: *Савинков Б. В.* Воспоминания. С. 39–40.
- 25 *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика террора и новая административная ментальность : очерки истории формирования. М., 1997. С. 8.
- 26 Цит. по: Каляев Иван Платонович URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
- 27 См.: *Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 188.
- 28 Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 18.
- 29 Там же. С. 20.
- 30 Там же.
- 31 Отчет // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 20–21.
- 32 Речь идет о Международном конгрессе антропологов-криминалистов в Женеве 1896 г. (Подробнее см.: *Дриль Д. А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. 295 с.).
- 33 См.: Отчет // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 20–21.
- 34 Приговор // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 50.
- 35 Цит. по: *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 113.
- 36 На самом деле не за два часа, а за 4 дня до казни, но для газетного репортажа так выглядело более интригующе.
- 37 Цит. по: *Казнь Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 50–51.*

- ³⁸ В мае 1905 г. он еще отбывал срок своей каторги, а потому был привезен в крепость под конвоем на полицейском пароходе, а уже в августе месяца того же года он разъезжал свободно без конвоя и не на полицейском, а на пассажирских пароходах, так как к этому времени окончился срок его каторги, благодаря большому числу политических, повешенных им за это лето в разных городах России.
- ³⁹ Последний день Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 72.

- ⁴⁰ См.: Последний день Каляева // Убийство В. К. Сергея Александровича... С. 67–75.
- ⁴¹ Савинков Б. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁴² Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 182.
- ⁴³ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 189.
- ⁴⁴ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 246.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Поэт с бомбой: террорист Иван Каляев (опыт историко-психологической характеристики) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 398–404. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-398-404.

УДК 94(575.2)

ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ 1916 г. ДЛЯ РОССИИ И НАРОДОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Д. С. Маджун

Национальная академия наук Кыргызской Республики
Центр дунгановедения и китаистики, Бишкек
E-mail: djamad1966@mail.ru

Восстание 1916 г. имело самые трагические последствия, как для внешнеполитического престижа России, так и для экономического развития Семиречья. В случае победы повстанцев существовала реальная угроза вторжения иностранных войск со стороны Афганистана под руководством Германии и Турции. Жертвами этой трагедии стал весь многонациональный народ Семиречья, обеспечивавший продовольственную поддержку воюющей армии и тылу, что нанесло непоправимый удар по всей государственной системе Российской империи.

Ключевые слова: восстание 1916 г., Семиречье, киргизские волости, грабежи, дунгане, беженцы.

The Tragic Consequences of the Uprising of 1916 for Russia and the Peoples of Semirechye

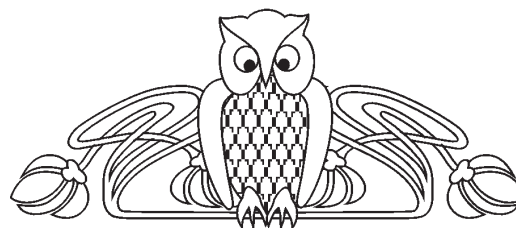
D. S. Madzhun

The uprising of 1916 had the most tragic consequences, both for the prestige of the Russian foreign policy and the economic development of Semirechye. In case of the rebels' victory there was a real threat of invasion of foreign troops from Afghanistan, led by Germany and Turkey. The victim of this tragedy was the whole multinational people of Semirechye, which provided food assistance to the warring army and the rear, causing an irreparable blow to the entire state system of the Russian Empire.

Key words: rebellion of 1916, Semirechye, Kyrgyz volost, robbery, Dungan, refugees.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-404-410

Чтобы понять природу трагических событий, разыгравшихся в 1916 г. на азиатской окраине России, необходимо определить круг субъектов,

которым было крайне выгодно и даже жизненно необходимо разжигание подобного конфликта в то время, когда страна находилась в состоянии войны. Усиление экономической и военной мощи Российской империи было невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на Евразийском континенте. Турция, и особенно Германия, тратила огромные средства на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и ее окраинах, не жалея средств на пораженческую и социалистическую пропаганду, с целью разрушить царскую империю изнутри.

Несмотря на то что Англия была союзницей России в первой мировой войне, вопрос противоборства с Россией за подступы к Индии оставался актуальным, поэтому Англия имела свой интерес в этом конфликте.

Китай также был заинтересован в ослаблении России, мечтая взять реванш за Петербургский договор 1881 г., а китайские анархисты и контрабандисты опиума при поддержке германо-турецкой агентуры хотели использовать этот конфликт, чтобы еще и вывезти опиум из Семиречья.

России этот конфликт был не только не выгоден, но и опасен, вследствие возможной потери контроля над этой огромной стратегически важной территорией, на освоение которой были затрачены десятки лет и огромные средства.

Указ о реквизиции коренных жителей Туркестана для работы в тылу от 25 июня 1916 г. и введение военного положения через несколько дней после его публикации усилили общее недовольство населения и привели к стихийным протестам и бунтам. Плохо подготовленное и не имевшее единого руководящего центра, киргизское восстание

стало ответом коренного населения на злоупотребления администрации, провокационные методы проведения реквизиции, грабежи и убийства своих сородичей военными и добровольными дружинами. Восстание было сознательно подготовлено противоправными действиями центральной власти и администрации, при поддержке местных властей и военных, с целью захвата плодородной земли и грабежа коренного населения. Оно было искусственно создано извне «взаимной паникой и вооружением друг против друга, разжигаемых действиями администрации и карательных отрядов¹, и шло вразрез интересам Российского государства. Кровавые события 1916 г. в Туркестане нанесли непоправимый экономический и политический урон России, приблизив конец ее государственного строя.

Трагическими последствиями кровавых событий стала гибель невинного мирного населения Семиречья – кыргызов, казахов, русских, уйгуров, дунган и др. В крае воцарилась атмосфера ненависти и неприятия между властями, русскими поселенцами и местным населением, что способствовало в то же время росту их национального самосознания.

Комиссия во главе с А. Ф. Керенским, созданная Государственной Думой для расследования кровавых событий в Туркестане, выявила подстрекательскую роль немецких и турецких агентов и обвинила царское правительство в принятии незаконного указа о мобилизации туземцев. Министр иностранных дел был обвинен в превышении полномочий и привлечен к суду, комиссия потребовала также привлечения к суду коррумпированных местных чиновников.

В своем выступлении на закрытом заседании Государственной Думы 13 декабря 1916 г. А. Ф. Керенский назвал центральную власть «виновниками того, что они разрушили эту цветущую окраину и создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт»².

После подавления восстания А. Н. Куропаткин из Ташкента объявил о неизменности правительственного курса и объявил о намерении изъять 2000 дес. земли, на которой была пролита русская кровь, и отчуждить ее в пользу русского населения. По делу восстания было привлечено свыше 3 тысяч человек. Всего осуждены были 872 человека, из которых 51 казнен, а остальные получили разные сроки каторжных работ, арестантских рот и тюремного заключения.

Назначенные после восстания судебные разбирательства выявили преступные злоупотребления властью со стороны представителей русской и туземной администрации и полиции. Поэтому Куропаткин вынужден был пойти на некоторое смягчение режима в отношении коренных народов и улучшение общей политической обстановки в крае. С этой целью он предложил приостановить

распродажу за долги земельных участков, упорядочить права кочевого населения на участки земли, оставленные в его пользовании, принять меры по борьбе с дороговизной, прекратить сведение личных счетов под флагом политического сыска. Одновременно разрабатывались меры по обеспечению края хлебом и продовольствием до нового урожая и семенами для посева путем подвоза хлеба из Сибири и Европейской России. Была начата кампания по расширению прав местной буржуазии, началась чистка туземной и русской администрации, представители которых зачастую дискредитировали российскую власть³.

Самым серьезным последствием восстания 1916 г. стало создание опасного прецедента в приграничных районах Российской империи, угрожавшего перерасти в открытое военное вторжение на территорию Семиречья. В это время Германия вела активную деятельность по производству оружия на территории Афганистана, а немецкие и турецкие офицеры обучали афганских солдат.

Обеспокоенные оживлением деятельности агентов Германии и Турции на границе Китая и Афганистана, генеральные консульства России и Англии в Кашгаре настояли на дополнительной охране на перевале Бахджир. Осенью 1916 г. этой охраной были арестованы, именующие себя норвежцами, Андерсен и Фридрихсон, которые оказались в действительности немецкими шпионами и направлялись из Каргалыка на Тагдумбаш, дабы через перевал Бахджир достигнуть Афганистана. При них оказалось 9 тыс. фунтов стерлингов золота, предназначенного на агитацию среди приближенных афганского эмира.

Прибывший в Хотан турецкий подданный Хамза Эфенди – родственник эмира Бухарского, по сведениям русского консульства, оказался немецким шпионом, которого посещали шведы-миссионеры, яркендские муллы и кази, турецкие подданные и турки⁴.

В секретных донесениях русского консульства в Китае отмечалось, что в г. Бадахшан прибыло несколько германцев, затем туда же прибыло 18 пушек, изготовленных проживающими в Кабуле германцами, которых там 300 человек. Пушка заряжалась с казенной части, стояла на больших колесах, однозарядная. Были также пушки с двумя дулами, сзади пушек есть зарядные ящики, в которых имеется около 1000 патронов. Всего их в Бадахшане 6. Из 300 немцев, находящихся в Кабуле, – 3 офицера. В тамошний оружейный завод никто из посторонних не пропускается. Ежедневно изготавливается по 100 и более ружей.

Из Афганистана поступали сведения, что в город Ханабад приехали пять немцев и три турка, все они офицеры, обучают афганских солдат. В Ханабаде циркулировали слухи, что афганцы начнут военные действия против России с местности Дарбаз и Куляб. Еще до их прибытия приехали в Ханабад трое немцев, которые открыли там завод для выработки оружия. В Кабуле находятся 7 нем-

цев и 9 турок, вырабатывающих на заводе ружья. В настоящее время афганские войска в Кабуле обучаются четырьмя немцами и двумя турецкими офицерами⁵. Неисключено, что в случае победы повстанцев эти обученные войска готовились вступить на территорию Семиречья.

В приграничные с Россией районы китайские власти также стягивали войска из внутренних районов страны и набирали солдат из местного населения. Это было связано с обеспокоенностью китайского правительства огромным наплывом коренного населения Семиречья, бежавшего в пределы Кашгара под давлением русских карательных войск, насчитывавших многие десятки тысяч человек. Для обеспечения порядка в Кашгар, только в Аксуйский округ, прибыли 810 китайских солдат. В это время здесь находилось около 30 тыс. русских подданных киргизов, принимавших участие в киргизском восстании в Семиреченской области. По имеющимся у русского консульства сведениям, в местности Кок-яр находилось 500 юрт киргизов, перекочевавших туда из русских пределов⁶.

Истинные цели администрации при провоцировании этого конфликта выразил генерал-губернатор Туркестана А. Н. Куропаткин после подавления восстания. Он отмечал: «Необходимо, чтобы туземное население усвоило, что пролитая русская кровь карается не только казнью виновников, но и отобранием земли у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею». К тому времени русское население в Туркестане составляло около 540 тыс. человек, которые были разбросаны среди 7 млн туземного населения, и составляло только 7,5% всего населения Туркестана⁷.

По предварительным подсчетам администрации, «нападению мятежников, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек, подверглись 94 русских селения, в которых было сожжено и разрушено 5373 двора. Убито 1 905 человек, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105. Несколько пленных обнаружены и возвращены в Кашгаре и Кульдже. Воинские отряды потеряли 171 человека, из них убито 3 офицера и 53 нижних чина, ранено 41 нижний чин, остальные пропали без вести. Из-за восстания излишек урожая исчислялся в 1,7 млн пудов против 10,3 млн пудов излишка в 1915 г.

Скотоводству был также нанесён большой урон. Русские селения, подвергшиеся нападению, лишились скота вследствие угона его киргизами не менее чем на 90%. Многие хозяйства совершенно остались без рабочего и молочного скота.

В Пржевальском уезде киргизский скот, исчислявшийся к 1916 г. в 2 327 472 головы, может считаться весь погибшим. В остальных уездах, где насчитывалось свыше 6 млн голов, убыль определяется, по предварительным данным, в 30%.

Вызванная восстанием убыль кочевого населения в области определится с точностью только при предстоящем переучете кибиток; к январю же

1917 г. она приблизительно исчислена в 38 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. душ обо-его пола»⁸.

По пути своего бегства мятежники сжигали все русские деревни, вытаптывали поля, угоняли скот. В первых числах ноября полковник В. П. Колосовский докладывал военному губернатору Семиреченской области А. И. Алексееву о состоянии Пишпекского и Пржевальского уездов. Он отмечал, что начиная от русского с. Кара-Булак Токмакского участка Пишпекского уезда, вплоть до с. Нарын, вся местность носила характер полного разрушения и, как следствие этого, совершенного запустения. В Китай бежало 32 волости, расположившиеся в долине р. Кара-Булак до Уч-Турфана. При них находилось свыше 50 главарей манапов, главных виновников восстания и организаторов истребления русских поселков. Манапы разжигают среди простых киргизов вражду к России, уверяют его в поддержке Китаем восстания, всю торговлю русскими деньгами, а «простой же народ бедствует и массаги гибнет вместе с полугодовалым скотом от бескормицы и стужи»⁹.

Спасаясь от массовой расправы, киргизы, казахи, дунгане бежали в Китай, где наткнулись на враждебный прием со стороны местного населения. Китайские кочевые калмыки, обрадовавшись легкой наживе, отобрали у беженцев скот, имущество и даже женщин, а затем выгнали их обратно в русские пределы. Так же китайцы поступили с почетными киргизами, которые возили им в подарок большое количество опиума, чтобы китайцы приняли их. Но китайцы опиум отобрали, а их самих прогнали¹⁰.

Восстание 1916 г. фактически парализовало русскую торговлю в Синьцзяне¹¹, поставило в сложное экономическое положение эту провинцию и ее население, которое снабжалось такими важнейшими для жизни товарами, как керосин, сахар, свечи, железо, мануфактура и пр. из России.

Появление беженцев, число которых возрастало с каждым днем и доходило до нескольких тысяч в день, было совершенно неожиданным для китайских властей. Опасаясь возможности беспорядков в своих пределах и возникновения волнений среди своих подданных, китайские власти приняли все возможные меры к их выселению. Поставленные в безвыходное положение и терпя крайнюю нужду во всем, часть мятежников изъявила покорность и, в конце концов, вынуждена была возвратиться в русские пределы, обещая не поднимать волнений и подчиняться русским властям.

По данным Временного правительства, летом 1917 г. в Китае находилось до 50 тыс. киргизских семейств, желавших вернуться на родину¹², что составляло около 200 тыс. человек, а число погибших в восстании и при переходе в Китай киргизов и казахов с точностью определить невозможно.

Б. Исакеев писал: «Устлав погибшим скотом и засыпав человеческими трупами несколько пере-

валов, киргизы перешли на территорию Китая. Переход в Китай стоил киргизам половины всего имущества и скота, а для значительной части киргизов – жизни»¹³.

Драгоман российского генерального консульства в Кашгаре Стефанович писал в докладной записке, что китайцы руководствовались корыстными целями, давая киргизам разрешение перейти границу, а некоторыми чиновниками руководила злая воля, чтобы нанести чувствительный ущерб русским интересам и удар русскому престижу в Западном Китае. Киргизам выдавалось разрешение на переход границы при условии уплаты не менее 5 тыс. руб., выдачи всего огнестрельного и холодного оружия, внесения значительного количества опиума, а рогатый скот и овцы забирались не только достаем (губернатором), но всеми китайскими чиновниками, в размерах, даже не поддающихся учету. По подсчетам Стефановича, у киргизов и дунган было отобрано китайцами около 300 ружей, из них не менее 100 винтовок.

«Преступная деятельность ряда представителей китайских властей, принесла существенный ущерб русским интересам и громадные убытки русским подданным, какими являются обобранные ими наши киргизы. Возможные убытки киргизов, если считать, что их бежало до 120 тыс. человек, кои в среднем имели 5–7 голов скота на душу (включая детей), то сумма в 12–15 млн руб. не будет преувеличением. Если бы китайские власти выполнили договоренности с российской стороной по недопущению повстанцев на свою территорию, – считал драгоман, – киргизы были бы вынуждены подчиниться властям, выдав им своих предводителей, но при этом сохранили бы свои стада и не впали бы в такое бедственное положение»¹⁴.

Таким образом, в результате восстания 1916 г. наибольший урон в живой силе и имущественном отношении понесли коренное население и русское крестьянство Семиречья. В выигрыше же остались Германия и Турция после признания Россией своего поражения в войне, а также китайская сторона, обобравшая беженцев до нитки. Так же значительно обогатились военные, жандармы, чины администрации, промышленявшие грабежом мусульманского населения. Здесь отчетливо видно, кому были выгодны беспорядки в Туркестане, и кто приложил усилия и средства к провоцированию конфликта.

В. А. Моисеев приводит конкретные цифры по количеству семиреченских беженцев в Китае. Так, в июле и первых числах августа 1916 г. в Илийский и Тарбагатайский округа бежало 1500 семей казахов. Министерство иностранных дел Китая 27 июля (9 августа) обратилось в российское посольство в Пекине с просьбой «о скорейшем принятии мер к водворению бежавших киргизов обратно в русские пределы, а также о скорейшем запрещении означенным киргизам впредь самовольно переходить границу». Автор

также приводит документы, согласно которым к концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край казахов, кыргызов, дунган и уйгур составила, по данным российского консульства в Кульдже, около 100 тыс. человек¹⁵. Всего в Китай из Казахстана и Средней Азии (прежде всего, из Киргизии) ушло более 300 тыс. человек¹⁶.

7 января 1917 г. войсковой старшина Семиреченского казачьего войска П. В. Бычков и драгоман российского консульства в Кашгарии Г. Ф. Стефанович составили протокол о положении киргизов Пржевальского и Пишпекского уездов, бежавших в Китай. Киргизы при переходе через горные перевалы, отмечается в нем, потеряли почти весь свой и ограбленный у русских скот: рогатого скота нет, лошадей осталось 10 %, баранов осталась одна четвертая часть и верблюдов около половины. Но оставшийся скот по своему изнурению и в данное время недостатка корма не внушает надежды на его просуществование до весны. Положение рядового киргизского населения ужасное. Есть случаи, когда «матери оставляют своих грудных детей, продают подростков, как девочек, так и мальчиков, продают последнюю свою одежду – весь уч-турфанский базар завален киргизскими вещами»¹⁷.

А. Н. Куропаткин в качестве наказания за мятеж предлагал выселить 15 волостей (80 тыс. киргизов) из Пишпекского уезда в новообразованный Нарынский уезд – местность совершенно непригодную для земледелия и скотоводства, что грозило им неминуемым вымиранием. В ответ на этот проект киргизы Пишпекского уезда написали прошение Временному правительству, где писали: «В Пишпекском уезде живем с 1860 г., на своих землях развели сады, имеем сенокосы, дома, мечети, школы. Созданное многолетним трудом, – все это хотят у нас отнять и выселить в бесплодную местность, хотя большинство выселяемых киргизов не принимали никакого участия в беспорядках. Просим отменить назначенное нам старой властью выселение»¹⁸.

Временное правительство считало действия старой власти явно несправедливыми в отношении киргизов, поэтому амнистировало всех туземцев, привлеченных к суду и поручило Туркестанской комиссии изыскать меры к возвращению киргизов в пределы области, водворению их на прежние места и примирению с русским населением.

Военный министр А. Ф. Керенский находил крайне желательным решение настоящего дела в возможно благоприятном для местного населения смысле, как с точки зрения моральной, так и по соображениям политического свойства. Он отмечал: «Туркестанский край является важной во всех отношениях окраиной Русского государства, и потому скорейшее успокоение её, и в частности Семиреченской области, в настоящий тревожный политический момент представляется задачей

первостепенной важности. В сем отношении к скорейшему примирению русского и туземного населения, поставленных во враждебные отношения рядом неправильных антигосударственных действий старой власти, должны быть приняты все меры, каких бы материальных жертв они не требовали от государства»¹⁹.

При Временном правительстве во главе местной администрации были назначены те же люди, которые участвовали в подавлении восстания, которые не могли допустить возвращения кыргызов, казахов и дунган на прежние места жительства. Поэтому в ответ на просьбы киргизов и дунган о разрешении вернуться на свои прежние места жительства Председатель Исполнительного комитета Шебалин и начальник гарнизона Гейциг отвечали: «Ввиду решения правительства поселить дунган и киргизов в прежних местах, уездное совещание просит отложить решение этого вопроса до ознакомления местного комиссара Думы. Страсти не улеглись, и появление киргиз, особенно дунган, в прежних местах вызовет нежелательное осложнение, и могут быть трудно поправимы впоследствии».

В Семиречье в течение целого года после подавления восстания, почти ежедневно, продолжались грабежи и убийства киргизского населения, при попустительстве краевых и местных властей. Так, в одной из телеграмм читаем: «13 августа 1917 г. на возвращающихся из сыртов киргизов на местности Учтык напали 20 вооруженных покровских барскаунских крестьян. Убили 42, ранили 15 киргиз, отобрано скота: 2100 баранов, 30 лошадей, 10 верблюдов, ограблено все имущество, отобрано 18 кусков серебра, джамбы 300 зер. серебра, 7600 руб. деньгами. Киргизы Пржевальского, Джаркентского уездов и без того мрут от голода, ибо крестьяне категорически не продают им хлеба в отместку за прошлогодний мятеж»²⁰.

Разорение прежде цветущих и плодородных волостей Семиречья, уничтожение и убыль многотысячного податного населения, межнациональная рознь и нетерпимость стали результатом антигосударственной деятельности правительства и руководства Туркестана и Семиречья.

В период Первой мировой войны, во время Брусиловского прорыва, в нарушение директив русской Ставки главного командования Куропаткин своим бездействием явился причиной потери 12-й армии 15 тыс. человек. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов в своих мемуарах так описал реакцию российского общества на результаты Брусиловского прорыва: «*Вся Россия ликовала, имена Эверта и, в особенности, Куропаткина осуждались*»²¹.

Странно, что генерала, ставшего причиной гибели десятков тысяч русских солдат в двух войнах, назначают генерал-губернатором Туркестанского края накануне кровавых событий и дают ему всю полноту власти введением в крае военного

положения. В середине апреля 1917 г. Временное правительство отстраняет от должности губернатора Туркестанского края Куропаткина²².

Деятельность руководства Туркестанским краем, в частности Куропаткина и генерал-губернатора Семиречья Фольбаума, в корне противоречила интересам Российского государства. Она привела к разорению этих некогда богатых плодородных областей, уничтожению и потере значительной части трудовых ресурсов края, потере урожая и многомиллионного поголовья скота, жизненно необходимого для воюющей армии и тыла.

Подобное развертывание событий в Туркестане во время войны было на руку только врагам России. Если еще вспомнить шпионские разоблачения высшего руководства военного ведомства России, подозрения на прогерманское расположение императрицы, иностранную финансовую поддержку социал-демократов во главе с Лениным и враждебную агитацию среди туземцев, то утверждение о подрывной деятельности иностранных агентов, проникавших во все слои российского общества, не кажутся столь надуманными.

В районах, где было подавлено восстание, начался набор рабочих на тыловые работы. К 1 февраля 1917 г. было отправлено 110 тыс. человек, кроме того, оставлено в Туркестанском крае для работы на железной дороге и оборонных предприятиях свыше 10 тыс. туземцев. До мая планировалось выставить ещё 80 тыс. рабочих²³. Таким образом, вместо запланированных к реквизиции 480 тыс. инородцев удалось призвать только чуть более 100 тыс. человек.

В городах Семиречья мытарствовало много киргизских и дунганских детей, оставшихся без родителей, которые погибали от голода и холода. Дунгане из невосставших сел пришли на помощь, собирали беспризорных, приняли к себе и спасли от смерти. Многие из них поступили в детдома, стали советскими работниками, писателями и учёными. Живым свидетелем тех событий стал Тазабек Саманчин, кандидат филологических наук, научный сотрудник КИРФАН Кирг. ССР, которого подобрали дунгане, дав ему имя Дыбо – «ценная находка»²⁴.

Стремясь избежать смерти от голода и холода, все больше и больше бежавших в Китай казахских и кыргызских кочевников начали обращаться в российские консульства в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке с просьбами разрешить им возвратиться на родину. Февральская революция в России в 1917 г. и свержение самодержавия привели к массовому возвращению беженцев из Китая в Казахстан и Среднюю Азию. Между тем уже к маю 1917 г. только в Киргизию возвратилось более 64 тыс. человек²⁵.

По данным Наркомата иностранных дел СССР в Кульдже, в 1921 г. через их представительство прошло 5 575 человек беженцев, в

1922 г. – 6 551 человек и в 1923 г. – 5 475 человек, всего около 18 тыс. человек, и поток беженцев не прекращался²⁶.

В апреле 1917 г. беженцы Мариинской волости через своих представителей Шарифа Ибрагимова и Айсарахуна Калимова подали прошение комиссару Временного правительства по Семиреченской области: «Ныне оставшиеся после голодных мытарств в живых, дунгане большой Мариинской волости разбрелись в китайском Туркестане по кишлакам и в высшей степени бедствуют. Просим Вас признать за нами точно и определённо право на наши земли, дать нам возможность, вернувшись на свои места, заняться мирным трудом земледелия и другими отраслями хозяйства».

Возвращение дунганских беженцев из Китая стало возможным после установления Советской власти в Семиречье. В одном из архивных документов говорится, что с 20 февраля по 10 марта 1920 г. из Китая уехало 500 семейств беженцев, большинство из которых составляли дунгане. В начале 1921 г. еще 165 семейств дунган общим числом в 769 человек вернулись в Семиречье²⁷.

Выгнав кыргызов и казахов с их земель, русские поселенцы не в состоянии были самостоятельно обработать огромные площади полей, ухаживать за скотом, добывать уголь и выполнять всю ту тяжелую работу, которая прежде делалась коренным населением по найму. Поставки лошадей, скота, верблюдов, рыбы и другого продовольствия для армии и тыла в огромных прежних объемах стали невозможны. Экономика была разрушена, население разорено, хлеб из Семиречья в хлопководческие районы Туркестана не поставлялся за неимением лошадей, подвод и зерна. Население, особенно Ферганской области, усиленно занимавшееся посевами хлопка, жило в значительной степени привозным хлебом, общая потребность в котором до нового урожая составляла 20 млн пудов. Население хлопководческих районов находилось на грани голода, и правительство даже опасалось возможных бунтов, если хлеб не будет доставлен по железной дороге из Сибири²⁸.

Итак, события 1916 г. имели трагические последствия, как для побежденных коренных жителей Семиречья, так и для победителей. Погибли и вынуждены были покинуть родную землю десятки тысяч тружеников: кыргызов, казахов, русских, узбеков, дунган и др., которые своим совместным трудом обустроили и превратили в цветущий край эти бывшие кочевья и дебри. Именно они обеспечивали продовольственную поддержку центральному району России, внося свой весомый вклад в победу русского оружия на фронтах первой мировой. Жертвами этой трагедии стал весь многонациональный народ Семиречья, а ее экономические и социально-политические последствия нанесли непоправимый удар по всей государственной системе Российской империи.

Примечания

- 1 См.: Бройдо Г. И. Восстание кыргызов в 1916 г. М., 1925. С. 24.
- 2 «... Такое управление государством – недопустимо». Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.
- 3 См.: Из дневника А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. № 3. С. 56–57.
- 4 См.: Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 31, 32, 35.
- 5 Там же. Л. 39–40, 43.
- 6 Там же. Л. 29–31.
- 7 См.: Центральный Государственный военно-исторический архив Российской Федерации (далее – ЦГВИА РФ). Ф. 400, 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 1–22; Характер восстания 1916 г. в Киргизии / собрал С. К. Керимбаев в ЦГВИА РФ. 1952–1953 гг. (Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной Академии наук Кыргызской Республики (далее – РФ ИЯЛИ НАН КР). Инв. 1503. С. 29).
- 8 ЦГВИА. Ф. Главный штаб, Азиатская часть, 1917 г. Д. 26. Л. 18–34; Всеподданнейший рапорт и. д. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексеева Николаю II о восстании в области в 1916 г. от 4.03.1917 // Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сб. документов. М., 1960. № 268. С. 415–416.
- 9 Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. № 494. С. 692–695.
- 10 См.: Центральный Государственный архив Кыргызской Республики (далее – ЦГА КР). Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 22; Д. 8. Л. 21.
- 11 См.: Кожирова С. Б. Российско-Китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – нач. XX вв.). Астана, 2000. С. 107–109.
- 12 См.: ЦГВИА РФ. Ф. 400. 1916 г. Оп. 263/216. Д. 20. Л. 105; Характер восстания 1916 г. в Киргизии / собрал С. К. Керимбаев в ЦГВИА. 1952–1953 гг. // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 5.
- 13 Исакеев Б. Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932. С. 10.
- 14 Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР. Ф. 284. Оп. 1. Д. 21. Л. 17–47; Восстание 1916 года : документы и материалы. Бишкек, 2015. С. 180–184.
- 15 См.: Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 307–309.
- 16 См.: Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 93.
- 17 Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сб. документов. № 502. С. 708–709.
- 18 ЦГВИА РФ. Ф. 400. 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 47; РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. С. 74.
- 19 ЦГВИА РФ. Ф. 400. 1916 г. Оп. 263/216. Д. 20. Л. 102–106; РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 5.

- 20 ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 118 ; РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 87, 99.
- 21 Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. : Воениздат, 1983. С. 214.
- 22 См.: Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 г. Алма-Ата ; М., 1936. С. 85–86.
- 23 См.: ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
- 24 Юсуров Х. Участие дунган в восстании киргизов в 1916 г. // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 29. С. 20.
- 25 См.: Малабаев Ж. Положение беженцев-киргизов после февраля 1917 г. // История и современность. Фрунзе, 1982. С. 41.
- 26 См.: ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 13. Л. 60.
- 27 См.: Юсуров Х. История советских дунган // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 28, 1947. Л. 33.
- 28 См.: ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 1–22 ; Рапорт Туркестанского генерал-губернатора Куропакина // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 63–64.

Образец для цитирования:

Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 404–410. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-404-410.

УДК 94(470.62/.67).084.8|1941/1945|

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СССР: СПЕЦИФИКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ (1945–1956 гг.)

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: myakshhev@mail.ru

В статье анализируется процесс насильственного перемещения значительных масс населения из «западных» республик СССР в восточные районы страны в послевоенный период. Рассматривается влияние депортированных народов на эволюцию национальной структуры населения ряда союзных республик. Исследуются предпосылки неизбежности вследствие разрушения системы спецпоселений очередного этапа радикального изменения национальной структуры республик Северного Кавказа.

Ключевые слова: депортация, насильственное переселение, спецпоселенцы, союзные республики, народы, власть, государство.

The Final Stage of the Forced Deportation in the USSR: the Peculiarities and its Influence on the National Structure Changes (1945–1956)

A. P. Myakshhev

The process of the forced deportation of considerable population masses from the «western» republics of the USSR to its eastern regions during the post-war period is analyzed in the article. The influence of the deported peoples on the evolution of the national population structure of some Soviet republics is examined. The preconditions of inevitability, due to the destruction of the special settling system, of the next phase of the drastic change in the population structure of the national republics of the North Caucassus are investigated.

Key words: deportation, forced deportation, special settlers, Soviet republics, peoples, authorities, state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-410-415

В 1940–1950-е гг. серьезнейшим образом изменилась национальная структура большинства союзных республик. Одной из причин этого стали

депортации, в результате которых в стране была создана спецпоселенческая система. По официальным данным, поступившим в начале 1953 г. в Верховный Совет СССР, в местах поселения находилось: 1 225 005 немцев, 489 118 чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 79 376 калмыков, 199 215 крымских татар, болгар, греков, армян, около 160 тысяч турок, хемшинов, греков, иранцев¹. Только эта группа этносов, депортированная из Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Грузии, Черноморского побережья, составляла свыше 2 млн 150 тыс. человек. В июле 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов в докладной записке, направленной председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову, оценивал общую численность находящихся на спецпоселении в 2 млн 819 тыс. 776 человек².

После войны армия спецпоселенцев пополнилась в основном из западных районов страны, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. и «требовавших» социалистической реконструкции. Масштаб депортации из районов Западной Украины и Прибалтики соответствовал степени националистического сопротивления, развернувшегося на этих территориях.

Так, Украинская повстанческая армия, активно действовавшая против советских партизан и отрядов польского подполья и участвовавшая в украинско-польском этническом конфликте в годы войны, после победы развернула боевые действия против Советской армии и советской власти, колхозных активистов и приехавших с «востока» республики, против всех лояльных новой власти. Главным методом борьбы против националистического подполья стали войсковые операции и насильственные переселения. «В Западной Украине в общей сложности было

ликвидировано 346 000 борцов сопротивления, из них арестовано 117 500, убито более 152 000 человек»³. В 1944–1948 гг. из Украинской ССР были выселены 182 543 члена семей украинских националистов-оуновцев, в 1948 г. из бывшей Измаильской области – 93 233 кулака и членов их семей, в 1951 г. из западных областей Украины – 12 135 кулаков и членов их семей, а также 4 815 сектантов-иеговистов⁴.

Продолжало активно действовать националистическое подполье в Литве. И это несмотря на то что к 1 марта 1945 г., по официальным данным, было ликвидировано 17 тыс. банд-групп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек⁵. В 1944–1952 гг. в Литве «было ликвидировано 2 353 отряда лесных братьев, убито 19 888 и арестовано 18 841 «бандит». В то же время от рук лесных братьев погибло 12906 человек, а потери 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, воевавшей с националистами в Литве, составили 533 погибших и 784 раненых⁶. Пик депортации из Литвы приходится на конец послевоенного пятилетия: в 1948 г. было выселено 43 410 участников националистического движения, в 1949 г. – 27 601 кулак и членов их семей и 5 895 членов семей националистов, в сентябре – октябре 1951 г. – 16 150 кулаков и членов их семей, а также 4 133 члена семей националистов⁷. Из Латвии зимой 1949 г. было депортировано 42 322 кулаков, участников националистических организаций и члены их семей⁸. В июне 1953 г. первый секретарь ЦК Латвийской КП Я. Калнберзин докладывал, что в Латвии жертвами репрессий стали 199 тыс. человек, из которых 72 850 были арестованы, 43 702 депортировано, и 2 321 убит⁹. Лесные братья в Латвии «ликвидировали» 1 639 человек¹⁰. 662 банды националистов и 336 «националистических организаций» в 1944–1953 гг. были разгромлены, 1 425 бандитов было убито в Эстонии. За эти же годы было депортировано 67 тыс. человек¹¹. В течение 1949 г. из Эстонии было выселено 20 660 кулаков и националистов¹². В 1949 г. – 37 311 помещиков, белогвардейцев, участников профашистских организаций было выселено из Молдавии¹³.

В очень сложном положении оказывались и национальные элиты в прибалтийских республиках. Объективно пытаясь добиться стабилизации положения в республиках, национальные бюрократии должны были не только отстаивать национальную специфику, но и способствовать утверждению курса на интернационализацию «своей» территории с опорой на идеологию сотрудничества и дружбы со всеми советскими народами. Балансировать между центром и республикой удавалось не всегда.

В январе 1948 г. в ЦК ВКП (б) поступила информация о широком распространении националистических настроений в Эстонии: «продолжается насаждение хуторов», наблюдается плохое отношение к завербованным для работы в Эстонии

рабочим, в основном русской национальности, что приводит их к массовому бегству из республики¹⁴. Более всего национализмом были заражены интеллигенция и молодежь. В Тартуском университете преподавание велось в «духе буржуазного национализма», среди студентов распространено «неприятное отношение к русским», группа учащихся таллиннской школы № 5 взорвала памятник бойцам и офицерам Советской армии, в г. Выру была раскрыта националистическая организация среди учителей и учащихся¹⁵. Вся ответственность за национализм в Эстонии возлагалась на местное партийное руководство. Секретарю ЦК КП (б) Эстонии Н. Г. Каротамму, членам ЦК А. Т. Веймеру, Р. Кумму, Г. Аллику ставился в вину факт обращения в 1944 г. в МГБ СССР с ходатайством об освобождении и реабилитации группы эстонцев, осужденных за антисоветскую деятельность, а также запрещение высылать большое количество кулацких семей. Указывалось, что Каротамм «почти ничего не говорит о борьбе с буржуазными националистами, а в отдельных случаях берет их под защиту»¹⁶.

7 марта 1950 г. политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП (б) Эстонии»¹⁷. В постановлении отмечалось, что эстонское руководство не ведет должной борьбы с буржуазным национализмом, проходит мимо фактов восхваления старых буржуазных порядков в Эстонии и пропаганды преходства западноевропейской буржуазной науки и культуры, на ответственные посты в республике проникают националисты, недостаточное внимание оказывается колхозам. В документе делался вывод о том, что секретарь ЦК Каротамм «лично повинен в отсутствии борьбы с буржуазным национализмом»: в своих печатных работах и выступлениях он «проходит мимо вопросов борьбы с буржуазным национализмом... берет под защиту националистов и препятствует их разоблачению»¹⁸.

Выселенные в 1944–1952 гг. «оуновцы» «по состоянию на 1 июля 1952 г.» в основном были расселены в Сибири: Хабаровском (25 926) и Красноярском (13 704) краях, Кемеровской области – 27 946, Иркутской – 17 012, Омской – 12 313, Томской – 11 649, Пермской области – 10 594. Большое количество украинских националистов было направлено в Амурскую (5 673), Тюменскую (5 805), Челябинскую (6 067) области. В Казахстане находилось в это время всего 7 702 высланных с территории Западной Украины¹⁹.

«Насильственно перемещенные» в 1945–1952 гг. из Литвы были размещены (данные на июль 1952 г.) в основном в Иркутской области (38 340) и Красноярском крае (28 635); из Латвии – в Омской (19 585), Томской (14 321), Амурской (4 961) областях; из Эстонии – в Новосибирской области (9 249) и Красноярском крае (6 099)²⁰.

В 1942–1951 гг. из Крыма, Краснодарского края, Ростовской области, Азербайджанской, Армянской, Грузинской союзных республик и с

Черноморского побережья были выселены греческие, иранские, турецкие подданные, которые приняли советское гражданство²¹.

Армия спецпоселенцев становилась все более многочисленной. В начале 1950-х гг. она продолжала возрастать, прежде всего за счёт взятия на учёт детей, число которых среди спецпоселенцев в июле 1953 г. составляло 884 057²².

Довольно широким был и национальный состав спецпоселенцев. В феврале 1953 г. министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев сообщал, что в 1941–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузии и Крыма вместе с чеченцами, ингушами, крымскими татарами, месхетинцами были высланы кумыки, аварцы, цыгане, русские, украинцы, азербайджанцы и другие лица, которые «проживали на территории, откуда по решениям правительства производилось выселение, но к выселенным национальностям не принадлежат и в состав их семей не входят» (34 767 человек). В этом же списке присутствовали 995 членов семей участников «истинно-православных христиан», 650 болгар, репатриированных в 1945 г. из Румынии и Болгарии, а также выявленные среди кулаков 16 167 чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар. Все они, по мнению Игнатьева, представляли «социальную опасность» и впредь должны были содержаться в местах поселений²³.

В августе 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Кружков сообщил, что 87 794 «украинских, латвийских, литовских, эстонских и других националистов» содержались «в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР» вместе с 22 203 шпионами и диверсантами, 9 639 террористами, 1 712 троцкистами, правыми, меньшевиками, эсерами, 29 486 участниками антисоветских групп, 66 424 лицами, «опасных по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»²⁴.

Вслед депортации поволжских немцев, чеченцев, ингушей, крымских татар Советское государство организовало массовое переселение, прежде всего русского населения, на «освободившиеся» территории. В районы Саратовской области, бывшие кантоны Республики немцев Поволжья, в 1945–1953 гг. было переселено преимущественно из Курской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской областей РСФСР 8 838 семей²⁵. В образованную после выселения чеченцев и ингушей Грозненскую область в 1947–1953 гг. было направлено 9 895 семей, а главным «донором» выступила Воронежская область, переселяли также из Орловской, Рязанской областей РСФСР²⁶.

Переселение в Крымскую область шло из районов Брянской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей РСФСР, Краснодарского и Ставропольского краёв, а также из Украинской ССР. В 1946–1953 гг. в Крым прибыло 11 411 семей²⁷.

Принудительный характер переселения, зачастую недоброжелательное отношение местного

населения, отсутствие жилья приводили к столь же массовому отъезду из постдепортационных территорий. К примеру, из Крымской области к 1950 г. из переселенцев прошлых лет выбыла 10 361 семья (57,7 %) ²⁸, из прибывших в Саратовскую область в 1948–1951 гг. 129 семей из Курской области выбыло 32 семьи (26 %) ²⁹. Анализ мероприятий по заселению Грозненской области показал, что «с марта 1944 г. по январь 1951 г. в колхозы Грозненской области было вселено из других областей 20 487 семей, с общим населением до 100 тысяч человек... по состоянию на 1 января 1951 г. в колхозах области наличие переселенцев... составляет всего 10 695 хозяйств, или 52 % от общего количества прибывших хозяйств АССР» ³⁰.

Цели переселенческой политики Советского государства А. М. Некрич усматривал в том, что оно «сочло необходимым “укрепить” границы империи, заполнив пограничные территории так называемым “реальным населением”, а к таковым, по мнению советского руководства, относились «только русские и украинцы, мусульманская же часть жителей считалась заведомо ненадежной» ³¹. По всей видимости, с этим утверждением следует согласиться. Признавая необходимость хозяйственного освоения покинутых территорий, следует признать, что государство привычно ориентировалось на «безмерность» ресурсов русского народа, упорно «распыляя» их на реализацию общесоветских интересов.

Депортации в послевоенные годы становились поистине универсальным методом. С определенной долей эффективности этим средством можно было «одернуть» и окрепшие за счет поддержки в высших эшелонах власти, коррумпированности, спаянности национальные кланы. Яркий пример тому является собой «мингрельское» дело, которое можно рассматривать как попытку разгрома и ликвидации по одной из республиканских национальных элит. Этой версии придерживался один из бывших руководителей советских органов госбезопасности П. А. Судоплатов, считавший «мингрельское дело» одной из последних чисток, организованной самим Сталиным с целью устранения Берия: «Берия был мегрел, а мегрелы не ладили с гурийцами, которым больше всего доверял Сталин» ³².

Чистка грузинского руководства от «мегрельских уклонистов», «мегрельского национализма» ³³ началась с арестов чиновников-мингрелов (второй секретарь ЦК М. И. Барамяя, бывший министр госбезопасности Грузии А. Н. Рапава, генеральный прокурор В. Я. Шония, академик П. А. Шария), обвиненных во взяточничестве. Всего было арестовано не менее 500 этнических мингрелов, в том числе 7 членов ЦК, 427 секретарей обкомов, горкомов, райкомов. Был снят с должности и первый секретарь компартии Грузии К. Н. Чарквиани, который не был этническим мингрелом. В ноябре – декабре 1951 г. были приняты постановления ЦК ВКП (б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамяя» и Совмина

СССР «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов». Кроме обвинений во взяточничестве и национализме, «группе Барамия» инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств». Более 10 тысяч человек были высланы с территории Грузинской ССР в отдаленные районы Казахстана³⁴. Тучи начали сгущаться и над Берией, которому политбюро предложило возглавить партийную комиссию по расследованию дела «мегрельских уклонистов» и «закрыть мегрельские газеты»³⁵. «Большой мингрел», как Сталин иногда именовал Берия, сам мог попасть в орбиту следствия³⁶.

Интенсивное заселение опустевших территорий демонстрировало убежденность властей в невозможности возврата на прежнее местожительство депортированных народов. Положением, когда районы бывшей Чечено-Ингушской АССР были заняты главным образом русскими переселенцами, «а также народами из горных районов Дагестана, Южной и Северной Осетии», территории бывшей Калмыцкой республики – русскими и казахами, районы бывшей Карачаевской области – русскими и частично грузинами, бывшие балкарские районы – кабардинцами, а большая их часть осталась незанятой³⁷, при условии возвращения на прежнее местожительство выселенных народов объективно должно было обострить межнациональную ситуацию.

В результате в Крыму, на Северном Кавказе, в Поволжье коренным образом менялась национальная структура на тех территориях, откуда производилась депортация. Несмотря на довольно напряженные отношения переселенцев с местным населением, не подвергшимся депортации, в целом сохранялась стабильная межнациональная ситуация.

Советское руководство было объективно заинтересовано в сохранении и консервации возникшего после многолетней практики депортации положения, в том числе и по причине неизбежности возникновения межэтнических конфликтов в местах вероятного возвращения «наказанных народов». «Армия» спецпоселенцев, разбросанная по огромным просторам Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Средней Азии, Казахстана требовала освобождения и возвращения на историческую родину.

Самым многочисленным из депортированных народов были немцы. К середине 1950-х гг. немцы (по данным на 20 мая 1956 г. снятые с режима спецпоселения с декабря 1955 г. немцы составляли 727 823 человека), проживали в России (442 184), Казахстане (261 418), Таджикистане (19 085). Были представлены и в других районах СССР: 1 001 немец – в Турмении, 1 421 – в Киргизии, 2 555 – в Узбекистане, даже в Карело-Финской АССР насчитывалось 159 человек. В России немцы были сосредоточены в Алтайском крае (63 393), Красноярском крае (45 195), Кемеровской (43 119), Новосибирской (48 087), Пермской (32 222), Ом-

ской (26 846), Свердловской (35 652), Челябинской (25 424). В трех регионах количество немцев превышало 10 тыс. человек (в Тюменской – 17 444, Томской области – 16 167, Коми АССР – 12 758), а в шести регионах – 5 тыс. человек (Башкирской АССР – 6 334, Удмуртской АССР – 6 500, Архангельской – 7 718, Вологодской – 5 970, Иркутской – 6 053, Тульской – 7 430, Оренбургской – 7 369), в восьми республиках и областях – 1 тыс. человек (Бурят-Монгольской АССР – 1869, Марийской АССР – 1704, Якутской АССР – 2543, Кировской – 4615, Костромской – 4312, Куйбышевской – 2802, Магаданской – 1142, Московской области – 3195). Еще в десяти российских регионах немцев насчитывалось от 100 до 1000 человек, в том числе в Татарской АССР – 956, Горьковской области – 818, Рязанской области – 784³⁸.

261 418 освободившихся от режима спецпоселения немцев проживало в мае 1956 г. в Казахстане, больше всего в Карагандинской (48 196), Акмолинской (40 710), Кокчетавской (30 197), Кустанайской (27 570), Павлодарской (22 512), Семипалатинской областях (20 066). В казахстанских областях численность бывших спецпоселенцев-немцев превышало 10 тыс. человек, в том числе в Северо-Казахстанской – 14 045, Восточно-Казахстанской – 13 633, Актюбинской – 13 348. В Узбекистане немцы были сосредоточены в Ташкентской области – 1 189, а в Киргизии больше всего немцев проживало во Фрунзенской области – 1 094 человек³⁹.

Вторым по численности контингентом спецпоселенцев к середине 1950-х гг. были чеченцы – 191 479. 76 % (146 522) чеченцев было сосредоточено в Казахстане, в том числе в Карагандинской области – 26 125, Алма-Атинской – 15 379, Джамбульской – 13 534, Талды-Курганской – 13 316, Восточно-Казахстанской – 12 747, Чимкентской областях – 10 243. В Киргизской ССР находилось 44 517 чеченцев, больше всего во Фрунзенской (22 612), Ошской (13 244), Джелал-Абадской (8650) областях. На спецпоселении в российских регионах находилось 317 чеченцев. В Казахстане было размещено 94 % ингушей (45 906 человек из 48 198): в Акмолинской области – 11 674, Кустанайской – 7 514, Павлодарской – 6906, Кокчетавской – 6 150, Карагандинской – 4737, Алма-Атинской – 3848. Еще 2 102 ингуша находились в Киргизской ССР, в основном во Фрунзенской области – 1812 человек⁴⁰.

Крымских татар на режиме спецпоселения в России находилось 14 969 человек. В основном они располагались в Марийской АССР – 3943, Пермской области – 4501, Свердловской – 1757, Костромской – 1302, Тульской области – 1078. В Казахской ССР находилось 2151 крымский татарин, в Таджикской ССР – 3857, в Киргизской – 987, а основная часть депортированных (95 078) размещалась в Узбекистане: в Ташкентской – 36 970, Самаркандской – 22 357, Ферганской – 12 304, Андижанской – 10 870, Неманганской областях – 6 611⁴¹.

Депортированные месхетинские турки в количестве 115,5 тысяч были рассредоточены по отдельным посёлкам в различных областях Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Значительная их часть была сосредоточена в Узбекистане, прежде всего в Ташкентской, Самаркандской, Сырдарьинской областях и Ферганской долине.

94% (50 525 из 53 328 человек) депортированных калмыков было размещено в России: Алтайском крае – 11 834, Красноярском крае – 11 802, Новосибирской области – 11 223, Тюменской – 6238, Омской области – 6 225. 1223 калмыка в 1956 г. находились на Сахалине. 51% (10 273) балкарцев проживал в Казахстане (в Джамбульской области – 3 240, Алма-Атинской – 1 940, Акмолинской – 1 298, Талды-Курганской – 1283), 49% (9 442) – в Киргизской ССР (Фрунзенской – 3 786, Ошской – 2 752, Иссык-Кульской – 1 759, Джелал-Абадской областях – 1 144). Около 57% (21 313) карачаевцев в 1956 г. находилось в Казахстане (10 720 – в Джамбульской и 10 170 – в Чимкентской области), 43 % (16 256) – в Киргизии (практически все, 16 204 человек, во Фрунзенской области). 338 карачаевцев проживало в Ташкентской области Узбекистана⁴².

Наиболее многочисленные контингенты депортированных располагались в Казахстане. По свидетельству первого секретаря ЦК КП Казахстана П. К. Пономаренко, общее количество спецконтингента, находящегося в Казахстане, составляло 1 010 610 человек – 15 % к общему количеству населения республики⁴³. В 1949 г. из Абхазии в Казахстан было выселено 1 200 семей (5 570 человек) греков⁴⁴.

После смерти И. В. Сталина новое руководство страны попыталось закрепить возникшую и утвердившуюся в результате многолетних насильственных, вынужденных и добровольных этнических переселений национальную структуру советских регионов. Готовящееся в «бериевском» МВД снятие с режима спецпоселения ряда депортированных народов было заблокировано. Инициативы Л. П. Берия по «выдавливанию» русских из западных республик СССР, «коренизации» республиканских (как обычно, эти меры России не должны были коснуться) органов власти, ведущей к захвату власти в союзных (и снова это не касалось РСФСР) республиках национальными кланами-элитами, были осуждены сразу же после его ареста. В места ссылки «народов» были отправлены авторитетные комиссии с целью поиска аргументов для обоснования решения: «оставить все как есть!» Вопрос о целесообразности разрушения системы спецпоселений не стоял, она уже «самоликвидировалась», все постановления о снятии с режима лишь констатировали уже существовавшее положение вещей.

Главный вывод, последовавший после обследования положения спецпоселенцев, заключался в предложении: «Поскольку выселенные народы укоренились в местах ссылки, необходимо оказать им

всемерную помощь на новых местах жительства и не допускать выезда на прежнее местожительство». В справке «О положении населения карачаевской национальности», подготовленной комиссией во главе с инструктором ЦК КПСС В. Иевлевым, отмечено, что из «более 13 тысяч семей» карачаевцев «около 12 тысяч семей имеют свои дома» и «по заявлениям самих карачаевцев многие из них живут лучше, чем до переселения»⁴⁵. Члены комиссии, работавшие в местах ссылки балкарцев, подчеркивали, что «живут балкарцы не хуже, а некоторые лучше, из 6 148 балкарских семей в сельской местности – 4 900 построили себе дома»⁴⁶. Такие же выводы последовали из Казахстана и Киргизии в отношении чеченцев и ингушей, которые «живут не хуже, чем на Северном Кавказе, а из 89,8 тысяч семей 73,3 построили себе дома». Фиксировалось, что «с 1948 г. рождаемость чеченцев стала превышать смертность... в 1953 г. родилось 16,6 тысяч человек, а умерло 6 тысяч человек»⁴⁷. Секретари ЦК компартий Казахстана, Узбекистана, Киргизии сообщали в ЦК КПСС, что «на руководящей хозяйственной, советской и партийной работе находится более двух с половиной тысяч человек из числа переселенцев»⁴⁸.

Однако скрыть стремительно нарастающий процесс разрушения национальной идентичности «наказанных» народов члены комиссий не стремились: карачаевцы «лишены возможности сохранения и развития своей национальной культуры, из 10,5 тысяч детей школьного возраста 9,4 тысячи обучаются в школах на русском, киргизском, казахском языках, свыше тысячи девочек прервали обучение»⁴⁹; «национальная культура не развивается, балкарская молодежь не знает своей письменности и литературного языка»⁵⁰. Не менее удручающим было сообщение о калмыках: «вся молодежь до 20-летнего возраста не знает калмыцкой письменности, и часть детей не владеет родным языком»⁵¹.

Безусловно, предлагаемые меры по спасению национальных культур в местах ссылки вполне могли оказаться действенными, однако они безнадежно опоздали. К примеру, предлагалось «восстановить ингушских писателей в СП СССР и включить их в активную творческую работу по месту их жительства», организовать в Киргизии «для обслуживания ингушского населения ансамбль ингушской песни и танца, издание альманаха на ингушском языке, издание сборника ингушских поэтов и писателей»⁵².

Однако в середине 1950-х гг. процесс несанкционированного выезда с мест ссылки национально выселенных народов приобрел необратимый характер: «наблюдается массовый выезд карачаевцев в места прежнего местожительства»⁵³, к сентябрю 1956 г. «в Дагестан прибыло 518 семей (чеченцев. – А. М.), в Кабардинскую АССР – 700 семей (балкарцев. – А. М.), в районы бывшей Карачаевской области – 173 семьи (карачаевцев. – А. М.), в районы бывшей Калмыцкой республики – около 500 семей (калмыков. – А. М.)»⁵⁴. А «многие че-

ченцы» заявляли, «что они допускают ошибку, приезжая сюда (в Грозненскую область. – А. М.) мелкими группами, ... следует приехать без разрешения сразу всем»⁵⁵. Предложения, поступавшие из союзных республик («многие ЦК компартий союзных республик» высказываются, «что если бы встал вопрос о восстановлении той или другой автономной области, то сделать это следовало бы в пределах указанных республик»⁵⁶) и «краев и областей» («руководители Алтайского края считают, что через один-два года можно сконцентрировать всех калмыков на юге края в 3–4 района, построить 30–40 совхозов и решить вопрос об автономии»⁵⁷).

Таким образом, руководство страны неизменно сталкивалось с неизбежностью массового выезда бывших спецпоселенцев на свою историческую родину. Принятые постановления и законы, восстанавливающие ряд прежних автономий и разрешающие «поэтапно» вернуться некогда насильственно высланным, принципиально уже ничего не меняли. В ряде регионов страны, прежде всего на Северном Кавказе, начинался новый этап радикального изменения национальной структуры проживающего там населения.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 121. Д. 49. Л. 16.
- 2 Там же. Оп. 85. Д. 35. Л. 130.
- 3 Плеханов А. К вопросу о ликвидации националистического подполья на территории Западной Украины // Отечественные спецслужбы в послевоенные годы. 1945–1953 гг. М. ; Великий Новгород, 2002. С. 63. См. также : Санников Г. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М., 2002.
- 4 См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 49, 50.
- 5 О борьбе с вооруженным националистическим подпольем в Эстонии и Латвии в 1940–1950-х гг. см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 166–177 ; № 11. С. 112–123.
- 6 Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. Тарту, 2008. С. 83.
- 7 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 51, 52.
- 8 Там же. Л. 53.
- 9 История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 327.
- 10 Там же. С. 343.
- 11 См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 267–273.
- 12 Там же. Л. 54.
- 13 Там же. Л. 57.
- 14 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 51, 54.
- 15 Там же. Л. 58, 60, 61, 62.
- 16 Там же. Л. 17, 21, 23.
- 17 Там же. Л. 2.
- 18 Там же. Л. 3–6. См., также : Зубкова Е. Ю. «Эстонское дело» 1945–1952 гг. // Мир истории. 2001. № 1.
- 19 См.: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 178.
- 20 Там же. Л. 179, 180.
- 21 Там же. Л. 121. Д. 139. Л. 3.
- 22 Там же. Оп. 85. Д. 35. Л. 130.
- 23 Там же. Л. 40, 41.
- 24 Там же. Д. 80. Л. 4.
- 25 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7654. Оп. 1. Д. 678. Л. 29, 31, 32, 35, 36, 38, 42, 45, 49.
- 26 Там же. Л. 31, 32, 34, 35, 36, 38, 41, 44, 49, 79, 80.
- 27 Там же. Л. 31, 33, 38, 41, 44, 49, 97, 98, 99.
- 28 Там же. Д. 543. Л. 18.
- 29 Там же. Л. 26.
- 30 Там же. Л. 339, 340, 367, 372, 380, 383.
- 31 Некрич А. М. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 33.
- 32 Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 509.
- 33 Там же. С. 511–512.
- 34 См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 58.
- 35 Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 512.
- 36 См.: Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 58.
- 37 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 113.
- 38 Там же. Д. 25. Л. 90–92.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 210–211.
- 44 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 25. Л. 77.
- 45 Там же. Д. 56. Л. 105.
- 46 Там же. Л. 114.
- 47 Там же. Л. 119, 121.
- 48 Там же. Л. 42.
- 49 Там же. Л. 105.
- 50 Там же. Л. 115.
- 51 Там же. Л. 131.
- 52 Там же. Л. 37.
- 53 Там же. Л. 107.
- 54 Там же. Л. 112.
- 55 Там же. Л. 218.
- 56 Там же. Л. 42.
- 57 Там же. Л. 133.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР: специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 410–415. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-410-415.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 904

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. С. Лесная

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: lesnaya.kat@gmail.com

В статье анализируется дискуссия о времени и обстоятельствах основания Херсонеса Таврического на её современном этапе. Представлена краткая характеристика основных гипотез, начиная с 90-х гг XX в. по настоящее время. Обозначены их спорные положения и критические замечания к ним. Автор приходит к выводу, что до сих пор среди исследователей отсутствует единое мнение по ключевым вопросам ранней истории города. Для решения некоторых из них автор предлагает обратиться к изучению и публикации новых археологических материалов.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Гераклея Понтийская, греческая колонизация, политический статус, историография.

The Problem of the Early Tauric Chersonese in Modern Historiography

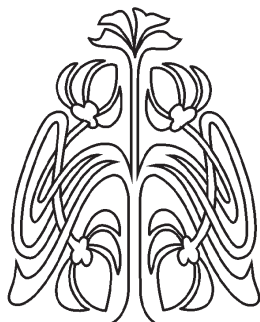
E. S. Lesnaya

The article examines the discussion about the time and circumstances of the foundation of Tauric Chersonese at its present stage. It presents a brief characteristic of the main hypotheses since the 1990s to the present. Their controversial positions and critical remarks to them are denoted. The author concludes that there is no consensus on the key issues of the early history of the city among researchers. The author proposes to apply to the study and publication of the new archaeological materials to address some of them.

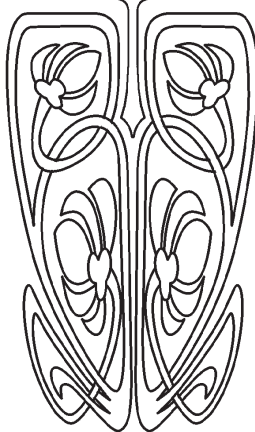
Key words: Tauric Chersonesos, Heraclea Pontica, Greek colonization, political status, historiography.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-416-420

Вопросы, связанные со временем и обстоятельствами основания Херсонеса в Таврике, несмотря на многолетние полевые работы и кабинетные изыскания, в настоящее время во многом остаются дискуссионными. В историографии конца XIX в. на основе анализа литературной традиции и событий греческой политической истории исследователи выдвигали разные версии касательно причин и времени основания города в рамках конца VI – начала IV века¹. Поводом для многочисленных и оригинальных реконструкций послужила скудность письменных и эпиграфических источников². Единственным нарративным источником об основании Херсонеса является пассаж в перипле Псевдо-Скимна, составленном, как полагают исследователи, в последней четверти II в. на основе данных более ранних авторов³. По сообщению Псевдо-Скимна, Херсонес основали гераклеоты совместно с делосцами согласно некоему прорицанию, данному гераклеотам, заселить полуостров вместе с делосцами⁴. Попытку найти и синхронизировать такие события в истории Гераклеи Понтийской и Делоса, в результате которых два полиса смогли бы совместно вывести колонию в Таврику, в конце XIX в. предпринял немецкий исследователь Г. Шнайдервирт. По его мнению, для Гераклеи таким событием послужила экспедиция афинского флота под командованием стратега Ламаха в 423 г., в ходе которой афиняне

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

подвергли разорению хору города. Делосцы же были вынуждены принять участие в колонизации по причине их выселения с острова из-за очищения его Афинами в 422 году⁵. В 30-х гг. XX ст. идея получила поддержку академика А. И. Тюменева, который внёс в неё свои коррективы и дополнения⁶. В результате концепция Шнайдервирта–Тюменева утвердилась в отечественной и зарубежной историографии, а 422/421 г. был признан годом основания Херсонеса Таврического.

Тем не менее из раскопок херсонесского городища известны находки, которые датируются ранее последней четверти V в. до н. э. Сам А. И. Тюменев объяснял их происхождение случайным обменом греков с жителями туземного поселения на месте будущего полиса⁷. Другие исследователи считали этот материал свидетельством существования на мысе у Карантинной бухты ионийской колонии⁸, или фактории⁹, стоянки для кораблей¹⁰, морской станции – эмпория¹¹. Стоит отметить, что непосредственно к самим находкам и их публикациям обращались только В. Д. Блаватский¹², Г. Д. Белов¹³ и А. А. Зедгенидзе¹⁴.

Новый этап в изучении и интерпретации данных по истории раннего Херсонеса начался в 80-х гг. прошлого столетия и связан с деятельностью М. И. Золотарёва и Ю. Г. Виноградова. В серии статей с привлечением широкого круга письменных, эпиграфических и археологических источников они предложили свою концепцию ранней истории города. Авторы выступили с критикой гипотезы Шнайдервирта–Тюменева, однако в своих рассуждениях пошли по тому же пути поиска синхронных событий в истории Гераклеи и Делоса. Только теперь с учётом датировки новых херсонесских находок, наиболее ранние из которых авторы относили к последней четверти VI века до н. э.¹⁵

Важное место в работах М. И. Золотарёва занимало изучение археологического материала. В результате раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1970–80-х гг. исследователем был открыт и зафиксирован ранний наскальный культурный слой с многочисленными находками керамики V века¹⁶. Также были выявлены заглубленные в материк сооружения, которые он трактовал как жилища этапа колонизации¹⁷. Всё это позволило М. И. Золотарёву иначе посмотреть на «предхерсонесский» этап истории городища¹⁸.

В итоге М. И. Золотарёв и Ю. Г. Виноградов предложили удревнить дату основания города до 528 г. Этим временем авторы датируют первое очищение Делоса, предпринятое афинским тираном Писистратом после его последнего прихода к власти. По их мнению, именно оно и послужило причиной вынужденного участия делосцев в колонизационном предприятии Гераклеи¹⁹. Для последней выведение апоксии в Таврику стало результатом внутривосточного конфликта между аристократами и демосом, который начался в Гераклее ещё в 550 г. Окончание этого стасиса

ознаменовалось победой аристократии и повлекло за собой вынужденное изгнание проигравших демократов. Гераклеоты запросили оракул, куда им следует вывести колонию, на что получили ответ, который и известен нам из сообщения Псевдо-Скимна – заселить полуостров вместе с делосцами²⁰.

По мнению этих исследователей, Херсонес был изначально основан как полис, где уже с начала V в. применялся остракизм²¹, а в составе отряда колонистов из Гераклеи присутствовали не только дорийцы, но и значительное число ионийцев, что прослеживается по именам на херсонесских остраконах²².

Предложенная концепция получила не только поддержку в кругу исследователей, но и некоторое дальнейшее развитие в работах И. Е. Сурикова. На основе сообщений древних авторов и событий политической истории Афин И. Е. Суриков уточнил дату начала третьей тирании Писистрата в рамках середины 540-х гг. и её продолжительность в 17–19 лет²³. Аксию очищения Делоса автор считает возможным поместить почти сразу же после прихода тирана к власти²⁴. В это время в Гераклее уже развивался политический конфликт, и Херсонес был выведен практически одновременно с Каллатисом при одинаковых обстоятельствах (в результате поражения одной из сторон), т. е. в 540-е годы. Исследователь подчеркнул, что в нашем распоряжении нет сведений о политическом устройстве обоих выселков в этот период. Однако можно уверенно говорить о присутствии среди колонистов представителей аристократии, о чём свидетельствуют личные имена на остраконах²⁵. Впоследствии эта гипотеза вызвала справедливое замечание Р. В. Стоянова о том, что столь ранняя дата основания Херсонеса не подкрепляется данными археологических источников²⁶.

Критично новая концепция была воспринята С. Ю. Сапрыкиным. В частности, исследователем были высказаны замечания по поводу тезиса о полисном статусе Херсонеса в последней четверти VI в., поскольку в это время ещё не существовали организованная хора и собственная монетная чеканка. Также автор отметил, что вплоть до начала римского периода в Херсонесе политические институты имели исключительно дорийский характер²⁷. В результате С. Ю. Сапрыкин представил своё видение ситуации. С его точки зрения, возникновение ионийского поселения на месте Херсонеса связано с деятельностью ольвиополитов в Западном Крыму в начале V века. Эта активность прослеживается автором по находкам ольвийских монет в Керкинитиде, Херсонесе, Панском I и, как он представляет, была вызвана неблагоприятной социально-политической обстановкой на хоре Ольвии – сокращением её территории из-за усиления скифов. Гераклеоты, прибывшие позднее в Юго-Западный Крым, изгнали ионийцев-ольвиополитов из этого поселения и инициировали реорганизацию территории города²⁸.

Предложенную версию развития событий подвергла критике А. В. Буйских. Разделяя мнение об ионийском характере поселения на мысе у Карантинной бухты, исследовательница выразила несогласие с ольвийским происхождением колонистов. По её мнению, возникновение поселения на месте Херсонеса (так же как и Керкинитиды, Панского I, Калос-Лимена) ни исторически, ни хронологически не связано с ситуацией в Ольвии. Население с потерянной части хоры в конце первой трети V в. могло переселиться в сам город, где в это время осваивается новая территория и возникает предместье²⁹. Кроме того, в Западном Крыму известны находки монет не только Ольвии, но и Истрии, таким образом, влияние Ольвийского полиса на этот район нельзя признать исключительным³⁰.

В рамках изучения политических структур полисов Северного Причерноморья к проблеме истории раннего Херсонеса неоднократно обращалась Н. Б. Чурекова. Она поддержала раннюю дату выведения колонии в Таврику, подчеркивая, что точная датировка – 528/7 г. – сомнительна, и пока можно говорить только в общем о последней четверти VI века³¹. Отрицательно исследовательница решает вопрос об изначальном полисном статусе Херсонеса, аргументируя это отсутствием хоры³², собственной монетной чеканки³³ и надписей, содержащих какие-либо государственные постановления³⁴. К тому же уточнённые датировки херсонесских остраконов не позволяют их относить ко времени ранее последней четверти V века³⁵. Принимая во внимание отсутствие следов торговли между греками и таврами, а также удобное географическое положение Херсонеса на пересечении морских торговых путей, Н. Б. Чурекова пришла к выводу, что первое время колонисты оказывали услуги в предоставлении гаваней проходящим судам³⁶. Политическую независимость от метрополии Херсонес получил только в первой половине V в., что было связано с изменением политической ситуации в Гераклее и Понтийском регионе в целом³⁷.

А. В. Буйских первой выступила с критическим обзором собственно археологического материала, который послужил основой для работ М. И. Золотарёва и Ю. Г. Виноградова³⁸. Исследовательница существенно откорректировала атрибуцию и датировки этих находок, а именно фрагментов амфорной тары, расписной и так называемой «ионийской» керамики. В результате подобной «ревизии» она сделала заключение, что в археологической коллекции Херсонеса отсутствуют фрагменты, которые можно было бы уверенно отнести только к последней четверти VI века³⁹. В дальнейшем А. В. Буйских было предложено своё решение проблемы истории раннего Херсонеса: постоянное, так называемое «предхерсонесское»⁴⁰ поселение на мысе у Карантинной бухты возникло в первой половине V в. и являлось урбанистической структурой, что

маркируется наличием городской оборонительной стены, организованного городского некрополя, а также жилыми и хозяйственными сооружениями, представленными заглублёнными в скалу структурами и ямами. Это поселение, по мнению исследовательницы, было эмпорием⁴¹, который следует пока считать анонимным, ионийским по происхождению и предшествующим выведению во второй четверти – середине IV в. гераклеийской колонии Херсонеса Таврического⁴².

Практически в это же время в дискуссию о времени и причинах основания Херсонеса вступил Р. В. Стоянов. Им были высказаны замечания и в адрес теории Шнайдервирта–Тюменева и концепции Виноградова–Золотарёва⁴³. Исследователь также уделил значительное внимание разбору археологических источников, привлечённых к работе М. И. Золотарёвым⁴⁴, и пришёл к выводу, близкому с мнением А. В. Буйских, о начале формирования массовой археологической коллекции на городище в пределах первой половины V века⁴⁵. Для уточнения датировки Р. В. Стоянов обратился к материалам из нескольких погребальных комплексов некрополя, наиболее ранние из которых он отнёс ко второй четверти этого столетия. Он отметил, что все погребения были детскими, т. е. они совершены в первые годы жизни колонистов на новом месте, когда наиболее высокий процент смертности был среди новорожденных и младенцев⁴⁶. По мнению исследователя, вопрос о политическом статусе Херсонеса во второй-третьей четвертях V в. пока остаётся открытым, поскольку и начало чеканки монеты, и появление известных сейчас строительных остатков датируется последней четвертью этого столетия. Причины развития колонии в это время Р. В. Стоянов видит в росте экономической активности Гераклеи и участии Херсонеса в общепонтийской торговле⁴⁷.

Чуть позднее в защиту основных положений концепции Виноградова–Золотарёва выступил И. Е. Суриков. В частности, нарекая исследователя вызвали методы, использованные А. В. Буйских и Р. В. Стояновым, а именно завышенная датировка археологических находок в рамках так называемой хронологической «вилки»⁴⁸; привлечение в качестве маркеров не-полисного статуса Херсонеса таких явлений, как отсутствие собственной монетной чеканки, организованной хоры и политических институтов. Подобный подход исследователь назвал «ультраархеологическим» и высказал замечание, что отсутствие следов события в археологическом материале не должно служить доказательством отсутствия самого события⁴⁹. Кроме того, И. Е. Суриков отметил, что новые гипотезы никак не объясняют участие делосцев в колонизации Херсонеса, ведь как раз в первой половине V в. в истории Делоса нам неизвестны события, которые могли бы вызвать отток части населения с острова⁵⁰. В итоге автор не принял тезис об анонимном поселении-эмпории на месте будущей гераклеийской колонии, а исходя

из общиисторических соображений продолжает настаивать на дате основания Херсонеса-полиса во второй половине VI века⁵¹.

Таким образом, в настоящее время проблема истории раннего периода жизни Херсонеса Таврического ещё далека от стадии разрешения. Не существует пока единого мнения относительно времени и причин выведения колонии, остро дискутируется положение о её полисном статусе в V в., остаётся открытым вопрос о датировках и интерпретации херсонесских остраконов. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, археологическая коллекция находок этого времени с территории городища нуждается в тщательном изучении, публикации и сравнении с коллекциями из других синхронных памятников Северного Причерноморья. Представляется, что введение в научный оборот новых и пересмотр атрибуции уже известных материалов позволит прояснить спорные моменты и нюансы ранней истории Херсонесского городища.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II веков до н.э. из собраний музеев Крыма».

Примечания

- 1 Здесь и далее все даты указаны до н. э.
- 2 Разбор историографии вопроса этого периода полно представлен в работах : Тюменев А. И. Херсонесские этюды. 1. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–249 ; Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 92–93.
- 3 См.: Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Указ. соч. С. 91, 97, примеч. 33.
- 4 См.: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе : в 2 т. Т. 1. СПб., 1890. С. 88–89.
- 5 См.: Schneiderwirt J. H. Das pontische Heraclea. Bericht über das Schuljar 1881–1882 königlichen kath. Gymnasiums zu Heiligenstadt, 1882. S. 15 f.
- 6 См.: Тюменев А. И. Указ. соч. С. 251–258.
- 7 Там же. С. 261–262 ; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // ПИСПАЭ. 1959. С. 69 ; Г. Д. Белов также некоторое время разделял эту точку зрения, см. напр.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 31–33.
- 8 См.: Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 63 ; Латин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 82–83.
- 9 См.: Жебелёв С. А. Возникновение Херсонеса Таврического // ДАН. Серия В. 1930. № 9. С. 77 ; Белов Г. Д. Керамика конца V–IV вв. до н.э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 23.
- 10 См.: Блаватский В. Д. [Рец.]. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический // ВДИ. 1949. № 3. С. 146 ; Зедгендзе А. А. К вопросу о причинах основания Херсонеса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 30 ; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н.э. М., 1986. С. 58–59.
- 11 См.: Гриневич К. Э. Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических открытий // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59). С. 91 ; Гайдукевич В. Ф. [Рец.]. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический // ВДИ. 1949. № 3. С. 141–142.
- 12 См.: Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 146, примеч. 1.
- 13 См.: Белов Г. Д. Керамика конца V–IV вв. до н. э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 112–122.
- 14 См.: Зедгендзе А. А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 69–78.
- 15 См.: Золотарёв М. И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. 98 с. ; Zolotarev M. A Boeotian Lekanis from Chersonesus // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol. 1(1), may. 1994. P. 112–117 ; Он же. К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местное население Причерноморья : материалы междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 1995. С. 100–106 ; Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 36–46.
- 16 См.: Золотарёв М. И. К хронологии древнейшего Херсонеса... С. 101–106 ; Он же. Херсонес Таврический : основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 14–15.
- 17 См.: Золотарёв М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 26–35. Он же. Херсонес Таврический : основание... // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 16–17.
- 18 См.: Ушаков С. В. Процесс становления концепции основания и ранней истории Херсонеса Таврического (на примере исследований экспедиции М. И. Золотарева) // Наукові студії : Збірник наукових праць / Історико-краєзнавчий музей м. Винники. Львів-Вінники, 2013. Вып. 6. С. 214–238.
- 19 См.: Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Херсонес изначальный... С. 118–119.
- 20 Там же. С. 123–124.
- 21 Там же. С. 106–114 ; Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Год рождения Херсонеса... С. 36–37 ; Золотарёв М. И. Херсонес Таврический : основание... // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 15.
- 22 См.: Vinogradov Ju. G. La Chersonese de la fin de l'archaïsme // Pontische Studien. Mainz, 1997. P. 408 ; Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Год рождения Херсонеса... С. 43.
- 23 См.: Суриков И. Е. О некоторых факторах колониальной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 74.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 См.: Стоянов Р. В. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. С. 127, примеч. 13.

- ²⁷ См.: Saprykin S. Y. The Foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historia-Einzelschriften. Ht. 121. Stuttgart, 1998. P. 35.
- ²⁸ Там же. P. 237.
- ²⁹ Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. С. 38.
- ³⁰ Там же. С. 39.
- ³¹ Чурекова Н. Б. У истоков херсонесского полиса (последняя треть VI – начало IV вв. до н. э.) // Материалы VI Международной конференции в честь академиков АН БССР Н. М. Никольского и В. Н. Перцева (7–9 апр. 2005 г., Минск) / ред. В. А. Федосик, И. О. Евтухов. Минск, 2005. С. 59; Она же. К вопросу о времени основания Херсонеса Таврического // Новый век. История глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 3. С. 53.
- ³² См.: Чурекова Н. Б. К вопросу о времени основания... С. 52; Она же. Гераклея и Херсонес: к проблеме взаимоотношений метрополии и колонии // АМА. 2010. Вып. 14. С. 339.
- ³³ В данном случае Н. Б. Чурекова ссылается на: Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16. С. 242; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 134–135; Альтернативные датировки см.: Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н. э. Севастополь, 1997. С. 12; Коваленко С. А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Т. XVI. С. 111–114.
- ³⁴ См.: Чурекова Н. Б. Гераклея и Херсонес: к проблеме взаимоотношений... С. 340.
- ³⁵ См.: Чурекова Н. Б. К вопросу о времени основания... С. 52. Здесь автор опирается на датировки, предложенные В. П. Яйленко. См.: Яйленко В. П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья. К выходу книги: Ju. G. Vinogradov. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997. 703 s. 40 taf. // РА. 2000. № 3. С. 181–192. Иную точку зрения см.: Тохтасьев С. Р. К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. № 2. С. 110–125.
- ³⁶ См.: Чурекова Н. Б. К вопросу о времени основания... С. 53.
- ³⁷ См.: Чурекова Н. Б. Модель взаимоотношений метрополии и колонии: Гераклея и Херсонес // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: сборник материалов XII Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2007. С. 69; Она же. Гераклея и Херсонес... С. 340.
- ³⁸ См.: Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263–277; Буйских А. В. До питания про час заснування Херсонеса Таврійсько-го // Археологія. 2006. № 3. С. 35–44.
- ³⁹ См.: Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э. ... С. 274.
- ⁴⁰ А. В. Буйских отметила, что термин «предхерсонесское поселение» был впервые предложен М. И. Золотарёвым в тексте отчета о раскопках в Херсонесе за 1988 г. См.: Золотарёв М. И. Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Научный архив ФГБУК ИАМЗ «Херсонес Таврический». Дело № 2845. Л. 11.
- ⁴¹ См.: Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса... С. 43.
- ⁴² Там же. С. 35–61.
- ⁴³ См.: Стоянов Р. В. Указ. соч. С. 128, 134, 139.
- ⁴⁴ Там же. С. 133–139.
- ⁴⁵ Там же. С. 140.
- ⁴⁶ Там же. С. 142.
- ⁴⁷ Там же. С. 143.
- ⁴⁸ Суриков И. Е. «Херсонес изначальный» или «Предхерсонесское поселение»? (Заметки на полях книги: Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) // Studia Historica. 2009. Вып. IX. С. 188, 196.
- ⁴⁹ Там же. С. 189, 191–193, 195.
- ⁵⁰ Там же. С. 199.
- ⁵¹ Там же. С. 201. Здесь стоит отметить, что замечания, высказанные И. Е. Суриковым о подходе А. В. Буйских и Р. В. Стоянова, были поддержаны В. М. Зубарем. См.: Зубарь В. М. Ещё раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 63–84.

Список сокращений

- АМА – Античный мир и археология.
БИ – Боспорские исследования.
ВДИ – Вестник древней истории.
ДАН – Доклады Академии наук.
ИТОИАЭ – Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии.
КСИА – Краткие сообщения института археологии.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика.
ПИСАЭ – Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры.
РА – Российская археология.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ХСБ – Херсонесский Сборник.

Образец для цитирования:

Лесная Е. С. Ранняя история Херсонеса Таврического в современной историографии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 416–420. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-416-420.

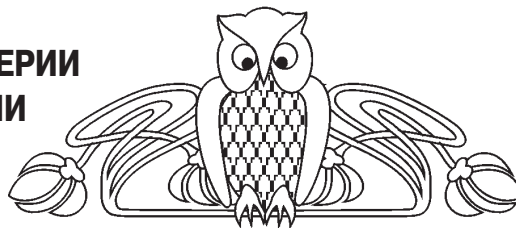

УДК 94(368)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СЕВЕРНОЙ ИМПЕРИИ КНУТА ВЕЛИКОГО: ЗАВОЕВАНИЕ НОРВЕГИИ

С. А. Поляков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru

В статье анализируются взаимоотношения между Данией и Норвегией в X–XI вв. В качестве источника используются саги, например «Круг Земной», а также хроники. Основное внимание уделено завоеванию Норвегии во времена правления Кнута Великого (1016–1035) и включение этой страны в состав его империи. Определяются причины, по которым захват данного региона прошёл успешно, а также дальнейшие действия короля по освоению этой земли.

Ключевые слова: Кнут Великий, Норвегия, завоевание, бонды, Олав Святой.

An Episode from the History of the Northern Empire of Canute the Great: the Conquest of Norway

S. A. Poliakov

The article analyzes the relationship between Denmark and Norway in the X–XI centuries. The sagas are used as sources, for example, “the Earth’s circle” and chronicles as well. The attention is paid mostly to the conquest of Norway during the reign of Canute the Great (1016–1035) and the inclusion of this country in his empire. The reasons for the success of this conquest are defined, as well as the further actions of the king concerning the development of this land.

Key words: Canute the Great, Norway, conquest, bondi, Olaf the Saint.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-421-424

В первой половине XI в. в Северной Европе была предпринята попытка создания обширного государства, включавшего в себя различные территории, располагавшиеся на огромном пространстве. Северная империя создавалась датским королём Кнудом, вошедшим в историю под прозвищем Великий. Его обширная держава просуществовала значительное время, с 1016 по 1035 г., и представляла собой силу, с которой приходилось считаться всем государям тогдашней Европы.

Формирование Империи было долгим и трудным, а спустя несколько лет после смерти правителя единство Севера было разрушено и в прежнем виде уже не было восстановлено никогда.

Ни одна из стран, вошедших в состав державы Кнута Великого, не была подчинена легко и бескровно. Но самым «крепким орешком» оказалась Норвегия. Фактически в течение всего своего правления датский король пытался завоевать, а затем удержать эту суровую землю. Этому сюжету и посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что источников по этой теме немного. Археологические и нумизматиче-

ские свидетельства редки, а данные письменных источников крайне скупы (например, сообщения различных версий Англосаксонской хроники). Поэтому многие обстоятельства узнать просто невозможно.

Связи между Данией и Норвегией были связаны ещё при предшественниках Кнута. Южная Норвегия, в районе Осло-фьорда, фактически находилась под контролем датских королей. При Харальде Синезубом эти земли, возможно, считались датской территорией. Они управлялись ярлами из области Хладир, самым могущественным из которых был Хакон Могучий.

Хакон, поддерживаемый данами, сверг законного конунга Харальда Серую Шкуру, после чего правил от имени датского короля, с 970 по 995 г. За это время отношения двух скандинавских правителей ухудшились, Норвегия стала фактически независимой. Причиной стал отказ норвежца принять христианство. За дерзкое непослушание Харальд Синезубый вторгся в Норвегию и жёг там хутора.

Состояние вражды продолжалось вплоть до смерти датского правителя, смещённого с престола собственным сыном Свейном. Сразу после этого, в 986 г., на Норвегию обрушилось масштабное нападение йомсвикингов – полулегендарных воинов, организованных в братство со строгой регламентацией жизни и военного дела. Как свидетельствует материал саг, главным зачинщиком и подстрекателем нападения был датский король (по одному из источников Харальд Синезубый, собственно, и основал крепость Йомсборг)¹.

Нашествие закончилось сокрушительным разгромом йомсов и ещё большим утверждением Хакона. Однако ситуация изменилась, когда в 995 г. викинг Олав Трюгвасон сверг Хакона, который был убит собственным рабом. Ярлы Хладира были вынуждены скрываться, и убежище предоставил им Свейн Вилобородый. После 5 лет правления Трюгвасон погиб в битве при Свольде (1000 г.). Ярл Эйрик, сын Хакона, стал правителем Норвегии (1000–1014 гг.), которая снова вошла в зону влияния Дании. В битве при Свольде датчанам и Эйрику помогал король Швеции Шётконунг, что может свидетельствовать о союзных отношениях датского и шведского правителей².

Однако политические союзы часто бывают недолговечными, и вскоре был образован союз

Швеции и Норвегии. Для шведского короля было важно сохранить мир с новым норвежским королём, Олавом Харальдссоном (Толстым, будущим Святым), который был к тому же родственником убитого Трюггвасона. Норвегия объединилась под его властью и представляла большую угрозу, чем датский король, занятый вопросами укрепления своей власти в Англии. Для укрепления мира и добрососедских отношений был заключён брак между дочерью Шётконунга Астрид и самим Олавом Толстым в 1019 г. (вместо предполагавшегося брака на другой дочери, Ингигерд, вышедшей замуж за Ярослава Мудрого)³.

Показателен тот факт, что Кнут отсылает в этот момент сыновей Этельреда II в Швецию, приказывая шведскому королю убить их по прибытии. Однако Олав демонстративно отказывается подчиняться и отправляет Эдмунда и Эдуарда в Венгрию.

Вскоре после этого, в 1022 г., Олав умирает. Его наследник, Анунд Якоб, совместно с Олавом Толстым начинает проводить открыто враждебную политику по отношению к Северной империи. В 1026 г. они вторглись на датскую территорию. Главное сражение произошло 2 августа на Святой Реке, Хельге / Хэльге, которая находится, по-видимому, на юге Швеции, в Сконе. Правда, по вопросу о месте битвы продолжают споры, так как некоторые историки локализуют её гораздо севернее, в Уппланде.

Помимо этого решающего сражения, которое закончилось разгромом Кнута, нам также известна битва у местечка Стонгеберг, неподалёку от реки Хельге. Её исход нам не известен, но в любом случае на ход войны она сколько-нибудь существенно не повлияла.

Война закончилась поражением Кнута. Сохранившиеся стихи скальдов ничего не говорят о победе, лишь о его участии в войне, отваге и великодушии к своим воинам. Англосаксонская хроника прямо говорит о его поражении (ошибочно датирруя события 1025 годом)⁴.

Хотя противники Кнута торжествовали победу, она потребовала от них крайнего напряжения сил. Шведы находились относительно близко от родных очагов, поэтому без особых затруднений добрались до своих земель. На долю норвежцев выпала более тяжёлая участь. Вернувшись в Данию, Кнут приказал блокировать все проливы, что поставило войско Олава Толстого в отчаянное положение. Не имея других вариантов, норвежцы покинули свои суда и отправились по суше в дальний путь из южной Швеции в район Осло-фьорда.

Так как битва произошла во второй половине лета, есть веские основания предполагать, что этот длительный и трудный переход был совершён зимой. Кроме того, сам по себе этот регион трудно проходим из-за обилия лесов (в то время) и гористой местности на шведско-норвежской границе⁵. Переход сопровождался большими потерями. Здесь напрашиваются, на наш взгляд,

анalogии с катастрофой более позднего времени – походом шведской армии в Норвегию во время Северной войны и её отступлением после гибели Карла XII. Пытаясь направить армию на направление, далёкое от основных театров военных действий, шведский король атаковал Норвегию, в районе Осло. Большая часть армии погибла тогда от лишений и холода, причём маршрут отчасти совпадал с тем путём, что проделали норвежцы 700 лет назад.

Хотя противники Кнута понесли определённые потери, ситуация складывалась не в его пользу. Гегемония его империи на Севере была поставлена под вопрос, изначальное ядро его владений, Дания, оказывалась под угрозой нападения соседей.

Следует отметить, что вести борьбу с Норвегией было значительно труднее, чем строить отношения со Швецией. Норвегия была политически более организованной, процесс централизации государства был в основном завершён в правление Олава Харальдссона, утвердившего по всей стране христианство.

Ярл Эйрик был изгнан из страны и скрывался в Англии. Чтобы бороться с Олавом, нужно было найти союзников. Можно было, в частности привлечь на свою сторону недовольных властью Харальда и пострадавших во время его правления могучих бондов.

Источники сохранили прямые свидетельства о том, что Кнут отправил много золота и серебра знатым норвежцам, убеждая их перейти на его сторону и подчиниться его власти. Сотрудничество с бондами Кнут начал, по-видимому, накануне битвы при Хельге, когда стала ясна стратегия борьбы со скандинавскими противниками.

Это подтверждается сообщениями источников о норвежских бондах. Например, человек по имени Эрлинг Скъялгссон, бывший у Олава Святого в опале, вернулся в Норвегию непосредственно перед изгнанием короля Олава из страны. Среди представителей знати, перешедших на сторону Кнута, известны также Кальф Арнасон, Торир Собака, Аслак из Фитьяра, Харек из Тьётты и другие⁶. Часть из них присутствует в скандинавской исторической традиции, часть встречается только в связи с данными событиями (Эрленд из Герды).

При более пристальном изучении выясняется, что значительная часть перебежчиков имела связи с областью Хладир, откуда происходил ярл Хакон, свергнутый в своё время Трюггвасоном. Они были связаны родственными связями через своих жён или дочерей, происходивших из этой области Норвегии. Таким образом, перед нами предстают бонды, тесно связанные друг с другом семейными связями, к тому же состоявшие в родстве с правителями Норвегии. Это очень могущественные люди, имеющие достаточно сил, чтобы противостоять королю. Однако не все предали Олава. Например, Финн Арнасон остался одним из самых его стойких и преданных соратников.

Что могло побудить этих людей, помимо подачек Кнута, предать короля? Многие из них пострадали от его правосудия и были вынуждены бежать из Норвегии. Кто-то открыто сражался против Олава в период укрепления его власти. Таким был, например, Эйнар Тамбарскельфир (Брюхотряс), могучий ярл из Хладира, который сражался против Олава, когда тот утверждал свою власть в стране. После установления королевской власти Эйнар бежал в Швецию, однако спустя некоторое время признал Олава и вернулся на родину. Он был лишён своей былой власти и влияния, поэтому охотно вступил в соглашение с Кнутом. Сходной была судьба Харека из Тьётты.

Изгнанные либо ущемлённые в своих правах бонды были крайне недовольны Олавом Святым. Они никогда не были его союзниками, даже если заключали договор с ним. Утратив власть в своих землях, они ждали благоприятного момента, чтобы ударить по позициям короля. Кнут предоставил им такую возможность.

Отметим, что бонды, составившие заговор против короля, были сами по себе людьми могущественными. Спустя столетия после описываемых событий о них сохранилась информация в сагах и произведениях скальдов, причём она не противоречива и дополняет общую картину. Фактически, с последней четверти X в. шла борьба между королевской династией и ярлами одного из регионов за власть в Норвегии. Восстание против Олава Святого продолжает историю этих давних междоусобиц.

Но какой бы ни была поддержка Кнута в самой Норвегии, без своей собственной армии о каком-либо его противостоянии с Олавом не могло быть и речи. Поэтому король готовился к войне с большой тщательностью. Им было снаряжено 50 кораблей, которые отправились из Англии в Норвегию в 1028 г.⁷ Какое-то время они находились в Лим-фьорде (в Ютландии), ожидая подкреплений.

Судя по отсутствию во всех источниках данных о кровопролитии и больших битвах, норвежская кампания в целом была проведена малыми силами, войска Кнута понесли небольшие потери. Именно к этому времени относится вручение в дар обширных земель в Норвегии одному из заговорщиков, Кальфу Арнасону.

Ещё до того, как была одержана победа, Кнут задумался об управлении новой территорией, в частности, выбрал наместника в Норвегии. Им стал Хакон Эйрикссон, внук ярла Хакона и единственный законный наследник этого рода. В Англии он был эрлом Мерсии, но как только началось наступление датского флота, оставил свои владения и отправился в Норвегию. Сохранилось произведение скальда Сигвата Тордарсона, в котором освещается давняя вражда между родом Хакона Эйриксона и Олавом Святым⁸. При этом Олав жаждет власти и идёт на все средства ради её захвата, а Хакон представляется примирителем

двух враждующих сторон: норвежского короля и бондов. Тем самым подчёркивается, что он, будучи представителем могущественного рода, способен принести мир на норвежскую землю.

Завоевание произошло быстро. Олав не смог противопоставить датским силам боеспособной армии. Он бежал в Швецию, а оттуда – в Новгород. В произведениях скальдов до нас дошли смутные известия о ситуации, сложившейся после завоевания Кнута и распространении его власти в Норвегии. Там говорится, что Кнут подмял Норвегию под себя, буквально «лёг на неё». Подобные произведения встречались при описании правления ярла Хакона, что, возможно, лишнее раз подчёркивало сходство или даже преемственность этих двух правителей. Саги более позднего времени также содержали сходные мотивы, что может говорить о популярности саг о Кнутае.

Между родами Хакона и Кнута существовала и династическая связь: ярл Эйрик был женат на сестре Кнута, а его сын Хакон женился на некоей Гуннхильд, которая судя по всему была племянницей короля.

Правление Хакона продолжалось недолго, возможно, всего несколько месяцев: уже в 1029 г. он погиб. Непрочность власти Кнута в Норвегии дала надежду Олаву Толстому на возвращение в страну и на королевский престол. В 1030 г. он вторгся в Норвегию при поддержке верных ему людей, но в битве при Стикластадире погиб.

Гибель главного соперника облегчила положение Кнута, но не очень существенно. Дело в том, что со смертью законного правителя Хакона (через его деда-тёзку) был утрачен легитимный представитель власти, на которого можно было опереться. При этом Хакон был последним законным представителем рода по мужской линии. Теперь власть в Норвегии обеспечивалась только правом сильного, правом завоевания. Формирование единого королевства началось здесь относительно недавно, и региональные элиты сохраняли немалую силу. Более того, Кнут был связан семейными узами с династией ярлов Хладира и опирался на них, но в Норвегии были и другие хёвдинги (знать), связанные с ними родством, и использовали этот факт для усиления своих позиций.

Например, Эйнар Брюхотряс был женат на дочери ярла Хакона Могучего (деда Хакона Эйриксона). Он вернулся в Норвегию после смерти Олава Святого, по-видимому, чтобы отстаивать свои права на власть. Однако Кнут быстро нашёл с ним контакт и дарами предотвратил возможный конфликт. Помимо даров Эйнар обрёл значительное влияние и был объявлен вторым человеком после Хакона ярла⁹. Ещё одним претендентом на норвежский трон был Кальф Арнасон. Он был женат на дочери ярла Свейна Хаконарсона (дяди Хакона Эйриксона). Его намерения по поводу захвата власти были очень серьёзны, так что Кнута Великому пришлось ещё до гибели Олава дого-

вариваться с ним с помощью даров и обширных земельных пожалований¹⁰.

Важнейшим решением стало назначение регентом Норвегии сына Кнута Свена, которому к тому времени (1029) было около 16 лет. По этой причине вся власть сосредоточилась у матери Свена, первой жены Кнута Эльфгифы. Также, по всей видимости, с ними были последователи Кнута из Дании, помогавшие осуществлять власть в стране. Кроме того, по всей видимости, король провёл большую часть периода с 1026 по 1031 г. не в Англии, а за её пределами, в том числе в Скандинавии.

В своих произведениях скальды пытались доказать преемственность власти Свена. Причём её выводили даже не от ярлов Хладира, а от собственно Олава Святого, культ которого набирал популярность. Получалось, что Олав практически одобряет правление нового правителя. Свен предстаёт в образе мудрого и щедрого правителя, и никак не завоевателя. Его резиденция находится в Трондхейме, так же, как и Олав Толстого, который до сих пор незримо присутствует там. В описаниях двух правителей используются одни и те же эпитеты и выражения.

Утверждая свою власть в Норвегии, Кнут опирался и на христианскую церковь. Интересно, что во время борьбы с Олавом он точно так же опирался на язычников для укрепления своих позиций. Епископ Гримкель, получивший свою должность при Олаве, покинул страну после бегства норвежского правителя. Кнут поставил нового епископа, Сигурда, который помогал укреплять власть Хакона¹¹. Однако после гибели Олава прежний епископ Гримкель вернулся в Трёнделаг, где развернул активную деятельность по распространению культа прежнего короля.

Правление Свейна и его матери оставило в народе тяжёлую память. Голод, поедание коры, травы и прочие ужасы запомнились норвежцам. Во времена владычества Кнута в Норвегии были изданы различные, часто очень суровые законы и вводились тяжёлые поборы, что стало одной из причин изгнания сына Кнута в 1034 г.

Попытки централизации Норвегии, усиление верховной власти, проблемы с продовольствием вызывали недовольство. Однако если судить по количеству средств, затраченных Кнутом на завоевание Норвегии и укрепление там своих позиций, он не собирался превращать страну в «дойную

корову»¹². Возможно, он надеялся превратить Норвегию в одну из главных опор своей власти в Скандинавии.

После потери Норвегии Кнут стал готовиться к новым походам, но этому не суждено было сбыться: он умер в 1035 г. Его сын Свен прожил недолго и умер в 1036 г. Эльфгифа направилась в Англию, где включилась в политическую борьбу. Её вторым сыном был Гарольд, занявший в итоге английский престол (1035–1040). Королева Эмма, мать другого сына Кнута, Хардакнута, потеряла своё влияние. После вознесения на вершины власти Эльфгифа после 1036 г. её имя исчезает со страниц источников.

Норвегия была самым трудным из завоеваний Кнута, и в итоге его власть продержалась там недолго. Тем не менее, нельзя не признать, что Кнут пытался проводить гибкую и осмотрительную политику, опираясь на могучий род бывших правителей страны и привлекая на свою сторону влиятельных бондов, противников Олава Святого.

Примечания

- 1 См.: Сага о йомсвикингах. XXVI. URL: <http://norse.ulver.com/src/konung/jomsvik/ru.html> (дата обращения: 25.04.2016).
- 2 См.: Bolton T. The empire of Cnut the Great : conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early eleventh century. Leiden, 2009. P. 242.
- 3 См.: Теодорих Монах. История о древних норвежских королях. XVI / пер. и примеч. С. Ю. Агишева // Агишев С. Ю. Теодорих Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
- 4 См.: Англосаксонская хроника. Г. 1025 / пер. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010.
- 5 См.: Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. IV, 7 / пер. Л. В. Разумовской // Славянские хроники. М., 2011. С. 101.
- 6 См.: Bolton T. Op. cit. P. 253.
- 7 См.: Хроника. Г. 1028.
- 8 См.: Круг Земной. Сага об Олаве Святом. CXLVI. URL: <http://norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/olaf-helg/ru.html> (дата обращения: 25.04.2016).
- 9 Там же. CLXXI.
- 10 Там же. CLXXXIII.
- 11 Там же. CCXLIII.
- 12 Bolton T. Op. cit. P. 288.

Образец для цитирования:

Поляков С. А. Из истории создания Северной империи Кнута Великого: завоевание Норвегии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 421–424. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-421-424.

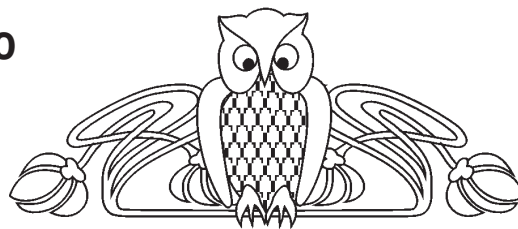

УДК 94 (450) «14»

ЛЕОНАРДО БРУНИ, ЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ГУМАНИЗМА И ГРЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю. А.
E-mail: iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются основные проблемы гуманистической этики гражданского гуманизма. Автор анализирует понимание проблемы счастья и предназначения человека в этике Л. Бруни и подчеркивает важность переводов греческих текстов Аристотеля для понимания проблем новой этики.

Ключевые слова: благо, счастье, этика, активная жизнь, философские школы античности, гражданственность.

Leonardo Bruni, the Ethics of Civic Humanism and Greek Heritage

I. Ya. Elfond

The paper deals with the problem of forming new trends in humanistic ethics such as civic humanism. The author attempts to analyze the comprehension of the problem of happiness; human destination in the ethics of Leonardo Bruni and stresses the importance of translations of Greek texts of Aristotle for the understanding of the problems of new ethics.

Key words: benefit, happiness; ethics, active life, ancient philosophical schools, civic consciousness.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-425-432

Гражданский гуманизм как особый идейный феномен Ренессанса возникал в переходный период истории Флорентийской республики. Еще не завершилась политическая борьба внутри итальянских коммун, сохранялась постоянная напряженность внешнеполитической ситуации, назревали все новые социальные противоречия; наконец, флорентийская демократия совершала сложный переход через олигархию к тирании Медичи; все это создавало противоречивый многообразный комплекс социально-политических столкновений и конфликтов. На рубеже XIV–XV вв. обстановка во Флоренции обострилась в еще большей степени в результате усилившейся борьбы за власть между различными группировками правящего в республике слоя и жестокой борьбы с герцогом Милана Джан-Галеаццо. Подобная историческая ситуация определила возникновение новых тенденций в гуманизме, которые наиболее ярко проявились в гражданском гуманизме. Практически все его идеи нашли свое выражение в творчестве Л. Бруни. Республиканский идеал свободы и равенства, апология гражданственности и патриотизма на долгое время стали политическим оружием в руках гуманистов.

Л. Бруни (1370–1444) занимает особое место среди гуманистов первой половины XV в.

Он не относился к величайшим фигурам эпохи Ренессанса, но именно ему принадлежала честь создания новой европейской исторической науки, именно он сформулировал концепцию гражданского гуманизма в сфере политической мысли, этики и даже педагогики. Во всех многообразных сферах своей деятельности он выступал, прежде всего, как преданный гражданин Флорентийской республики (хотя это звание он получил позднее – как признание его заслуг перед коммуной), республиканец и демократ.

Бруни считается признанным главой гуманистов первой половины XV в., его творчество привлекало внимание многих исследователей с прошлого века, в последние десятилетия ему стали уделять внимание многие отечественные историки¹.

По преимуществу (и это вполне естественно) анализу подверглись его политические и исторические воззрения, однако гражданственная этика, создателем которой он стал, неразрывно связана с его историко-политическими взглядами. Бруни поистине изменил ее направленность, в трактовке этических проблем гуманист шел от позиции гражданственности: «личной добродетели оказывается недостаточно, в общественной сфере предоставляются возможности для добродетели и счастья, которые не обеспечивает сфера частной жизни»². К тому же Бруни поставил ряд проблем – блага и счастья, соотношения созерцательной и активной жизни и учение о добродетелях. В решении их он не только отказался от достижений своих предшественников, но и внес новые оценки их наследия. Его этика гражданского гуманизма, и в особенности трактовка одной из центральных проблем науки о морали – проблема блага и счастья, знаменовали новый этап развития этики Возрождения.

При решении проблемы блага и счастья, как и прочих проблем этики, Бруни обращается к доступному ему философскому багажу и социальному опыту, то есть все его построения опираются, с одной стороны, на сочинения античных классиков, а с другой, на социально-политический опыт развития флорентийской коммунальной демократии. При анализе его взглядов на проблему блага и счастья можно заметить, что гуманист при доказательстве и аргументации своих этических положений обычно апеллировал к античному на-

следию, его сочинения не только опираются на сочинения античных философов, но и пронизаны античными реминисценциями и аналогиями.

Активнейшее обращение гуманиста к античному философскому наследию нашло свое выражение в трех направлениях его деятельности. Бруни был одним из первых, кто обратился к изучению греческих текстов в оригинале и глубоко их осмыслил. Позднее он осуществил многочисленные переводы и, наконец, обратился к непосредственной пропаганде и популяризации древнегреческой философии и прежде всего этики.

Вероятно, само изучение греческого языка первоначально было вызвано глубокой внутренней потребностью изучить тексты в оригинале во избежание их искажений, как это было в средневековых переводах Аристотеля. Об этом он писал уже в ранних своих произведениях, в частности, в «Диалогах к Петру Павлу Гистрию», с большим неудовольствием отмечая, что «книги Аристотеля претерпели большие изменения, они непонятны при чтении, бессмысленны и запутаны с такой старательностью, что их не поймет никто, кроме Сивиллы или Эдипа»³.

Едва ли можно согласиться с недавно предложенной трактовкой его переводческой деятельности как только возмущением дурными переводами сочинений Аристотеля и Платона, чем автор и объясняет создание трактата «О правильном переводе»⁴. Во-первых, неприятие старых переводов можно заметить, как показано выше, уже в первых трудах гуманиста, во-вторых, гневная оценка касалась *средневековых* переводов, то есть различия были принципиальными. Бруни относился к наследию античности уже иначе.

Именно в силу этого, поставив своей задачей сделать сочинения греческих мыслителей доступными для современников, Бруни предпринимает грандиозные по своим масштабам переводы греческой философской классики. Со второго десятилетия XV в. он переводит на латынь произведения Аристотеля и Платона, а также многих других деятелей античной культуры вплоть до письма Василия Великого (посвященного, кстати, также принципам и задачам перевода). Он перевел на латынь книги Плутарха, речи Демосфена и Эсхина, ряд других сочинений, выступая в роли активнейшего пропагандиста греческой философии, языка и литературы. «Гуманистическая грекомания»⁵, начатая деятельностью М. Хрисолора и нашедшая завершение в творчестве Г. Бюде, в XV в. в огромной степени своей популярностью была обязана Л. Бруни. Можно утверждать, что он заложил основы научного изучения греческого культурного наследия в эпоху Ренессанса.

В ходе этой работы формируется его этическая концепция, как и принципы перевода, которые он изложил в сочинении «О правильном переводе» («De interpretatione recta»), написанном

в 1420–1426 гг.⁶, и ряде писем. Превосходное знание греческого языка предоставило ему возможность не только популяризировать малоизвестные сочинения античных классиков литературы и философии, но и черпать аргументацию из них. Показательно, однако, что эти принципы гуманист изложил в связи с полемикой, завязавшейся после появления в 1417 г. перевода Бруни «Никомаховой этики» Аристотеля, о чем свидетельствуют первые фразы сочинения⁷.

Деятельность его как переводчика показательна. Гуманист полагал, что дело переводчика сделать доступным текст, написанный на неизвестном для широкого круга читателей языке: «перевод – это всего лишь – переложение с одного языка на другой» и в силу этого «не божественное занятие», а переводчик, осуществляя свою работу, обязан «выразить на своем языке то, что существует на другом, и никаких вариантов тут не имеется»⁸. Именно так и осуществлял свою работу над переводом сам гуманист: «... я исполняю свои обязанности: как было это изложено в греческом тексте, так я и воспроизвел текст на латинском языке»⁹. Позднее он повторит эти идеи в своем сочинении по переводу: «... я утверждаю, что вся суть перевода заключается в том, чтобы написанное на одном языке совершенно точно передать средствами другого языка. С другой стороны, сделать это надлежащим образом может лишь тот, кто обладает глубокими и совершенными знаниями и того, и другого языка, да и этого недостаточно»¹⁰. Кроме того, в обязанности переводчика по мере возможности входит воспроизведение красоты слога и ритма сочинений. Именно отсутствием языковой культуры, типичным для средневековых переводчиков античных мастеров слова, он объясняет ошибки и искажения античной мысли, противопоставляя им гуманистические (прежде всего, свои) переводы.

Но речь идет не только о владении языком, но и осмыслении и понимании античных текстов, особом менталитете переводчика-гуманиста. От последнего требовалось не только «глубокое и исключительное знание», но такое, которое является результатом многих лет «самого разного, трудоемкого, вдумчивого, прилежного и продолжительного чтения сочинений»¹¹. Более того, человек вообще не способен понять античное наследие даже в лингвистической плоскости, если он не изучил его комплексно. В этом для гуманиста несопоставимость средневековых и гуманистических штудий античного наследия.

Защита гуманистом своей версии перевода «Этики» Аристотеля, спор о точности трактовки понятий Стагирита выходили далеко за лингвистические рамки, поскольку понимание Бруни этических терминов во многом определило и особенности трактовки как самих этих терминов, так и центральных проблем этики, в том числе и проблемы блага и счастья. Его отношение к

наследию Аристотеля еще более укрепляло гуманиста в необходимости защиты своего перевода, тем более, что в трактате, посвященном теории перевода, он снова повторил резко негативное отношение к средневековым переводам текстов Аристотеля, искажающим сущность его мысли, одновременно восхваляя совершенство именно этих сочинений. Но одновременно создается подлинный культ греческой культуры, и прежде всего письменного наследия. А заодно начинается пропаганда необходимости овладения греческими памятниками в подлиннике.

Полемика вокруг проблемы перевода наследия греческих мыслителей неслучайно началась с перевода терминологии Аристотеля; спор о понятиях, их интерпретации в процессе перевода выходил далеко за рамки теории и практики переводов: в вопросе о трактовке категории «счастье» отразились мировоззренческие противоречия. Бруни не только вступил в спор, «защищая верность своего перевода»¹², но и изложил в своих сочинениях собственные представления о важнейших категориях этики. Результатом чего и явились его основные труды, посвященные этике: трактат «Введение в моральную философию» (1421–1424) и «Моральная канцона о счастье» (1421)¹³.

Споры о переводе и точности трактовок самого термина «счастье» имели глубокий подтекст, связанный с расхождением в самих подходах к проблемам этики и роли античной мысли в гуманизме. Именно вокруг категории «высшего блага», то есть «счастья», и завязалась горячая дискуссия. Оппоненты Бруни после перевода им «Никомаховой этики» Аристотеля попытались выступить против его трактовки понятия «τάγατόν». В своих письмах к архиепископу Милана и Лауро Квирино Бруни настойчиво и последовательно защищал свое толкование аристотелевского термина, трактуя его как «высшее благо» («summum bonum»), а не как просто «блага». Разница между этими понятиями достаточно существенна, и Бруни считал необходимым переводить греческий термин именно как «высшее благо» (donum) в связи с тем, как определял содержание этого понятия Аристотель. Трактовка понятия «τάγατόν» как «деятельности, соединенной с добродетелью» («ἐνέργεια καθ' αἰγάτόν»), была необычайно близка Бруни, но с таким содержанием термина соглашались даже не все гуманисты, и трактовка Бруни понятия «τάγατόν» как «высшего блага», то есть конечной цели человеческого бытия, идентифицируемой со счастьем, вызывала возражения.

Бруни защищал не только свой перевод, но и свои убеждения, опираясь на свое знание первоисточника в оригинале: «греческая литература, которой ты совершенно не знаешь, имеет выражение «высшее благо» (summum bonum), которое и приведено в книге и которое греки обозначали одним словом «τάγατόν»¹⁴. При этом в доказательство правильности своей интерпретации

текста Аристотеля он ссылается на использование указанного понятия и в римской латыни в эпоху «золотого века» Цицероном, а в позднейшие времена – Боэцием.

По сути дела гуманист выступал не столько в защиту своего перевода, сколько в защиту трактовки категорий блага и счастья в гражданской этике Аристотеля. Он счел необходимым дать развернутый анализ гражданской этики Стагирита и обосновать свой выбор, чему и обязано своим появлением главное философское сочинение гуманиста, в котором он сравнивает отношение к важнейшим проблемам этики разных античных философских школ. По своей сути данный трактат является комментарием к этическим сочинениям Аристотеля.

Учение Аристотеля имело особое значение для Бруни; античный величайший мыслитель для гуманиста – подлинный образец – «у Аристотеля все – совершенство»¹⁵. Аристотель, с точки зрения Бруни (также Платон), «были непревзойденными, так сказать, кладями знания», а «их полные утонченности сочинения насыщены мыслями и высказываниями поэтов, ораторов и историков древности»¹⁶. Неслучайно именно Бруни написал первую гуманистическую биографию Аристотеля, причем львиное место отвел перечислению и описанию его малоизвестных широкой публике сочинений. Он вообще разделял гражданственную позицию Аристотеля: «Я следую учению Аристотеля, поскольку оно наиболее соответствует человеческой природе»¹⁷. Этот вывод был сделан уже в годы широчайшей известности Бруни.

Но свои представления о счастье и благе он достаточно точно сформулировал задолго до того, как обратился к античным философам. Само понятие «счастье» для него с самого начала его гуманистической деятельности было неразрывно связано с общественным бытием человека. Уже «Диалоги к Петру Павлу Гистрию» (1401 г.) открываются программной фразой: «Древним является суждение философов о том, что счастливому человеку, прежде всего, следует заботиться о том, чтобы его родина была прекрасна, и принимать в этом участие»¹⁸. Бытие человека неотделимо от процветания его родины, а счастье связано с деятельностью на ее благо, на благо общества.

В «Восхвалении города Флоренции» он, по сути, опровергает другое видение проблемы; для него внешний блеск и успех не означают достижение личностью счастливого бытия. Говоря о внешних успехах Джан-Галеаццо Висконти (заметим, жесточайшего врага Флоренции), гуманист довольно меланхолически замечает: «стать счастливым, повторяю, стать по-настоящему счастливым он смог бы только в одном случае, если бы действовал на благо людям»¹⁹. Тем самым, с точки зрения гуманиста, даже величайшая власть и политическое торжество не обеспечива-

ют счастливого состояния человека, подлинное счастье доступно для смертного лишь в одном случае – деятельности на благо людей. Таким образом, для самого Бруни вопрос о подлинном счастье был ясен с юношеских лет. Однако он стремился его распространить и убедить людей, придерживающихся иных позиций (в том числе и последователей Петрарки), в своей правоте.

Насколько можно понять, этим объясняется и появление обоих его этических сочинений, и характер их, и логика доказательств. Бруни делает попытку сопоставить мнения, существовавшие по проблеме блага и счастья в античной философии, и свести их воедино, аргументируя при этом собственный взгляд на вещи. При этом сам характер анализа античных суждений свидетельствует о критическом осмыслении гуманистом философского наследия прошлого. Бруни не просто перелагает точки зрения представителей античных школ, но и оценивает их и выражает свое мнение. В своих этических сочинениях, а также в многочисленных письмах он проанализировал позиции ведущих античных мыслителей (Аристотеля, Платона, Эпикура, Евдокса, Зенона, Демокрита и т. д.). Очевидно, что знание греческого предоставило Бруни возможность изучить весь корпус доступных античных философских текстов и сравнить позиции самых разных авторов. Неслучайно он рекомендует при обучении подрастающего поколения читать сочинения Эпикура, Демокрита, Зенона и даже Аристиппа.

Гуманист ставит один из важнейших вопросов этики, подчеркивая, что он древен, как сама философия: «вопрос среди древних мудрецов [обсуждался] и ныне сохраняет свое значение: “Что такое счастье? В чем оно состоит?”»²⁰. В «Моральной канцоне» гуманист дает достаточно резкие оценки, как античных философских школ, так и понимание их представителями самой категории счастья. Здесь Бруни высказывает свои взгляды достаточно категорично и бескомпромиссно и проводит различия в трактовке античными мыслителями проблемы счастья и блага. Эпикуреизм он трактует упрощенно как учение, решающее проблему счастья гедонистически: «счастливое состояние в этом мире исключительно в том, чтобы жить весело (*giocondo*)»²¹. А потому он отказывает последователям Эпикура в стремлении к возвышенным целям – славе и почести. Он достаточно недвусмысленно выступает против эпикуреизма и его учения о наслаждении; по его убеждению, «наша жизнь создана не для наслаждения»²². Еще более Бруни сомневается в справедливости решения проблемы счастья стоиками. Он не в силах понять, «как может быть блажен человек, обеспокоенный и взволнованный своим положением»²³. Ему гораздо ближе трактовка проблемы счастья последователями Платона, он считает истинным их определение целей жизни как достижений совершенства и добродетели²⁴.

По Бруни, добродетель и счастье человека зависят только от него самого. Смысл жизни человека, в его представлении, состоит в том, чтобы делать добро («*ben fare*»), и только добродетель важна, поскольку даже слово «муж», по утверждению гуманиста, происходит от слова *virtu*²⁵. Гуманист вполне определенно и ясно выразил свое видение проблемы счастья, прямо заявляя о своей солидарности с перипатетиками: «... я считаю, добродетели полной и совершенной, связанной с деятельностью, вполне достаточно для того, чтобы достичь счастливого состояния в этом мире»²⁶. Эта позиция, с точки зрения Бруни, является рациональной и полезной. Видение сущности счастья оказывается тесно связанным с вопросом о месте человека в обществе и общественным долгом. Неслучайно Бруни провозглашает конечной целью человеческой деятельности и бытия (то есть счастья) достижение почестей, славы. По его формулировке, «пределом нашего стремления является почеть – «*honor*»²⁷. Тем самым представление о счастье не просто пронизано социальным мироощущением, но связано с жадной достижению земной славы. Счастье и почет в этом мире, согласно Бруни, неразрывно связаны: «тот счастлив, кто в свете получает почет больше, чем остальные»²⁸. Он не опровергает эту точку зрения, хотя само слово *honor* может толковаться и как честь, и как почеть. Вывод, однако, делается достаточно резкий: «жизнь, лишённая почёта, хуже, чем смерть живущего в славе»²⁹.

В трактате «Введение в науку о морали» сама постановка проблемы блага и счастья принципиально иная. Если в «Канцоне» гуманист ограничивался кратким изложением существовавших в античности точек зрения на проблему блага и счастья, то во «Введении» он дает собственную трактовку этого вопроса, попытавшись осуществить синтез сложившихся в античной философии точек зрения. Здесь для гуманиста важно было не подчеркнуть различие в трактовке категории счастья, но, напротив, выявить общее в подходах к решению этой центральной проблемы этики. При этом он предпочитает опираться на этику Аристотеля. Бруни начинает свой трактат с логического доказательства существования конечного предела (цели) человеческой деятельности. В его представлении многообразие деятельности и поступков людей определяет и бесчисленное количество целей. Цели обычно адекватны самим делам и поступкам; более высоким деяниям соответствуют наиболее высокие цели. Пределом же он считает высшую цель, она одновременно и самая высокая, к которой следует стремиться человеку. Именно эту исключительную и конечную цель он и определяет как «высшее благо», то есть счастье. Бруни, развивая учение о множественности целей и действий, четко разделяет понятия блага и высшего блага.

Любое благо гуманист органически связывает с деятельностью человека, его активной жизнью.

В его представлении всякое действие направлено на достижение блага: «люди, которые действуют, действуют ради достижения блага»³⁰. Достижение конечной цели, счастья, оказывается неотделимым от активной деятельности. И только сама цель, счастье, толкуется им как некая нирвана, статичное явление, поскольку он видит счастье как «последний и крайний предел, в котором стремление обретает покой и успокоение»³¹, тем самым частично принимая учение Демокрита и стоиков об атараксии, душевной невозмутимости как о высшем благе и предпосылке эвдемонии³².

Раскрывая свое представление о содержании понятия «предел», Бруни поясняет: «высшее благо» и есть «счастье» (“*felicitas*”), или «блаженство» (*beatitas*). Бруни, анализируя проблему счастья, стоит на оптимистических позициях. По его убеждению, счастье может достигаться и в земной, и в загробной жизни, и, следовательно, сама природа движет людей в этом направлении: «Нам всем доступно счастье в любой жизни и стремление к нему нам присуще от природы»³³. Короткая обмолвка «любая жизнь» свидетельствует о том, что он признавал два вида счастья (в земной и загробной жизни), и принципиально важно то, что гуманист пишет только о радостях и счастье земной жизни. По словам Э. Гарэна, «само умалчивание о христианской морали выдает более чем равнодушное отношение к ней автора»³⁴. Для Бруни счастье – это «естественное счастье», сама природа определила стремление каждого человека к нему.

Как и в «Канцоне», гуманист изложил точки зрения основных философских античных школ. Здесь он говорит только о трех (опуская академиков) – а именно школах перипатетиков, эпикурейцев и стоиков. Он не упоминает о христианской трактовке проблемы счастья, но ограничивается комментариями и оценками приведенных суждений. Его комментарии и оценки составляют наиболее оригинальную часть трактата. Уже само выделение центральных проблем каждой школы свидетельствует не о слепом поклонении античности, а о критическом осмыслении многообразия философской мысли прошлого и поиске аргументов для доказательства своей точки зрения.

Для эпикурейцев (к которым он относит Аристиппа, Евдокса и Демокрита, помимо самого Эпикура) он считал главным стремление к «высшему и чистому наслаждению». Однако в его представлении для последователей этого учения важны не только «радость и веселье», «плотские наслаждения», но и умение отличить главное от второстепенного; мудрый человек, по его убеждению, обязан «оставляя без внимания мелкие наслаждения, приобретать великие, и, принимая небольшие горести, отвергая тяжкие и великие»³⁵. В представлении Бруни человек для достижения счастья должен дифференцировать события, не поддаваясь слабостям и умея управлять своими ощущениями. Характерно,

что великие наслаждения, согласно Бруни, доставляются добродетелями. С эпикуреизмом он связывает понимание счастья как спокойствия души, лишенной тягот³⁶.

Иначе он относится к видению проблемы счастья стоиками. Он высоко ценит культ добродетели и нравственности, подчеркивает, что стоиков невозможно смутить ударами судьбы. Однако он не уверен, «истинно ли» учение стоиков, хотя и отмечает его нравственную силу. И, наконец, он буквально восхваляет воззрения перипатетиков. Суть их понимания проблемы счастья Бруни формулирует, заостряя суждения античных мыслителей. По его словам, «высшее благо людей заключается в том, чтобы хорошо жить и хорошо действовать»³⁷. И никакие внешние удары не могут сломить нравственно совершенного и деятельного человека. Счастливы же только тот человек, который способен «вести такую жизнь и так действовать, чтобы хорошо и блистательно ее использовать в соответствии с разумом»³⁸. Античные философские построения Бруни оформляет в точные и емкие, легко доступные даже для необразованного читателя формулы. И уже ясность и законченность этих максим свидетельствует о том, что гуманисту было наиболее близко именно такое видение блага и счастья. Для него самого счастье оказывается неотрывно от действия, причем рационального действия, разум является обязательным компонентом бытия и счастья человека, который и отличает его от всех иных существ.

Однако Бруни пытается синтезировать мало совместимые точки зрения трех античных школ и сформулировать универсальное понимание счастья, доказав близость этих точек зрения.

Если учения стоиков и перипатетиков ему как-то удалось сблизить на основе их взглядов на роль фортуны в жизни человека и ее вмешательства в его счастье, то очень трудно оказалось объединить с другими школами трактовку проблемы счастья эпикурейцами. Для того чтобы как-то облегчить решение этой задачи, гуманист ввел в свои рассуждения собственное понимание категории «наслаждение» (*voluptas*). Он прямо говорит о том, что «счастье не может быть без наслаждения»³⁹. Греческий термин «*eudaimonia*» он трактует как «радостную жизнь» (*vita gaudiosa*). Понятие «*gaudiosa*» у Бруни служит обычно для выражения более глубоких и просветленных эмоций и носит более возвышенный характер, чем приземленное «*laeta*». Разъяснение гуманиста относительно содержания категории *voluptas* вносит совершенно новый оттенок в трактовку понятия. Согласно Бруни, «проявление добродетели, наука, созерцание, само осмысление деятельности содержит некие безграничные наслаждения»⁴⁰. Таким образом, гуманист понимает категорию *voluptas* не как «плотское», низменное наслаждение, а как понятие, относящееся к духовной сфере человеческого бытия. Именно такая трактовка понятия наслаждения и позволяет Бруни сблизить

видение счастья с античными мыслителями двух названных школ.

В конечном счете, в трактате Бруни определил конечную цель жизни и свое понимание категории «счастье», настаивая, что особых различий между мыслителями нет: «все говорят о нем одно и то же или же почти одно и то же»⁴¹. В итоге он поддерживает конечный вывод перипатетиков о внутреннем единстве добродетельной жизни и деятельного начала. Бруни отвергает представления стоиков, склоняясь скорее к определению счастья Демокритом как «жизни свободной от всяких тягот» (атараксии). К пониманию счастья он добавляет в качестве важного компонента духовное наслаждение.

Такое видение счастья вполне естественно потребовало от Бруни признания динамики человеческих душевных свойств, непрерывных изменений человека, его стремления к совершенствованию. Путь к этому совершенству, то есть к счастью, он связывал с упражнениями в добродетелях. Таким образом, путь к счастью – это путь добродетели и одновременно упражнения в ней и приобретение все новых добродетелей. Сам факт динамичного изменения личности склоняет Бруни к тому, чтобы считать добродетели приобретаемыми свойствами (εξέισ). Учение о добродетелях также связано с решением проблемы блага и счастья и с общими гражданственными установками гуманиста. Бруни полагал (вопреки официальной церковной идеологии), что и стремление к счастью, и стремление к совершенствованию своих качеств, и даже стремление к добродетели, связано с естественным началом. Все это, утверждает гуманист, заложено в человеке от природы. Но дар природы – стремление к счастью и жажда совершенства – должны дополняться системной деятельностью самого человека.

Без деятельности, «постоянного упражнения и практики» счастье недостижимо. А достижение связано с правильно поставленной целью, по призыву гуманиста «Да будет у тебя в жизни великая цель». И все же представление о счастье Бруни не ограничивается совершенствованием отдельного человека. Подлинное счастье для него связано с достижением блага общества. Принцип общественной полезности выступает критерием оценки человека и его деятельности: «Если дать счастье одному человеку – следует считать самым достойным делом, то насколько же более прекрасно достигнуть этого в отношении целого государства»⁴².

Можно совершенно определенно утверждать, что понимание не только блага, но счастья у Бруни далеко не ограничивается достижением «спокойствия души», но буквально пронизано гражданственностью. Благо каждого человека для него неотделимо от сознания общественного долга. В этом отношении показательны письмо, написанное гуманистом знаменитому педагогу Гварино да Верона по поводу назначения его канцлером в

1427 году. Бруни прямо декларирует подчинение личных интересов благу общества: «воля государства выше наших расчетов, мы изъявляем покорность, чтобы не показаться неблагодарными или расчетливыми»⁴³. Он допускает, что душевный склад отдельных людей определяет ведение ими созерцательной или активной жизни, но говорит, что активная жизнь предпочтительнее, поскольку она «более пригодна для общей пользы»⁴⁴.

Наиболее последовательно эта точка зрения была сформулирована им в «Жизни Данте и Петрарки», где он прямо противопоставляет двух величайших поэтов и ставит Данте выше Петрарки, подчеркивая равнодушие Петрарки именно к гражданственному долгу: «Петрарка, хотя и родился в свободном городе, никогда не служил ему так, как это обязан делать гражданин, и не сражался за родину, а это, как нам известно, является великой заслугой и добродетелью»⁴⁵. Из сравнения их он выводит общее заключение: «... я хочу опровергнуть ошибку многих невежд, которые верят, что ученым может быть только тот, кто постоянно пребывает в уединении и покое... Ум великий и высокий не нуждается в такого рода пытках»⁴⁶.

Активная жизнь в обществе не просто оказывается предпочтительнее, Бруни считает созерцательную уединенную жизнь несоответствующей социальной природе человека и даже объявляет ее пыткой. Тем самым он настаивает на ведении активной жизни как на обязательном условии достижения индивидом счастья, причем акцентирует социальное значение активной жизни. Человек – общественное животное, гуманист, по сути, пропагандирует формулу Аристотеля.

И все же жизненный опыт приводит его к некоторому смягчению этой позиции. В биографии Данте и Петрарки (1436) он признает, что доступно и другое (пусть не столь возвышенное) счастье: «жить, сохраняя свою репутацию и почет, оставаясь почитаемым и правителями и народами, есть проявление великой добродетели, мудрости и постоянства»⁴⁷. Но сравнение Петрарки с Данте у Бруни оказывается не в пользу Петрарки. Приоритетным фактором становятся гражданственная активность и мужественная стойкость перед лицом несчастья.

Таким образом, концепция блага и счастья как конечного высшего блага у Бруни органически связана не только с этикой Аристотеля, но и с его собственными социально-политическими взглядами. Его анализ трактовки данной проблемы этики различными античными философскими школами и критическое восприятие суждений ведущих философов прошлого неотделимо от его социально-политических взглядов, от утверждающихся идей гражданского гуманизма и прежде всего от понимания гуманистом гражданского долга. Проблема блага и счастья оказалась рассмотрена им через особую призму – взаимоотношения личности и общества, требования активной жизни

на благо общества, еще точнее – Флорентийской республики. Подходы Бруни к проблеме блага и счастья и решение ее во многом характеризовали не только новый характер гуманистической этики, но и изменения всего идейно-теоретического характера гражданского гуманизма.

Греческое наследие превращается в идейно-теоретические основы гражданского гуманизма, на идеях Аристотеля выстраивается новая гуманистическая этика. Вместе с тем идет популяризация именно греческого наследия. Этому процессу способствовала активизация переводческой деятельности, так что почти весь известный корпус древнегреческих источников был переложен на латынь усилиями гуманистов. Впервые пропагандируется изучение греческого языка, чему способствовало в дальнейшем усиление связей с Византией и миграция в Италию носителей греческой культуры во времена Флорентийско-Феррарского собора и после падения Константинополя. Гражданственную направленность этики Бруни унаследовали гуманисты следующего поколения.

Примечания

- 1 См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977 ; Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002 ; Ревякина Н. В. Проблема человека в итальянском гуманизме. М., 1977 ; Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. М., 1995 ; Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни и греческая философия // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984 ; Эльфонд И. Я. Политическая борьба во Флоренции XIV века в трактовке Леонардо Бруни Аретино // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 13 и др.
- 2 Struever N. The language of history. N. Y., 1970. P. 111.
- 3 Bruni L. Dialogi ad Petrum Paulum Gistrum // Prosatoti latini del quattrocento / A cura di E. Garin. Milano, 1952. P. 56.
- 4 См.: Шаблага И. Ю. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 29. Критический трактат «О правильном переводе» (De interpretatione recta) был написан Л. Бруни в 1420 г. под впечатлением от чтения плохих латинских переводов классических древнегреческих текстов Платона и Аристотеля.
- 5 Ballard M. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Lille, 1992. P. 93.
- 6 См.: Pérez González M. Leonardo Bruni y su tratado De interpretatione recta // Cuadernos de EiloIogñz Clásica. Madrid, 1995. P. 193–231. Включает публикацию текста и перевод на исп. язык. К упомянутой выше статье И. Ю. Шаблага также приложен латинский текст сочинения и перевод его на русский язык. См.: Шаблага И. Ю. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе». Приложение : Бруни Л. О правильном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 43–66.
- 7 См.: Bruni L. De interpretaetione recta // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 81.
- 8 Bruni L. Epistolarum libri VIII / Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741. Vol. II. P. 7.
- 9 Ibid. P. 196.
- 10 Шаблага И. Ю. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе». Приложение : Бруни Л. О правильном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 45.
- 11 Bruni L. De interpretaetione recta // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 82.
- 12 Bruni L. Epistolarum libri VIII / Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741. Vol. II. P. 196
- 13 Bruni L. Canzona morale di felicità // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1 ; Idem. Isagogicon moralis dicciplinae // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1 ; а также см.: Бруни Л. Введение в науку о морали / пер. И. Я. Эльфонд // Сочинения итальянских гуманистов XV в. М., 1985.
- 14 Bruni L. Epistolarum libri VIII. P. 86.
- 15 Bruni L. Vita Aristotelis // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 48.
- 16 Bruni L. De interpretaetione recta // Bruni L. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 83.
- 17 Bruni L. Epistolarum libri VIII. P. 89.
- 18 Bruni L. Dialogi ad Petrum Paulum Gistrum // Prosatoti latini del quattrocento / A cura di E. Garin. Milano, 1952. P. 44.
- 19 Bruni L. Laudatio florentinae urbis // Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni. Chicago, 1968. P. 257.
- 20 Bruni L. Canzona ... P. 151.
- 21 Bruni L. Canzona ... P. 150. Ср. далее : «niente altro far lui e sua militia se non vivere in gaudio e letitia!»
- 22 Bruni L. Canzona ... P. 152. «Questa vita nostra non è nata a godere».
- 23 Ibid. P. 153.
- 24 Ibid. P. 152.
- 25 Ibid. P. 154.
- 26 Ibid. P. 152. «Teniam : che la virtu plena e perfetta operando si asseta nella stato felice del mondo».
- 27 Ibid. P. 150. «Honor esser il fin di nostra vita».
- 28 Ibidem. «Esser in felice stato Qui sopra altri al mondo e honorato».
- 29 Ibidem.
- 30 Bruni L. Isagogicon... P. 21.
- 31 Ibid. P. 25
- 32 Ibid.
- 33 Ibid. P. 41.

- ³⁴ *Garin E.* Storia della filosofia italiana. Torino, 1966. Vol. 1. P. 293.
- ³⁵ *Bruni L.* Isagogicon... P. 25.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid. P. 28.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² *Bruni L.* Prefatio ad "Politica" Aristotelis // **Bruni L.** Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 73.
- ⁴³ *Bruni L.* Epistolarum libri VIII. Florentiae, 1741. V. II. P. 34–35.
- ⁴⁴ *Bruni L.* Isagogicon... P. 39.
- ⁴⁵ *Bruni L.* Vita di Dante e di Petrarca // *Bruni L.* Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Hrsg. H. Baron. Leipzig, 1928. Vol. 1. P. 68.
- ⁴⁶ Ibid. P. 53
- ⁴⁷ Ibid. P. 47.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 425–432. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-425-432.

УДК 655.26(427.1)|15|+929Даниэль Адам Велеславин

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕШСКОГО ТИПОГРАФА ДАНИЭЛЯ АДАМА ВЕЛЕСЛАВИНА

Е. Н. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Автор в статье анализирует издательскую деятельность чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеславина, который выступал в роли переводчика и даже автора издаваемых им произведений, выявляет репертуар издаваемой им продукции и её место в развитии чешского языка и литературы.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции.

The Publishing Activity of the Czech Printer Daniel Adam Veleslavina

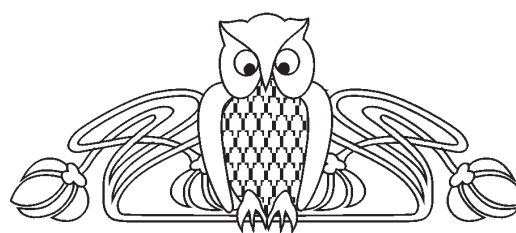
Е. Н. Mnogoletnyaya

The author of the article analyzes the publishing activity of the XVI century Czech book printer Daniel Adam Veleslavina, who acted as an interpreter and even the author of works published, reveals the repertoire of his products and their place in the development of the Czech language and literature.

Key words: book printing in Bohemia, book printer, publishing, repertoire of books.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-432-436

Даниэль Адам Велеславин являлся крупным чешским книгоиздателем второй половины XVI в.¹ Велеславин проявил себя прекрасным организатором издательского дела. Его типография была доведена до такой степени совершенства, что значительно превосходила все другие пражские типографии. Внешнее оформление и необычайная

точность издания Даниэля Адама снискали ему имя «пражского архитипографа».

Вокруг себя он собрал общество своих близких друзей – литераторов, которые одновременно являлись его основными сотрудниками по типографии. Это прежде всего Ян Коцин и Коцинета (1543–1610) и Адам Губер из Ризенпахы (1546–1613). Первый был прекрасным переводчиком, совместно с Даниелем Адамом они издали ряд переводных сочинений: «Историю церковную» Флавия Кассиодора (1594)², «Турецкую хронику» (1593 г.)³ немецкого теолога историка Иоханнеса Лёвенклау. Второй был практикующим врачом и писателем. Совместно с ним Велеславин издал три сочинения: «Книга о сохранении здоровья» датского врача Индржиха из Рантцова, «Домашнюю аптеку» П. Маттиоли (1595 г.)⁴ и его же «Гербарий» (1596 г.)⁵.

Среди сотрудников «литературной дружины»⁶ Даниэля Адама были: хронист Матвей Гозия из Высокого Мыта (1555–1598), который перевел «Московскую хронику» – сочинение Александра Гванини, изданную в типографии у Даниэля Адама (1590 г.)⁷, Вацлав Планцель из Эльбунка (1556–1604) – на основе его сочинения «Иудейские древности» Иосифа Флавия и других источников Велеславин издал «Еврейскую историю» (1592 г.)⁸. В дружину входили Абрахам из Гинтеррода (1570–1609), магистр Павел Кристиан из Колдина (1530–1589) канцлер Старого Места Пражского, его «Городское право» (1579 г.)⁹ вышло еще из типографии тестя Велеславина, магистр Троян Гержманомнестецкий, который перевел латинское сочинение немецкого рефор-

матора из Марбурга Андреаса Гиперия «Трактат о заботе о бедных», изданный в 1592 году¹⁰.

Велеславин предстает перед нами великолепным организатором книгоиздательской деятельности, привлекавшим к сотрудничеству многих образованных людей своего времени. Главная заслуга Даниэля Адама в книгоиздательском деле была не только в его организаторском таланте и способности сплачивать людей вокруг единого дела, а скорее в его собственном вкладе, который нашел выражение в его собственных переводах иностранных сочинений и его авторском историческом произведении «Календарь исторический» (1578 и 1590 гг.).

Основу его переводных сочинений составляют исторические труды, к ним же можно отнести его лексикографические работы, т. е. составленные им многоязычные словари и ряд работ морализирующего и религиозного характера.

Обратимся теперь к собственно издательской деятельности Даниэля Адама Велеславина. Она отличалась своим характером и содержанием от деятельности других чешских типографов. Велеславин видел в книгоиздании, если им заниматься не с коммерческими, а с программно-идеологическими установками, мощное средство развития национальной чешской культуры, ее приобщение к мировым достижениям, к отстаиванию своей самобытности. Это особенно стало актуальным в эпоху Рудольфа II, когда Прага стала международным культурным центром¹¹. Велеславин ставил своей целью расширить кругозор, поднять культурный уровень чешского бюргерства. Именно на чешское бюргерство была ориентирована его книжная продукция. Необходимо заметить, что программа Велеславина отличалась демократизмом. Он печатал капитальные труды только на чешском языке, считая латынь языком узкого круга образованных людей. На этом основывалась его программа защиты чешского языка. Сам он издает на латыни только небольшие сборники стихов «на случай», написанных его учеными друзьями (всего 63 издания)¹² и предназначенных для узкого круга городской элиты.

В соответствии с целями своей программы он знакомил чешскую публику с широким кругом европейской литературы, прежде всего исторической. Но в состав книжной продукции, изданной Даниэлем Адамом, также входила религиозная, моралистическая, медицинская и естественно-научная литература.

Большой интерес представляет «Московская хроника» итальянца Александра Гваньини, которая была издана Велеславиной в 1590 г.¹³ в переводе на чешский язык. Перевод с латинского языка сделал Матвей Гозия из Высокого Мыта. Велеславин посвящает издание «пуркмистрам и советникам города Колина»¹⁴, но заявляет, что книга касается всех его соотечественников. Важность содержания книги книгоиздатель объясняет в следующих словах: «Так как мо-

сквитяне и русские происходят от того же сарматского народа, как и мы чехи, и употребляют хотя и не без различий, тот же язык, как и мы и другие славянские народы, как поляки, хорваты, словаки, сербы, и прочие, то для наших чехов полезно знать и ведать о том, насколько далеко распространено их племя, и что оно не только в областях от Черного леса к уграм и полякам, но и простирается намного далее на восток солнца, который лежит далеко за Москвою, до Средиземного и Адриатического морей...»¹⁵

Чешская версия издания отличается более широкой панорамой истории славян, которую дает Велеславин в своем предисловии. Он утверждает, что все славяне произошли от одного народа, что противоречит существовавшей со времен Козьмы Пражского легендарной этногенологии чехов.

Оценивая значение данного издания, мнения исследователей расходятся. С одной стороны, считают, что Велеславин в своем предисловии утверждает новые, нетипичные для своего времени идеи, так как утверждает единство славян, их этническую и языковую общность¹⁶. При этом само издание оценивается как вклад в развитие чешско-русских отношений¹⁷.

С другой стороны, исследователи выражают мнение о том, что изданное сочинение носило, в известной мере, антирусскую направленность¹⁸, в первую очередь потому, что Велеславин характеризует русских, наряду с турками и татарами, как врагов христианских народов, которых следует опасаться¹⁹.

В своей типографии Велеславин издал ряд моралистических и религиозных сочинений. Литература этого рода пользовалась широким спросом, так как в обществе, по мнению самого издателя, царила «Нравственная распущенность»²⁰.

Издание таких произведений находилось в тесной связи с нравственно-религиозными убеждениями Даниэля Адама, являвшегося тайным приверженцем общины чешских братьев.

Из нравоучительной литературы центральным изданием были «Наставления к Демонику Исократу» (1586 г.)²¹. Оно было адресовано прежде всего образованным читателям. Об этом свидетельствует как латинское посвящение, которое написал сам Велеславин, так и параллельно изданные две версии сочинения: чешская версия в переводе В. Писецкого и латинский вариант. Велеславин придерживался взглядов и разделял мнение автора о том, что в молодом человеке нужно гармонично развивать телесные, духовные и нравственные способности. Данное произведение призывало к воспитанию добродетели, входившей в этическую систему древних греков; в которой ощущалась потребность и во время Велеславина. Это было воспитание в человеке таких качеств, как мужество, сдержанность, справедливость. Очень актуальным было осуждение в данный

период несправедливости, лицемерия, эгоизма и расточительности. Выбор данного произведения Даниэлем Адамом не был случаен, он почитал античную этику. Еще одним свидетельством этого было добавление к латинской версии «Наставлений» нравственного поучения семи греческих мудрецов²².

Некоторые издания религиозных сочинений, которые были напечатаны в типографии Даниэля Адама, характеризуются особым содержанием, которое по большей части имеет отношение либо к истории, либо к географии. Эта характеристика относится к двум сочинениям «Странствия святых» (1592 г.) и «Описание города Иерусалима и его предместий» (1590 г.)²³. Первая книга – это перевод немецкого сочинения лютеранского епископа Генриха Буентинга, рассказывающего согласно Священному Писанию о пребывании библейских персонажей в Святой земле. Вторая книга описывает согласно латинскому сочинению голландского библеиста Кристиана Андрихомиа Иерусалим в связи с жизнью Иисуса Христа. Тематика обеих книг была весьма популярной, потому что жизнь Иисуса Христа интересовала читающую публику не только в середине века, но и в эпоху Возрождения. Учитывая этот интерес, Велеславин занялся переводом названных сочинений. Но в своих предисловиях он определил им не сугубо религиозную, а скорее «светскую функцию»²⁴. Так, в предисловии к «Странствиям святых» он полностью отходит от содержания сочинения и обращает внимание читателей на описание путешествия выходцев из чешских земель в Палестину. Он обращается к двум рукописным сочинениям: Мартина Кабатника и Олдржиха Префата из Влканова, описывающих их собственные путешествия в Палестину. Вероятно, Велеславин увидел в книге Буентинга, по сути своей религиозной, литературу, описывающую путешествия, то есть своеобразные путевые заметки. Такие сочинения преследовали скорее христианско-просветительские цели, чем конфессиональные.

Нравственно-религиозная литература, издаваемая Велеславиным, не имела узкой религиозной функции, но всегда была направлена на жизненную практику. Так в 1582 г. Велеславин издает два сочинения «Краткое поучение о том, как люди набожные во время мора вести себя должны»²⁵ и «Рассуждения о чуме...»²⁶. Оба сочинения являются переводными и не чешского происхождения, но в обоих предисловиях проблематика, поднимаемая в сочинении, была адаптирована к чешской среде. В сочинениях обсуждался вопрос: можно ли бежать из зачумленного города и в них же дается однозначный ответ: по религиозным, моральным и социальным причинам бежать от чумы нельзя – это греховно. Проблема чумы была знакома чешскому обществу, одна из эпидемий как раз приходилась именно на 1582 г. Для простых людей данной

исторической эпохи были непонятны причины многих явлений, в том числе и эпидемии чумы. Это относилось и к неурожаем, другим природным явлениям, войнам, катастрофам. Это было время, благоприятное для возникновения и распространения разных суеверий. Велеславин сам был подвержен их влиянию. Так, например, в предисловии к «Двум хроникам...» (1585 г.) он отмечает с важностью предсказание о 1588 г. о так называемых «странных вещах (делах)». При этом в его предсказаниях «странные вещи» были соединены с предчувствием событий, которые будут трагическими для чешского народа²⁷.

Велеславин поддался и другому суеверию, которое выражалось в убеждении о приближении конца света. Эсхатологические представления Велеславина отразились на титульных листах некоторых его изданий, где XVI столетие было названо «последним веком», а последние годы этого столетия были объявлены «годами предела божьего терпения»²⁸. Вера в приближение конца света имела давние корни. Она сопровождала историю христианства с момента его зарождения. Убеждение это проистекало из слов пророка, что конец света наступит после шестидесяти тысяч лет. Во времена Даниэля Адама это пророчество находило подтверждение в убеждении о том, что от сотворения мира прошло уже больше, чем 5500 лет. Веру в приближение конца света укрепляли хронисты. А поскольку речь шла о ситуации в Чехии, указывалось на бедствие в этой стране, ее ослабление и упадок. Эти характерные приметы, казалось, основывались на предсказаниях пророка Даниила, в свете которых считалось, будто бы конец света приблизится, когда начнет приходить в упадок турецкое могущество.

Последствием этого суеверия и некоторых других было распространение литературных произведений, посвященных данной тематике. Это была собственно религиозная литература, которая печаталась в типографии Даниэля Адама, часто в переводе самого издателя. Были изданы следующие сочинения: два Августина Аврелия, в том числе «Монолог (Беседа)» (1583 г.)²⁹, «Таблица семи злых и семи добрых дел» (1588 г.)³⁰, сочинение «Монолог» лютеранского проповедника Мартина Моллера (1593 г.)³¹, «Апостол и Евангелие воскресное и праздничное» (1597 г.), «Молитву воскресную и праздничную» Матиаша Ситгарда (1582 г.)³², «Краткое толкование, или Объяснение седьмого псалма» сочинение Франциска Тиммана (1598 г.) и некоторые другие.

Некоторые из изданных Велеславиным произведений очень примечательные. Так, например, оба сочинения Псевдо-Августина и сочинения Мартина Моллера были вновь изданы только в период национального чешского Возрождения. Многие другие подверглись преследованию, так как они попали в «Ключ» Антонина Кониаша. Например, «Щит веры правой» (1591 г.)³³, «Таблица семи злых и семи добрых дел» (1588 г.)³⁴ и даже

его «Исторический календарь»³⁵. Это является одним из свидетельств того, что издательская продукция Даниэля Адама Велеславина была чрезвычайно актуальной и шла в русле исторических и духовных процессов своего времени.

Таким образом, издательская деятельность Даниэля Адама по изданию нравственно-религиозной литературы носила глубоко прогрессивный характер и проходила в русле духовного развития своего времени. Современники хорошо были об этом осведомлены. Это относилось и к носителям идеологии Контрреформации, которые в его изданиях нередко усматривали противоположность и противовес издательской продукции иезуитского направления. Об этом же свидетельствует следующий факт: 23 августа 1599 г. на Велеславина была подана жалоба, направленная на имя императора Рудольфа II от пражского архиепископа Збьенка Берка. В ней помимо прочего указывалось: «Так же и относительно Адама Велеславина, который тоже на собственный страх и риск и по своему желанию, без моего присмотра, что ему нравится, печатает и издает»³⁶. Архиепископ в жалобе настоятельно требует, чтобы ему пражские типографы давали на просмотр все свои издания, иначе: «много предосудительных вещей, чем дальше, тем больше будет издаваться, и распространяться»³⁷.

К сожалению, мы не знаем, какое издание вызвало взрыв возмущения пражского архиепископа. Возможно, им было изданное в 1599 г., в год своей смерти «Толкование псалма 91» вместе с Киприановой проповедью и некоторыми молитвами. Или какое-то неизвестное нам сочинение. Но этот факт свидетельствует о неразрывной связи издательской деятельности Велеславина с той религиозной атмосферой, исторической обстановкой, в которой жил и творил чешский издатель.

Из собственно научной литературы, вышедшей из типографии Даниэля Адама, необходимо отметить новое издание «Гербария» П. Маттиоли. Это издание в новом переводе с немецкого издания, отредактированного немецким врачом Иоахимом Камерарием, вышло в 1596 г.³⁸ Перевод выполнял сам Велеславин совместно с врачом Адамом Губером из Ризенпаха. В том же году Велеславин издал «Домашнюю аптеку»³⁹ П. Маттиоли, она была ориентирована на малоимущие слои населения.

Таким образом, вся книгоиздательская деятельность Велеславина отличалась своей прагматичной направленностью, он стремился, в первую очередь, удовлетворить требования читающей публики. Он добивался установления чешского языка в его современной литературной форме. Всеми силами он пропагандировал свой родной чешский язык, боролся за его усовершенствование и право занять место в ряду европейских языков. Созданная во многом благодаря ему чешская литература способствовала распростра-

нению гуманитарных и естественно-научных знаний в чешском обществе, главным образом в сфере бюргерства.

Примечания

- ¹ О нём подробнее см.: *Многолетняя Е. Н.* Формирование нового типа книгоиздателя в чешском книгопечатании XVI в. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 54–59.
- ² См.: *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky, (do r. 1500). Praha, 1925; Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 1417* (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания); *Dějiny české literatury. Díl. 1. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 346.*
- ³ См.: *Knihopis. Č. 4823; Dějiny české literatury. D. I. S. 346.*
- ⁴ См.: *Knihopis. Č. 5414.*
- ⁵ См.: *Knihopis. Č. 5417.*
- ⁶ *Kopecký M. Daniel Adam z Veveslavína. Praha, 1962. S. 54.*
- ⁷ См.: *Bohatcová, M. a kolektiv: Česká kniha v proměnách staletí. Praha, 1990. S. 187.*
- ⁸ См.: *Kopecký M. Op. cit. S. 64.*
- ⁹ См.: *Knihopis. Č. 4564.*
- ¹⁰ См.: *Kopecký M. Op. cit. S. 72.*
- ¹¹ См.: *Мельников Г. П.* Мелантрих и Велеславин – крупнейшие пражские книгоиздатели // *Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 253.*
- ¹² См.: *Bohatcova M. a kolektiv. Česka kniha. S. 224–225.*
- ¹³ *Bohatcova M. a kolektiv. Česka kniha. S. 187; Dějiny české literatury. D. I. S. 349.*
- ¹⁴ *Daniel Adam z Veveslavína. Z předmluvy ke Kronice mozkévské z r. 1590 // Kopecký M. Op. cit. S. 140.*
- ¹⁵ *Ibid. S. 141–142.*
- ¹⁶ См.: *Францев В.* Даниель Адам Велеславин «Архитипограф Пражский». К трехсотлетию его смерти (1599–1899) // *Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXVII. 1900. Январь. С. 322–323.*
- ¹⁷ См.: *Мельников А. С.* Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 72.
- ¹⁸ См.: *Мельников Г. П.* Мелантрих и Велеславин. С. 255.
- ¹⁹ См.: *Kopecký M. Op. cit. S. 63.*
- ²⁰ *Ibid. S. 45–46.*
- ²¹ См.: *Dějiny české literatury. D. I. S. 302; Kopecký M. Op. cit. S. 46–47.*
- ²² См.: *Kopecký M. Op. cit. S. 47.*
- ²³ См.: *Knihopis. C. 1361.*
- ²⁴ *Kopecký M. Op. cit. S. 47–48.*
- ²⁵ *Knihopis. C. 6057.*
- ²⁶ *Kopecký M. Op. cit. S. 50.*
- ²⁷ *Ibid. S. 51–52.*
- ²⁸ *Ibid. S. 52.*
- ²⁹ См.: *Knihopis. Č. 880, 888.*

³⁰ См.: Knihopis. Č. 16046.

³¹ См.: Knihopis. Č. 5931.

³² См.: Knihopis. Č. 15424.

³³ Knihopis. Č. 1600. См.: Wižďálková B. Konkordance Koniášových klíčů, indexu, Jungmanna a knihopisu // Příspěvky ke knihopisu, 6–10. Praha : Státní knihovna ČSR, 1987–1988. S. 73.

³⁴ Wižďálková B. Op. cit. S. 79.

³⁵ Ibid. S. 72.

³⁶ Цит. по: Kopecký M. Op. cit. S. 53.

³⁷ Ibid. S. 53.

³⁸ См.: Knihopis. Č. 5417.

³⁹ Knihopis. Č. 5414.

Образец для цитирования:

Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа Даниэля Адама Велеславина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 432–436. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-432-436.

УДК 94(410)»1485/1603»

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ В АНТИКВАРНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XVI ВЕКА

П. В. Мелихова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Melihovapolya@gmail.com

На основе «Описания елизаветинской Англии» У. Гаррисона в статье исследуется один из аспектов повседневности англичан конца XVI в. – их увлечение садоводством. Автор показывает, что Гаррисон, принадлежавший к сообществу ранних антикваров, знакомил читателей с разнообразными растениями, произраставшими в садах англичан, и достижениями его современников в садоводстве, основанными на практическом применении научных знаний. Но также он использовал собранный и систематизированный материал для обоснования преемственности английской истории и власти Тюдоров от героических римских времен, времени правления Плантагенетов и Ланкастеров.

Ключевые слова: У. Гаррисон, антикварный дискурс, конец XVI в., повседневная жизнь, садоводство, тюдоровский миф.

Everyday Life in Elizabethan England Through the Antiquarian Discourse at the End of the XVI Century

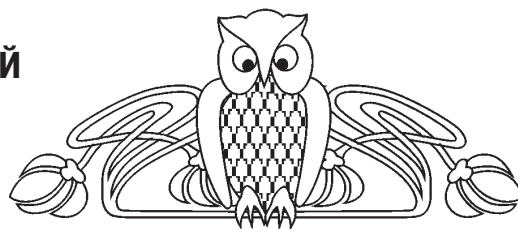
P. V. Melihova

The article examines the aspect of everyday life of the British in the end of the XVI century – it is their passion for gardening, basing on the analysis of «Descriptions of Elizabethan England» by W. Harrison. The author shows that Harrison, who belonged to the community Early Antiquarians, acquaints the readers with a variety of plants growing in the gardens of the British, the achievements of his contemporaries in horticulture, based on the practical application of scientific knowledge. He also used the collected and arranged material to justify the continuity of English history and Tudor s power from the heroic Roman times, during the reign of Angevin and Lancastrian.

Key words: W. Harrison, antiquarian discourse, end of the XVI century, everyday life, gardening, Tudor myth.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-436-440

Раннее Новое время в истории Англии отмечено глубокими сдвигами не только в экономике и

политике, но и в духовной сфере и повседневной жизни, начало которым было положено в XVI столетии. Утверждение на престоле династии Тюдоров, начало экономического подъема страны, деформация традиционной социальной структуры, изменения в системе государственности, переворот в религиозном сознании людей, вызванный Реформацией, развитие науки, образования и культуры под все возрастающим влиянием европейского Ренессанса, проникновением идей гуманизма, открытие Нового Света и формирование иной, по сравнению со Средневековьем, геополитической системы¹ – все эти перемены способствовали росту национального самосознания англичан, стремившихся занять новое место в Европе и мире.

Зарождение национального самосознания проявилось во все возрастающем интересе к истории своей страны, в развитии исторической культуры². Именно в это время формируется гуманистическая историография тюдоровской Англии, представленная, в частности, сочинением Полидора Вергилия (1470–1555) «Английская история» (1533 г.), которое, как полагает М. М. Горелов, положило начало синтезу ренессансной манеры историописания с традициями английской исторической хронистики и отвечало насущной потребности в новом осмыслении национальной истории³. В Англии появляются всевозможные общества и кружки, которые в дальнейшем внесут неоценимый вклад в развитие истории как научного направления и отдельной самостоятельной дисциплины.

Исследование прошлого по его материальным и нематериальным фрагментам, «древностям» приобретает новое направление – антикварианизм⁴, который в XVI в. был частью гуманистического знания о мире и об истории.

В основе труда антикваров лежал принцип ренессансных гуманистов – составление всеобъемлющего свода знаний, который строился как перечень всех доступных сведений по изучаемому вопросу. Сочинения британских антикваров XVI в. – Дж. Лиланда (ок. 1503–1552)⁵, Дж. Стоу (1525–1605)⁶, Р. Холиншеда (1529–1580)⁷, У. Кемдена (1551–1623)⁸ и др. – были ориентированы на принцип полноты, помещения «всех» доступных сведений в один труд⁹.

Как отмечает В. В. Зверева, «авторы антикварных сочинений начинали свою работу с путешествия, личного присутствия в “памятных” местах, выяснения точных деталей для досконального описания уцелевших древностей, следов прошлого в настоящем»¹⁰. Таким образом, помимо заказа властей на приемлемую версию прошлого (обоснование тюдоровского мифа, легитимности династии, героическую преемственность от греков и римлян)¹¹, труды ранних британских антикваров основывались на эмпирических штудиях, вследствие чего создаваемые ими тексты отличались особой вовлеченностью повествователя в описываемые события и явления¹².

Всем этим особенностям антикварного дискурса XVI в. в полной мере отвечало творчество приходского священника, бакалавра богословия Уильяма Гаррисона (1534–1593), одной из ранних фигур сообщения антикваров, на труды которого ориентировались многие последователи.

В начале 1570-х гг. У. Гаррисон предпринял путешествие по Южной Англии, во время которого общался с самыми разными людьми и смог получить доступ к разнообразным документам: монастырским и приходским записям, личным дневникам. Много полезной информации У. Гаррисон почерпнул со слов прихожан, он широко использовал карты, письма, факты из книг и беседы с другими антикварами, а также присущие ему наблюдательность, острый и пылливый ум. В результате в 1577 г. появилось его знаменитое «Описание елизаветинской Англии»¹³, в котором зафиксированы сведения о географии, климате, почвах и растениях, о событиях и людях прошлого и современной ему Англии, экономике и обществе, политике и религии, о традициях в быту, одежде и моде, в культуре питания, жилище и увлечениях¹⁴.

Из всего многообразия вопросов, затрагиваемых У. Гаррисоном, мы остановимся только на одном аспекте повседневности англичан – их увлечении садоводством, поскольку здесь ярко проявился стиль работы автора как антиквара с присущей ему скрупулезностью в описании, казалось бы, самых незначительных деталей и стремлением связать прошлое и настоящее своей страны, в том числе для решения политических задач.

Садовое искусство, устройство садов, планировавшихся одновременно с домом, приобрели

повсеместную популярность среди англичан второй половины XVI в., которые, невзирая на свой социальный статус¹⁵, были буквально захвачены страстью к обустройству сада и выращиванию самых разных растений. Это увлечение может быть связано как с повышением уровня жизни, так и с влиянием ренессансной культуры, с её культом красоты, стремлением к эстетизации жизни¹⁶. Не случайно У. Гаррисон в отдельной главе своего «Описания»¹⁷, подробнейшим образом рассказывая обо всех тонкостях садоводства и уделяя внимание мельчайшим деталям, отмечает: «... если посмотреть на сады, прилегающие к нашим домам, то теперь их чудесная красота увеличилась...»¹⁸

Сад обычно находился внутри открытого двора, окруженного тремя стенами¹⁹, и был полностью открыт для обозрения из окон дома. Сад обносился живой изгородью из декоративных кустарников, а его внутреннее пространство было разделено на четыре части аллеями и дорожками²⁰. Показательно, что и иностранные путешественники, посещавшие Англию, обращали внимание на великолепные сады. В частности, швейцарский студент-медик, близкий к гуманистической среде, Томас Платтер, описывая Лондон конца XVI в., специально останавливается на этом элементе городской топографии: Уайт-холл и судебные Инны окружены «чудесными садами», и в Вестминстере есть монастырский сад, в котором выращивают даже виноград²¹.

У. Гаррисон прежде всего акцентирует внимание читателей на разнообразии видов растений, произраставших в садах англичан. И в первую очередь он пишет о традиционных травах и цветах, издавна знакомых его соотечественникам. Это растения, порожденные английской почвой, больше всего подходящие англичанам и известные им не только с эпохи Рима, но также со времени Нормандского завоевания, правления Эдуарда I Плантагенета, Генриха IV Ланкастера (младшая ветвь Плантагенетов) и, конечно же, Генрихов VII и VIII Тюдоров²². Даже в столь далеком от политики вопросе У. Гаррисон не пренебрег возможностью выстроить историческую преемственность власти Тюдоров от римлян, Плантагенетов и Ланкастеров, тем самым обосновывая легитимность династии.

У. Гаррисон упоминает о дубровнике и чертополохе, исключительно полезных в медицине, о трехсот видах растений из собственного сада размером «немногим больше трехсот футов»²³, замечая при этом, что множество трав, произраставших в садах Англии, неизвестно ни врачам, ни аптекарям²⁴.

В елизаветинской Англии выращивали ароматные чабрец, лаванду, розмарин, а также левкой, лилии и розы, предназначавшиеся не только для сугубо практического использования, но и в эстетических целях. Особенно это относится к

розам. Елизаветинские сады украшали шиповник, турецкая роза, дамасская роза, центифолия, йоркская и ланкастерская розы, из которых ежегодно производили сотни галлонов розовой воды, использовавшейся от кулинарии до косметологии. В условиях крайне низкого уровня личной гигиены её разбрызгивали в комнатах, протирали ею лицо, смачивали руки и волосы²⁵.

Повсеместно распространенными цветами, особенно в сельской местности, были гвоздики, включая турецкую, анютины глазки, розовая шток-роза, желтофиоли, лютики, водосбор, примулы, фиалки, ландыши, бархатцы, бледно-желтые нарциссы, пионы, маки, львиный зев и желтый аконит²⁶.

У. Гаррисон отмечает, что кроме цветов его современники стремились выращивать в садах «множество требующих особенно тщательного ухода растений, обладающих редкими лечебными свойствами»²⁷. К таковым следует отнести марену, которая в изобилии произрастает в Англии (автор не упоминает, что она была завезена на Британские острова), но которой «...долгое время пренебрегали»²⁸. Известно, что она обладает лекарственными свойствами, но также может применяться в качестве красителя, придающего тканям ярко-красный цвет²⁹.

У. Гаррисон пишет, что англичане со всей серьезностью относились к выращиванию в своих садах лекарственных растений. Все новые семена трав купцы привозили из других стран – из Индии, Америки, острова Тапробана³⁰, Канарских островов, и вообще «всех частей мира»³¹, что актуально в контексте Великих географических открытий, «отдавая предпочтение тем, которые обладают полезными свойствами»³². Он упоминает, что видел в некоем саду около 300 или 400 видов таких растений, о половине из которых англичане не имели никакого представления еще в первые десятилетия XVI столетия³³. Это очевидное свидетельство развития медицинских познаний на протяжении XVI в.³⁴

Вполне естественно, что елизаветинские садоводы уделяли много времени и сил уходу за растениями, добиваясь нередко поразительных результатов. По словам У. Гаррисона, травы «стали устойчивыми к вредным воздействиям и защищены от гнили»³⁵, а отдельные растения из однолетних стали, как он пишет, «вечными»³⁶. Произошло это благодаря труду, знаниям (даже лавки аптекарей были полезны садовникам³⁷), наблюдательности («воду, оставшуюся после мытья посуды», часто используют для ухода за некоторыми растениями³⁸) и терпению английских садоводов. У. Гаррисон буквально восхищается тем, что они излечивают деревья и прочие растения от болезней и хворей и делают это «с не меньшим старанием, чем доктора трудятся над нашими телами»³⁹.

Особое внимание У. Гаррисон уделяет плодовым деревьям и овощным культурам. С восхи-

щением и гордостью он рассказывает об успехах англичан, выращивавших в своих садах яблони, сливы, груши, грецкие орехи, фундук, а также кизил, абрикосы, персики, апельсины, лимоны, инжир, миндаль, каперсы и дикие маслины⁴⁰. Постепенно они научились не только прививать дикие плодовые деревья, но и выводить гибриды. При этом, как пишет У. Гаррисон, могли добиться того, что «одно дерево плодоносило четырьмя различными плодами, а один и тот же фрукт имел разный вкус и цвет»⁴¹. Он с восхищением замечает, что из твердых фруктов садовники научились делать мягкие и нежные, из кислых – сладкие, а те, которые и так были сладкими, приобрели еще более тонкий вкус; некоторые плоды лишили ядер и наделили их благоуханием мускуса или сладких специй⁴². По словам У. Гаррисона, его современники часто содержали специальные трактаты, в которых содержались рекомендации, например, как «преобразовать ядро персика в миндаль, маленькие фрукты сделать намного больше, удалить и добавить необходимой влаги деревьям»⁴³. Благодаря мастерству английских садоводов вкус многих выращиваемых плодов действительно улучшился, а некоторые ягоды (крыжовник, клубника, малина) и фрукты приобрели популярность в этот период. Это ли не свидетельство возросших интеллектуальных запросов и уровня образованности елизаветинских англичан на фоне кардинальных преобразований, которые претерпевает наука в раннее Новое время: её основным инструментом становится разум, а неотъемлемыми элементами – опыт и эксперимент. Наука приближается к практике, появляется мысль о том, что главная её цель – улучшение человеческого существования⁴⁴.

Таким образом, У. Гаррисон как представитель антикварного сообщества конца XVI в. собрал свидетельства и составил подробное описание всего того, что относится к увлечению англичан его времени садоводством. При этом он не только познакомил читателей со множеством самых разнообразных растений, традиционно произраставших в садах англичан и завезенных в результате освоения Нового Света, и достижениями его современников в садоводстве, основанными на практическом применении научных знаний. У. Гаррисон также использовал собранный и систематизированный им материал для обоснования преемственности английской истории и власти Тюдоров от героических римских времен, времени правления Плантагенетов и Ланкастеров.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998 ; Дмитриева О. В., Федосов Д. Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // Всемирная история : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин,

- М. А. Юсим. М., 2013. С. 193–211 ; *Юсим М. А.* События и перемены в духовной жизни Европы : Возрождение, Реформация, Контрреформация // Там же. С. 67–81.
- 2 См.: *Woolf D.* The Social Circulation of the Past : English historical culture, 1500–1730. Oxford : Oxford University Press, 2003 ; *Broadway Ja.* «No Historie So Meete» : gentry culture and the development of local history in Elizabethan and Early Stuart England. Manchester : Manchester University Press, 2006 ; *Smyth A.* Autobiography in Early Modern England. Cambridge, 2010. О связи национальной идентичности и исторической памяти см., напр. : *Ретина Л. П.* Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2016. Вып. 54. С. 9–15.
  - 3 См.: *Горелов М. М.* Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени : Полидор Вергилий // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 41. С. 235–256.
  - 4 См.: *Vine A.* In Defiance of Time : antiquarian writing in Early Modern England. Oxford : Oxford University Press, 2010.
  - 5 См.: *Carley J. P.* John Leland's Cygnea Cantio : a neglected Tudor river poem // *Humanistica Lovaniensia*. 1983. № 32. P. 225–241 ; *idem.* John Leland (1503? – 18 April 1552) // *Sixteenth-Century British Nondramatic Writers. Second Series. Dictionary of Literary Biography / ed. D. A. Richardson. Vol. 136. Detroit, 1994. P. 224–229.*
  - 6 См.: *John Stow (1525–1605) and the making of the English past : studies in early modern culture and the history of the book / eds. Ia. Gadd, A. Gillespie. L., 2004 ; Gordon A.* Writing Early Modern London. Memory, Text and Community. Basingstoke, 2013. Ch. 3 : John Stow and the Textuality of Custom.
  - 7 См.: *Es B. van.* Raphael Holinshed and Historical Writing // *The Oxford Handbook of English prose 1500–1640 / ed. by A. Hadfield. Oxford, 2013. P. 310–325.*
  - 8 См.: *Терентьева Е. А.* Рассуждение о методе Уильяма Кемдена // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 51. С. 300–309.
  - 9 См.: *Зверева В. В.* Антикварианизм XVI–XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления : Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 756–758.*
  - 10 Там же. С. 759.
  - 11 Там же. С. 760.
  - 12 См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015. С. 39.
  - 13 *Harrison W.* A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // *The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3. N. Y. : P. F. Collier & Son Company, 1909–1914 ; N. Y. : Bartleby.com, 2001. URL: www.bartleby.com/35/3/ (дата обращения: 12.03.2015).*
  - 14 См.: *Дубовская Я. Ю.* У. Гаррисон о культуре питания англичан // *Новый век : история глазами молодых : межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2013. Вып. 12. С. 39–51 ; Она же.* Англия второй половины XVI века в описании современника. Саратов, 2016. URL: https://ridero.ru/books/angliya_vtoroi_pолоviny_xvi_veka_v_opisanii_sovremennika/ (дата обращения: 26.06.2016).
  - 15 См.: *Бартон Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / пер. с англ. М., 2005. С. 192, 193.
  - 16 См.: *Чернова Л. Н.* Культурное пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 39.*
  - 17 *Harrison W.* A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // *The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3 : Of Gardens and Orchards. URL: http://www.bartleby.com/35/3/3.html (дата обращения: 12.03.2015).*
  - 18 Ibid.
  - 19 См.: *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С. 153.
  - 20 См.: *Бартон Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. С. 194.
  - 21 См.: *Чернова Л. Н.* Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 32.*
  - 22 См.: *Harrison W.* A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // *The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3 : Of Gardens and Orchards. URL: http://www.bartleby.com/35/3/3.html (дата обращения: 12.03.2015).*
  - 23 Ibid.
  - 24 Ibid.
  - 25 См.: *Бартон Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. С. 209, 226.
  - 26 Там же. С. 226.
  - 27 *Harrison W.* A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // *The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3 : Of Gardens and Orchards. URL: http://www.bartleby.com/35/3/3.html (дата обращения: 12.03.2015).*
  - 28 Ibid.
  - 29 Фукус – это красная краска, которую получали из марены и широко использовали в косметологии для придания женским губам и щекам желаемого оттенка.
  - 30 Остров в Индийском океане, описанный античными географами. Страбон помещает его к югу от Индии. С Тапробаны в Индию доставляли слоновую кость и черепаха. Среди исследователей нет единого мнения относительно локализации острова. Одни отождествляют его со Шри-Ланкой, другие с Суматрой, а третьи полагают, что речь идет о вымышленном острове.
  - 31 *Harrison W.* A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // *The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3 : Of Gardens and Orchards. URL: http://www.bartleby.com/35/3/3.html (дата обращения: 12.03.2015).*
  - 32 Ibid.
  - 33 Ibid.
  - 34 См.: *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Развитие и успехи медицины в XVI–XVII веках // *Всемирная история : в*

6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 96–102.

³⁵ *Harrison W. A Description of Elizabethan England written for Holinshed's Chronicles // The Harvard Classics. Vol. 35. Part 3 : Of Gardens and Orchards. URL: <http://www.bartleby.com/35/3/3.html> (дата обращения: 12.03.2015).*

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ См.: *Бовыкин Д. Ю. Научная революция // Всемирная история : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 82.*

Образец для цитирования:

Мелихова П. В. Повседневная жизнь елизаветинской Англии в антикварном дискурсе конца XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 436–440. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-436-440.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(420+47+57)

ВХОЖДЕНИЕ БРИТАНСКИХ ВОЙСК В ИРАН В АВГУСТЕ 1941 ГОДА

Ю. Г. Голуб

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье на основе донесений фельдмаршала А. Уйэвелла военному министру Великобритании Дж. Григу рассматриваются подготовка и осуществление ввода британских сил в Иран в августе 1941 г. в рамках совместной операции с Красной армией.

Ключевые слова: Великобритания, Иран, СССР, Германия, Турция, А. Уйэвелл, Э. Куинан, У. Слим, Вторая мировая война.

The Invasion of British Troops in Iran in August 1941

Yu. G. Golub

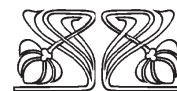
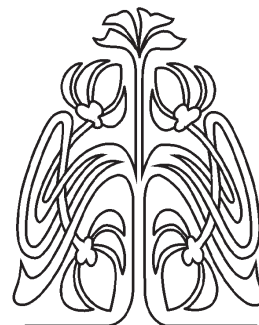
In the article based on the Field Marshal Wavell's reports to the War Secretary P. J. Grigg the author is considering preparation and realization of the invasion of British forces in Iran in August 1941 within the joint operation with the Red Army.

Key words: Great Britain, Iran, USSR, Germany, Turkey, A. Wavell, E. Quinan, W. Slim, Second World War.

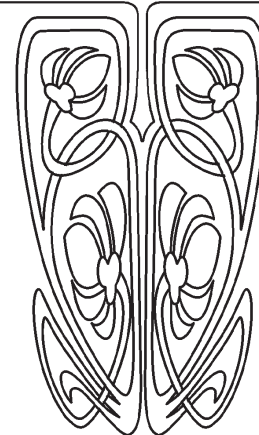
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-441-448

К лету 1941 г. Вторая мировая война стремительно набирала обороты, продолжая втягивать в водоворот глобального противоборства все новые страны и народы. Театры военных действий все более отдалялись от основных участников схватки, создавая для них растущие логистические сложности и напряжение с военными ресурсами для ведения боевых действий на новых территориях. Военно-политическому руководству воевавших (и не только воевавших) держав приходилось искать ответы на возникавшие изменения в стратегическом раскладе сил. В тот момент это, прежде всего, касалось Лондона. Британская империя, в одиночку противостоявшая державам «оси», должна была попытаться «сыграть на упреждение» и не допустить дальнейшего ослабления своих позиций. Именно под этим углом зрения следует рассматривать многие действия Даунинг-стрит в этот период времени, особенно на Среднем и Ближнем Востоке.

Ситуация там летом 1941 г. была достаточно неоднозначна. Она определялась, с одной стороны, подавлением британскими войсками антиправительственного мятежа в Ираке, их успехами в борьбе с «вишистами» в Сирии, некоторой стабилизацией в схватке с итало-германскими силами в ливийской пустыне¹. С другой стороны, заключение германо-турецкого договора о дружбе и ненападении от 18 июня 1941 г. не могло не вызвать озабоченности Великобритании дальнейшей судьбой ее союзнических отношений с Турцией² и перспективой появления вермахта в Анатолии³. Нацистский же удар по СССР, стремительное продвижение германских вооруженных сил к жизненным центрам Советского Союза и вероятность его возможного поражения могли иметь своим следствием выход вермахта в Закавказье. То есть к границам Ирана, который, несмотря на провозглашенный нейтралитет, весьма благосклонно относился к Берлину. Все это могло создать реальную

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

угрозу британскому присутствию в этом регионе, располагавшему колоссальными запасами нефти и главное – функционированию крупнейшего в мире нефтеперерабатывающего завода в иранском Абадане, который обеспечивал топливом все британские силы на Среднем и Ближнем Востоке. Переход же Тегерана в таком случае к откровенно союзническим отношениям с Берлином, или немецкая оккупация Ирана, имевшего протяженную границу с Британской Индией, стало бы настоящим кошмаром для Лондона. Отсюда понятно пристальное внимание британцев к ситуации в Иране⁴. Тем более что, по мнению британских военных аналитиков, все действия Германии свидетельствовали о ее устремленности на Ближний и Средний Восток⁵.

Неудивительно поэтому, что вступление Советского Союза в войну с Германией и налаживание союзнических отношений между СССР и Великобританией, позволило Лондону выразить Москве свою озабоченность перспективой немецкого усиления в Иране⁶. При этом поначалу британское правительство, тем не менее, исходило из возможности в случае крайней необходимости самостоятельного устранения этой угрозы. В силу этого в штабе британских войск на Ближнем Востоке в Каире был разработан чрезвычайный план противодействия возможному прорыву вермахта на Кавказ или в Турцию. План предусматривал как оборону северного Ирака, так и наступление британских войск в северный Иран⁷.

Известия о британских планах относительно Ирана на фоне выстраивания союзнических отношений Лондона и Москвы вызвали серьезную озабоченность Резы-шаха, вынуждали его быть предельно внимательным и демонстративно лояльным к представителям противоборствующих в шедшей войне сторон. Вот почему шах дал поручение своему послу в Лондоне убедиться в достоверности британских намерений относительно Ирана. 30 июня 1941 г. посол Ирана М. Моггадам посетил Форин офис для встречи с министром иностранных дел А. Иденом. Он попробовал выяснить позицию Великобритании в связи с расширением круга вовлеченных в войну стран, а если получится – найти подтверждение английским планам ввода войск в Северный Иран, о которых стало известно Тегерану. В свою очередь, Иден постарался довести до иранского посла мысль, что если вермахт захватит Кавказ, то Иран не избежит серьезных последствий. Продолжая британскую линию, министр попросил Моггадама убедить свое правительство в необходимости «освободить страну» от многочисленных представителей Германии, работавших в Иране⁸.

Несколькими днями ранее, 26 июня, аналогичный демарш предприняло и Советское правительство⁹. Стало очевидным, что началась весьма непростая дипломатическая схватка за предпочтения Тегерана¹⁰. Она будет продолжаться без малого два месяца и выльется, в конечном счете,

в силовую акцию советских и британских войск в Иране в августе 1941 года.

В связи с этим следует отметить, что если проблематика, связанная с иранским походом Красной армии, получила в последние годы определенное рассмотрение в отечественной литературе¹¹, то вопросы участия британских войск в рамках союзной операции в Иране пока остаются на периферии внимания российских историков. Данная статья и призвана в какой-то степени восполнить этот пробел. Ее документальной основой послужили донесения А. Уэйвелла¹², главнокомандующего британскими силами в Индии, Ираке и Иране, военному министру Дж. Григу¹³.

Установление союзнических отношений между Советским Союзом и Великобританией, в том числе на основе совпадения позиций относительно недопущения немецкого присутствия в Иране, создавало основу для проведения совместной военной акции в этой стране в случае неудачного исхода дипломатического давления на Тегеран. Нельзя не отметить, что договоренность о проведении военной операции двумя странами существенно облегчала положение Великобритании, не располагавшей достаточными силами в Ираке для успешного одностороннего вторжения в Иран¹⁴. Договоренность с СССР была важна и еще по другой причине. У Лондона отсутствовали необходимые правовые основания для этого, в то время как у Москвы в соответствии с советско-иранским договором 1921 г. основания для ввода войск имелись. Вот почему в Лондоне возобладала точка зрения, что «было очень важно делать все это совместно с русскими и убедить их не действовать раньше нас или независимо от нас как по дипломатической, так и по военной линии»¹⁵.

По мере формирования согласованного алгоритма действий в отношении Тегерана союзники вели свои приготовления для ввода при необходимости своих войск в Иран.

22 июля 1941 г. командующий британскими силами в Ираке генерал-лейтенант Э. Куинан¹⁶ получил указание быть готовым занять иранские города Абадан и Нафтишах, а затем и нефтяные месторождения в юго-западном Иране¹⁷. Через день, 24 июля, приказ был скорректирован. В новом указании было обращено внимание на то, что пока речь идет не о собственно военной операции, а лишь о демонстрации силы для подкрепления дипломатических шагов Лондона и Москвы, потребовавших высылки граждан стран «оси» из Ирана. Было отмечено, что войска же будут задействованы лишь в случае, если дипломатическое давление союзников не даст результата¹⁸.

Генерал сразу же приступил к выполнению задания. Он приказал начать подготовку к концентрации ударных сил на иракской границе в районе г. Басра для захвата иранских нефтепромыслов и г. Абадана. Группировка должна была включить в свой состав британские силы, сформированные из индийских частей и соединений : пехотную

дивизию, механизированную кавалерийскую бригаду и два бронетанковых полка. Воздушную поддержку предполагалось обеспечить одной эскадрильей ВВС. Перед военно-морскими силами в этом районе ставилась задача обеспечить десантирование двух пехотных рот для захвата города Бендер-Шахпура, и главное, – порта и находившихся там торговых судов немцев и их союзников. Проинформировав о своих действиях вышестоящий штаб, генерал-лейтенант Куинан получил указание, чтобы названные силы были готовы вступить в Иран во второй неделе августа. При этом было обращено внимание на то, что пока войска не должны быть сосредоточены в районе Басры до получения дальнейших приказов. Кроме того, Куинану было предписано быть готовым послать небольшие силы для захвата нефтепромыслов в районе Нафтишаха, а также выделить один пехотный батальон для занятия Бушира¹⁹.

Учитывая ограниченность сил, изначально находившихся под командованием Куинана, для решения поставленных задач в его распоряжение была передана дислоцированная в Палестине 4-я кавалерийская бригада (позднее переименованная в 9-ю бронетанковую бригаду)²⁰.

Между тем 28 июля в Лондоне под председательством министра иностранных дел состоялось заседание комитета начальников штабов, на котором было решено, что британская нота Ирану должна быть вручена приблизительно 12 августа²¹. Уже на следующий день информация об этом поступила в штаб британских войск в Ираке. В связи с этим генерал-лейтенант Куинан приказал завершить предварительное развертывание своих войск к этой дате.

Пока в Ираке шел непростой процесс сбора сил вторжения в Иран в Лондоне продолжалось обсуждение основ британской военной стратегии в целом на Среднем Востоке. Именно этому было посвящено совещание в загородной резиденции премьер-министра Чеккерсе 2 августа 1941 г. В связи с очевидной актуальностью наиболее важным предметом обсуждения стал Иран и британские действия в связи с ростом немецкого влияния в этой стране. Перед командующими британскими силами в Индии и на Среднем Востоке был поставлен вопрос о том, какие войска они смогут выделить для возможной операции в Иране. На совещании возобладала точка зрения, что предполагавшиеся на той стадии военные действия могли быть лишь строго ограниченными. Речь шла об оккупации Абадана и прилегавших к нему нефтяных промыслов²².

Тем временем, пока в Лондоне обсуждали вопросы стратегии, в штабе британских сил в Ираке шла работа над планом предстоявшей иранской операции. 8 августа его предварительный вариант был отправлен на согласование. В соответствии с разработанным штабом Куинана планом намечалось два направления вторжения на иранскую территорию. Одно – на юге, где,

немного не достигая Персидского залива, воды Тигра и Евфрата сливались в реку Шатт-эль-Араб, восточный берег которой принадлежал Ирану и на котором располагались два крупных порта – Абадан и Хорремшехр. Другое – на западе, через проходы в горном массиве Загрос²³.

Конкретно на юге в день начала операции предполагалось группой не менее батальона из 24-й пехотной бригады, поддержанной королевским флотом, двигаясь по реке Шатт-эль-Араб, с рассветом захватить, прежде всего, Абаданский нефтеперерабатывающий завод – бывшее крупнейшее в своем роде предприятие. Другим батальоном этой же бригады вместе с эскадром разведывательной кавалерии предполагалось захватить расположенный чуть севернее Абадана г. Хоремшехр. Одновременно должно было происходить продвижение группы, состоявшей из 25-й пехотной бригады и 13-го уланского полка к г. Ахвазу, а оттуда к нефтепромыслам Хафт Ке с последующим разъединением сил по направлению к насосным станциям Кут Абдуллах и Доркуэйн. Наступательные действия войск должны были поддерживаться авиацией²⁴.

Параллельно с наступлением на юге, на западе 2-я бронетанковая бригада вместе с 14/20 гусарским полком должна была захватить города Нафтишах и Касре-Ширин. С захватом Нафтишаха без промедления должно было быть принято продвигаться в район Гилана, затем переход к Шахабаду в качестве подготовки плацдарма генерального наступления на Керманшах. В последнем случае предполагалось задействовать и 9-ю бронетанковую бригаду. При отсутствии серьезного сопротивления поддержка авиации не планировалась²⁵.

В соответствии с разработанным планом началось сосредоточение британских сил и средств для проведения операции. Генерал-лейтенант Куинан проинформировал своего коллегу, командующего британскими силами в Палестине и Трансиордании, что он будет нуждаться в 9-й бронетанковой бригаде, которую он предложил перебросить в иракский город Киркук, недалеко от иранской границы. Он также приказал, чтобы 13-й уланский полк, в свою очередь, прибывший из Сирии, и разведывательный кавалерийский эскадрон, расквартированный на базе британских ВВС Шайба около Басры, присоединить к 8-й дивизии. 25-я пехотная бригада (фактически, менее одного батальона) также была перебросена из Сирии на базу в Шайбу. В этом же районе Шайба – Басра уже располагалась 24-я пехотная бригада. Туда ожидалась и 18-я пехотная бригада, которая должна была прибыть из Индии 10 августа. Это позволяло завершить доукомплектование 8-й дивизии²⁶.

11 августа из Палестины в приграничные иракские города Киркук и Ханакин прибыла 9-я бронетанковая бригада. В тот же день уже с наступлением темноты две роты 2-го батальона

10-го Белуджского полка погрузились на австралийское судно «Канимбла», которое той же ночью покинуло порт²⁷.

Поскольку план операции против Ирана предполагал наступление по двум направлениям, командующий британскими войсками в Ираке генерал-лейтенант Э. Куинан решил возложить командование всеми операциями в южном Иране, включая захват Абадана, на генерал-майора С. О. Харви, командира 8-й дивизии. Операции в районе Нафтишаха были переданы под командование бригадного генерала Дж. А. Айзлевода, командира 2-й бронетанковой бригады, чьи силы состояли из 2-й бронетанковой бригадной группы (численностью менее двух полков), двух пехотных батальонов и одной средней батареи. Для операций в южном Иране намечалось задействовать и воздушный компонент. К 12 августа на базе ВВС в Шайбе предполагалось сосредоточить одну армейскую объединенную эскадрилью, одну истребительную эскадрилью, одну бомбардировочную эскадрилью и 6 тяжелых бомбардировщиков²⁸.

Военные приготовления активизировались и в Иране, вооруженные силы которого летом 1941 г. по оценке посольства США в Тегеране насчитывали порядка 126 тысяч человек. Шестнадцать армейских дивизий были рассредоточены в своих гарнизонах по всей стране²⁹. Поскольку британские наступательные намерения становились все более очевидными, шах под давлением своих генералов согласился сконцентрировать дополнительные силы вдоль основных подходов из Ирака в горах Загрос. Туда были передислоцированы 5-я и 12-я иранские дивизии. На юг в г. Ахваз было решено послать танковые подразделения из 1-го пехотного полка Пехлеви в Тегеране³⁰.

Генерал-майор Х. Могадам, командир 5-й дивизии, был назначен командующим всеми иранскими силами вдоль границ с Ираком. На юге 6-я дивизия, пополненная двумя полками из 1-й дивизии и полком из 15-й дивизии, была повсеместно рассредоточена на западе провинции Хузистан. Могадам попытался укрепить оборону этих войск. Учитывая пустынный характер местности, он приказал вырыть противотанковые рвы и окопы, чтобы блокировать подходы из центрального Ирака и Басры. Иранская армия состояла в основном из сухопутных сил. ВВС включали в свой состав в основном устаревшие бипланы (около 120 самолетов) и, конечно, существенно уступали по боевым возможностям британской авиации. К тому же никакой их передислокации в связи с возможным британским вторжением не было произведено. В отличие от ВВС иранский военно-морской флот, располагавший двумя сторожевыми кораблями, четырьмя канонерскими лодками и несколькими вспомогательными судами, предпринял ряд мер, чтобы повысить свою боеготовность³¹.

Командующий флотом контр-адмирал Г. А. Байендор был назначен руководить обороной района Хоремшехра – Ахваза, помимо морских

сил под его командование перешла бригада из 6-й дивизии. Байендором были предприняты меры по усилению защиты важнейшего объекта в Абадане – нефтеперерабатывающего завода, а также создана линия пулеметных, зенитных и артиллерийских позиций по всему берегу между двумя иранскими портами. В обороне Абадана и Хоремшехра предполагалось задействовать и сторожевые корабли с их четырехдюймовыми орудиями³².

За оборону остальной части провинции Хузистан ответственным был назначен генерал-майор М. Шахбахти, командир 6-й дивизии. Под его началом оказались плохо обученные части, испытывавшие нехватку офицеров. Многими ротами в его дивизии командовали унтер-офицеры. Правда, дивизия была пополнена пехотой, 8 средними и 8 легкими танками и 10 бронемашинами, присланными из Тегерана. Бронетехника была сомнительным пополнением, поскольку экипажи, особенно водители, были плохо обучены³³. Дивизия Шахбахти могла рассчитывать на поддержку 4-го авиационного полка, эскадрильи которого в Ахвазе насчитывали около 20 бипланов. В силу своей технической отсталости им даже не удалось предотвратить британские разведывательные полеты в дни накануне наступления.

Накануне британского вторжения, вероятность которого становилась все более очевидной, иранские силы не были переведены в состояние повышенной боеготовности. Хотя иранские солдаты были развернуты в окопах и на оборудованных позициях, в целом никто из них не подозревал о надвигающейся атаке. Например, в Абадане, главной цели британского наступления, хотя ключевые посты вдоль береговой линии были усилены, большая часть гарнизона находилась в своих казармах восточнее города, а их вооружение было заперто в арсеналах.

Примерно такая же ситуация с готовностью к отражению британского наступления была и вдоль центрального участка ирано-иракской границы. Лишь артиллерия выдвинулась на позиции, чтобы поддержать 12-ю дивизию вдоль дороги Касре-Ширин – Керманшах³⁴.

Вот таков был расклад противостоявших сил накануне возможной британской атаки 12 августа. Всего британско-индийские силы имели около 19 тысяч, иранцы порядка 30 тысяч³⁵. Численное превосходство иранской армии нивелировалось технической отсталостью боевой техники и вооружений, к тому же фактическое превосходство британцев в этом отношении усиливалось тем, что значительная часть штатного вооружения иранских войск была попросту неисправна.

12 августа ожидавшееся вручение иранской стороне британской и советской нот, согласованного содержания, не состоялось. Это произошло 16 августа. Спустя несколько дней, ушедших у Тегерана на подготовку ответа, 21 августа генерал Куинан был проинформирован о том, что ответ на демарш союзников был неудовлетворительным,

и что в связи с этим вхождение объединенных англо-советских сил в Иран должно начаться 22 августа. Куинан немедленно отдал все необходимые приказы³⁶. Однако в последний момент дата наступления была вновь перенесена (об этом попросила советская сторона) и назначена на 25 августа³⁷.

С рассветом 25 августа началось вхождение войск союзников в Иран, соответствующие ноты об этом на исходе ночи были вручены в Тегеране иранскому премьер-министру А. Мансуру и иранскому послу в Москве М. Саеду³⁸. С Закавказья на территорию Ирана вошли соединения и части Красной армии, с запада и юга – британско-индийские войска.

Операции развивались в соответствии с намеченными планами. 24-я пехотная бригада (численностью менее одного батальона) с наступлением темноты погрузилась на военное судно и высадилась в Абадане³⁹ в 4 часа 10 минут утра 25 августа. В известном смысле иранцы были застигнуты врасплох: большинство гарнизона еще спало в своих казармах. Однако вдоль причалов завязались схватки, особенно в местах, где были оборудованы иранские пулеметные гнезда. Начались уличные бои. Поскольку британцы были, прежде всего, озабочены сохранностью объектов нефтеперерабатывающего завода, они были стеснены в использовании корабельной артиллерии и бомбардировочной авиации и не смогли в течение светового дня 25 августа полностью овладеть городом, как намечалось по плану. Отказавшись от ночной зачистки острова, наступавшие ограничились выставлением кордона вокруг НПЗ – главной цели всех их усилий. Весь следующий день был потрачен на установление полного контроля над всем островом Абадан, на котором располагался одноименный город.

Одновременно с атакой иранских портов с реки британские силы, включавшие, как уже отмечалось, в основном индийские подразделения, в ночь с 24 на 25 августа двинулись там же на юг через иранскую границу и по суше. 18-я пехотная бригада (численностью менее одного батальона), которой для усиления были приданы один батальон 24-й пехотной бригады, кавалерийский эскадрон и батарея полевой артиллерии, выдвинулась с базы Танумах, расположенной прямо напротив Басры на левом берегу Шатт-эль-Араб. Эти силы, двигаясь на север через пустыню, и встречавшиеся водные препятствия довольно легко преодолели иранские оборонительные позиции и в 4 утра вошли в г. Хоремшехр. Операции по зачистке были отложены из-за значительного числа арабов, которые присоединились к бою на стороне иранцев в пальмовых рощах. 26 августа была наведена переправа через реку Карун. И уже после полудня 27 августа 18-я бригада с колонной грузовиков переправилась через реку, выйдя за пределы Доркуанской насосной станции, расположенной на полпути к г. Азваз⁴⁰.

В свою очередь, 25-я индийская пехотная бригада вместе с 13 уланским полком под своим командованием также выдвинулась с базы Танумах и к полудню 25 августа захватила Каср Шейх. Оттуда она получила возможность прикрыть северный фланг наступавшей на Ахваз 18-й пехотной бригады. 26 и 27 августа передовые группы 25-й бригады провели разведку подходов к Ахвазу, и несколько ее подразделений двинулись вдоль западного берега реки Карун в направлении этого города, не дойдя в тот день до него примерно 40 км. А в ранние часы 28 августа началось продвижение к Ахвазу основных сил 18-й и 25-й бригад по восточному и западному берегам реки Карун соответственно. Их продвижение встретило некоторое противодействие со стороны иранской армии. Нельзя было исключить и более серьезных стычек на подступах к Ахвазу. Но когда войска подошли к городу, было получено известие от иранского парламентария о приказе шаха «прекратить огонь». Ввиду этого иранские войска прекратили сопротивление и вернулись в казармы в Ахвазе⁴¹.

Возвращаясь к событиям первого дня вторжения, нельзя не упомянуть о том, что 25 августа в 7.00 утра одна пехотная рота на шести транспортных самолетах «Валентиа» приземлилась в местечке Хафт Кел для захвата нефтепромыслов и защиты работавшего на них британского персонала. Находившиеся там женщины и дети были препровождены в более безопасное место – г. Масджид-е-Сулейман и в Хафт Кел. При приземлении два самолета потерпели аварию, но при этом никто не пострадал⁴².

Тогда же, 25 августа, была успешно проведена операция по захвату важного транспортного узла – города Бендер-Шахпур, расположенного на реке Шатт-эль-Араб на расстоянии приблизительно 100 км к юго-востоку от Ахваза и соответственно 65 км к северо-востоку от Абадана и являвшегося конечной станцией Трансиранской железной дороги, которая связывала побережье Персидского залива со столицей страны Тегераном. Как уже отмечалось, британские военно-морские силы (корабли «Энтерпрайз», «Хермес» и вспомогательное судно «Пирлиф») вышли из Басры еще в ночь с 11 на 12 августа. Они сопровождали вооруженное торговое судно «Канимбла», на борту которого находились две роты 3-го батальона 10-го Белуджского полка. Поскольку дата операции неоднократно переносилась, до момента начала ввода войск в Иран им пришлось курсировать в Персидском заливе. Флотилия подошла к гавани Бендер-Шахпура в ранние часы 25 августа. Одна рота высадилась в 7.15 утра и, встретив лишь незначительное сопротивление, в течение часа с небольшим захватила город. К этому времени десантировалась и вторая рота⁴³.

В целом можно констатировать, что, наступая в южном направлении, британские войска, преодолев не очень упорную в большинстве случаев оборону иранцев, в считанные дни установили

контроль над всеми стратегически важными объектами и городами.

Одновременно с атакой на юге Ирана британские силы, включавшие также в основном индийские подразделения, в ночь с 24 на 25 августа перешли западную иранскую границу. Там началась операция в районе Нафтишаха – прохода Пайтак. Она изначально не обещала быть легкой. Горные массивы в сочетании с узкими ущельями создавали в этом месте благоприятные условия для обороны. К тому же, по данным британской воздушной разведки, иранские войска сильно укрепили свои боевые позиции.

За несколько дней до наступления, 22 августа, из Киркука в Ханакин, поближе к иранской границе, была переброшена 9-я бронетанковая бригада. Она дополнила сформировавшиеся здесь ранее британские силы вторжения, включавшие 2-ю индийскую бронетанковую бригадную группу (численностью менее двух полков), 1-й батальон 5-го королевского гуркского стрелкового полка и 2-й батальон 7-го гуркского стрелкового полка⁴⁴.

23 августа генерал-майор У. Слим⁴⁵, командир 10-й дивизии, прибыл из Сирии и вступил в командование британскими войсками в Западном Ираке, которые были пополнены 21-й пехотной бригадой (фактически бывшей численностью с один батальон) и 157 полевым полком, дислоцированными в Хаббани и получившими приказ двинуться к Ханакину.

Сам генерал-майор Слим вместе со своим штабом прибыл в Ханакин 24 августа. Оценив ситуацию, он решил не вносить изменения в уже разработанный план по захвату г. Нафтишаха и последующему наступлению на г. Шахабад через г. Гилан. Генерал решил использовать 21-ю пехотную бригадную группу против иранских позиций в проходе Пайтак в сочетании с фланговым обходным движением через Гилан⁴⁶.

Нефтепромыслы Нафтишаха были захвачены практически сразу без особой борьбы уже в ранние часы 25 августа. Тогда же в 4.45 утра силами 14/20-го гусарского полка после их трудного ночного марша был практически окружен приграничный г. Касре-Ширин. И чуть позже город был занят британской колонной, наступавшей с юга. Эта колонна продолжила продвижение и к 15.30 25 августа достигла г. Сари-Пул Зухаб, расположенного всего лишь в пяти милях западнее прохода Пайтак⁴⁷.

Тем временем другая колонна британских войск, огибая Ханакин с юга, направилась к г. Гилану. Их силы фактически беспрепятственно достигли восточных окраин города. Но там они были остановлены плотным оружейным и противотанковым огнем противника. Предпринятые в тот же день три попытки засветло продвинуться дальше при поддержке легких танков окончились неудачей. Иранские войска, пользуясь покровом ночи, остались на своих позициях возле Гилана. Они были принуждены отступить лишь к полудню

26 августа. Воспользовавшись оставлением иранцами своих противотанковых позиций, британцы, не мешкая, продолжали свое движение от Гилана к г. Шахабаду. Их подразделения с лёгкостью миновали по ходу движения ряд оборудованных иранцами дорожных блокпостов, притом что горная местность позволяла защитникам закрепиться и, оказав сопротивление, затруднить или даже остановить движение наступавшей колонны. Этого не произошло, и 27 августа в 7.00 утра г. Шахабад был взят⁴⁸.

А вот ситуация в горном проходе Пайтак по другому сценарию. 21-я пехотная бригада (численностью менее одного батальона) в ночь с 25 на 26 августа достигла г. Сари-Пул Зухаб и стала разворачиваться к проходу Пайтак, открывавшему путь в центральную и северную части Ирана. Однако иранцам, расположившимся в хорошо укрепленных позициях, удалось задержать британские силы. Вечером 26 августа иранские позиции были подвергнуты бомбардировке самолетами британских ВВС. Удары с воздуха вынудили иранские войска поспешно покинуть позиции в проходе Пайтак в ночь с 26 на 27 августа. После чего 21-я бригада утром 27 августа двинулась, не встречая сопротивления, к г. Каринд (находившемуся почти в 500 км от Тегерана). В районе Каринда передовые отряды 21-й бригады встретили патрули 9-й бронетанковой бригады, в свою очередь посланные из Шахабада⁴⁹.

Чуть позже британские разведдозоры обнаружили, что отступившие иранские войска закрепились на высотах около селения Зибири, перекрыв дорогу из Шахабада в Керманшах. С этих позиций с утра 28 августа иранская артиллерия стала прицельно обстреливать дорогу, по которой двигались силы вторжения. Британцы были вынуждены прекратить движение и приступить к подготовке удара по вражеским позициям. Атака была назначена на 10.00 утра. Но незадолго до этого прибыл иранский майор с белым флагом. От имени своего командования парламентар предположил перемирие. В этот момент в распоряжение британских войск возле Зибири прибыл генерал-лейтенант Э. Куинан. Он застал генерал-майора У. Слива, все еще обсуждавшего условия прекращения огня иранским представителем. Вскоре условия перемирия были согласованы и одобрены главнокомандующим Куинаном. Куинан также приказал генерал-майору Слиму продолжить наступление и занять г. Керманшах и установить контроль за расположенным там нефтеперерабатывающим заводом. Территория завода была занята передовым отрядом 29 августа, а 30 августа в город вошли и основные силы 9-й бронетанковой бригады⁵⁰.

К этому времени советские войска, вступившие в Иран со стороны Кавказа, а затем и из Средней Азии, продвинулись в северные провинции страны – Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Хорасан. Скоординированное по времени наступление войск союзников вынудило иранское

командование расплыть свои силы и лишило возможности организовать должное сопротивление. Это и заставило иранские власти отдать приказ своим войскам прекратить боевые действия. 29 августа на всех направлениях наступления британских войск иранские подразделения запросили перемирия. В ходе происшедших за четыре дня боестолкновений с 25 по 28 августа было убито 22 (включая четырех умерших от ран) и ранено 42 британских и индийских военнослужащих⁵¹.

Заключение перемирия остановило боевые действия в момент, когда британские силы фактически выполнили намеченный план по установлению контроля над стратегически важными пунктами южного и западного Ирана. Однако на севере страны 29 августа сопротивление наступавшим частям Красной армии продолжалось. Иранские власти поначалу приказали своим войскам прекратить огонь лишь против британцев. На севере они запросили перемирие на следующий день, 30 августа. А 29 августа британским командованием было получено сообщение, что советские войска намерены выдвинуться из района Сенендеджа по направлению к Керманшаху и из Казвина на Хамадан. В связи с этим, действуя на опережение и, как доложил Уэйвелл в Лондон, «для установления дружеского контакта» с союзником генерал-майору Слимму, было приказано отправить в Хамадан силы под командованием бригадного генерала Айзлевуда в составе 14/20-го гусарского полка, гуркского батальона и артиллерийской части. Подразделения были также отправлены в Сенендедж и Казвин. Встреча с передовыми частями Красной армии произошла в Сенендедже в 22.00 29 августа и чуть южнее Казвина во второй половине дня 31 августа⁵².

Так для британцев фактически завершился основной этап операции, связанный с преодолением силового сопротивления иранской армии. Быстрота, с которой им удалось решить поставленные задачи, объяснялась не только слабостью противника, а прежде всего тем, что основные иранские силы были сконцентрированы на севере, пытаясь остановить мощное наступление трех советских армий. Им это не удалось, и 30 августа Тегеран запросил перемирия и там. Последующие действия союзников, включая совместное занятие Тегерана, не встретили противодействия иранцев и привели к смещению шаха. Но это предмет уже другой статьи.

Примечания

- 1 См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 145–155, 158–164.
- 2 См.: *Англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи* был заключён в Анкаре 19 октября 1939 г.
- 3 См.: *The Mediterranean and Middle East : Vol. II. The Germans Come to the Help of their Ally (1941) : History of the Second World War : United Kingdom Military Series* (Vol. II) L., 1956. P. 249. В ходе переговоров с турками о заключении договора о дружбе и ненападении Берлин потребовал транзита своих войск и военных грузов. См.: *Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941–1943 гг.)*. М., 1946. С. 11–12.
- 4 См.: *The Mediterranean and Middle East*. P. 252.
- 5 См.: *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М., 1967. С. 22.
- 6 См.: *Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986. P. 24 ; *Документы внешней политики (далее – ДВП)*. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 2 (2). М., 1998. С. 48.
- 7 См.: *Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945 : Campaign in Western Asia*. Calcutta, 1957. P. 125–126. **Между тем секретность штабных разработок сохранить не удалось.** Практически сразу об этом стало известно египетскому королю Фаруку. И он, обеспокоенный судьбой своего родственника-шаха (сын и наследник которого был женат на его дочери) через своего посла в Тегеране проинформировал Резу-шаха о деталях намечавшейся военной операции против Ирана. Египетский посол передал информацию зятю Фарука, наследному принцу Мохаммеду Реза. Тот, в свою очередь, предупредил своего отца-шаха. Изначально шах, был так раздосадован, что отказывался верить в эти известия, но принц убедил отца в достоверности информации. См.: *Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 57.
- 8 См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 56.
- 9 См.: ДВП. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. С. 257–260.
- 10 См.: *Голуб Ю. Г.* Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов, 2015.
- 11 См.: *Голуб Ю. Г.* Вхождение Красной армии в Иран : военная необходимость или политический расчет // *Великая Отечественная война в контексте российской истории*. Сб. науч. трудов. Саратов, 2000. С. 37–48 ; *Его же.* 1941 : Иранский поход Красной Армии : взгляд сквозь годы // *Российская история*. 2004. № 3. С. 20–27 ; *Голуб Ю. Г., Любин Д. М.* Закавказский фронт Великой Отечественной войны : участие войск фронта в иранской операции в августе 1941 года // *Доклады Академии военных наук*. 2005. № 3. С. 22–28 ; *Любин Д. М.* Ввод Красной Армии в Иран летом – осенью 1941 года : причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005 ; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. М., 2011 ; *Ходеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // *Военно-исторический журн.* 2011. № 9. С. 9–16 и др.
- 12 Уэйвелл, Арчибальд (1883–1950) – британский фельдмаршал. Участвовал в Первой мировой войне, в 1916–1917 гг. был британским военным атташе при штабе русской Кавказской армии. В июле 1939 г. назначен главнокомандующим британскими войсками на Среднем Востоке (район включал территорию от Северной Африки до Ирака). В июне 1941 г. назначен главнокомандующим в Ираке и Иране. В январе 1942 г. назначен Верховным Союзным командующим в Юго-Восточной Азии в войне против Японии. В марте

- 1942 года получил назначение главнокомандующим в Индии и Бирме.
- ¹³ Донесения А. Уэйвелла были опубликованы вскоре после окончания Второй мировой войны. См.: Despatch on operations in Iraq, East Syria and Iran, from 10 th april, 1941 to 12 th january, 1942 // The London Gazette : (Supplement). № 37685. P. 4093–4101. 13 August, 1946 (далее – Despatch).
- ¹⁴ Как отмечают британские исследователи Дж. Батлер и Дж. Гуайер, Британия имела очень мало свободных войск на Среднем Востоке и была озабочена тем, чтобы не связать предупредительными действиями в Иране больше допустимого минимума сил. См.: *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Указ. соч. С. 155.
- ¹⁵ *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Указ. соч. С. 155.
- ¹⁶ Куинан, Эдвард Пеллеу (1884–1960), британский генерал. Большую часть службы провел в Индии. В 1941 г. назначен командующим иракскими силами. В 1941–1942 – командующий «Пей-Форс» (Pai Force) в Иране и Ираке. После создания 10-й британской армии в Ираке стал ее первым командующим. В 1943 г. начальник Северо-Западного индийского командования. В конце того же года вышел в отставку. См.: *Залесский К. А.* Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. М., 2004.
- ¹⁷ См.: *Черчилль У. С.* Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3 : Великий союз. М., 1998. С. 250.
- ¹⁸ См.: Despatch 29.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ См.: Despatch 30 ; *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Указ. соч. С. 155.
- ²² См.: *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Указ. соч. С. 154.
- ²³ См.: Despatch 29.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ См.: Despatch 31.
- ²⁷ См.: Despatch 29.
- ²⁸ См.: Despatch 32.
- ²⁹ См.: *Ward S. R.* Immortal. A Military History of Iran and Its Armed Forces. Washington, 2009. P. 152.
- ³⁰ См.: Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945 : Campaign in Western Asia. P. 290–295 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 66, 80–85, 91, 97–98, 108.
- ³¹ См.: *Ward, S. R.* Op. cit. P. 152.
- ³² Ibid. P. 153.
- ³³ См.: Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945 : Campaign in Western Asia. P. 297.
- ³⁴ См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 152.
- ³⁵ См.: *Ward S. R.* Op. cit. P. 155.
- ³⁶ См.: Despatch 34.
- ³⁷ См.: *Голуб Ю. Г.* СССР и Великобритания на пути к операции «Согласие», август 1941 г. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 105–106.
- ³⁸ См.: *Голуб Ю. Г.* О встрече советского наркома и иранского посла 25 августа 1941 г. // Внешнеполитические интересы России : история и современность. Самара, 2016. С. 53–59.
- ³⁹ Город Абадан расположен фактически на границе с Ираком, на одноимённом острове в дельте реки Шатт-эль-Араб (Арвандруд), в 50 км от Персидского залива. В начале XX века в районе города были обнаружены богатые месторождения нефти. В 1909–1913 гг. Англо-персидская нефтяная компания построила здесь нефтеперерабатывающий завод, который к 1938 году стал крупнейшим предприятием данного профиля в мире.
- ⁴⁰ Despatch 36.
- ⁴¹ Despatch 37.
- ⁴² Despatch 38.
- ⁴³ Despatch 39.
- ⁴⁴ Despatch 40.
- ⁴⁵ Слим, Уильям Джозеф (1891–1970), британский военачальник, фельдмаршал. В годы Первой мировой войны участвовал в боях в Месопотамии и на полуострове Галлиполи, где был тяжело ранен и демобилизован по инвалидности. Однако ему удалось вернуться на службу. После начала Второй мировой войны в 1939 г. назначен командиром 10-й индийской бригады в Эритрее, возглавил наступление против итальянских войск в районе Галлабата. Был ранен в бою, а после выздоровления в 1941 г. получил в командование 10-ю индийскую дивизию в Сирии. В июне 1945 г. сменил О. Лиза на посту главнокомандующего наземными войсками союзников в Юго-Восточной Азии. С 1948 по 1952 начальник Имперского Генштаба. В 1952–60 гг. генерал-губернатор Австралии. См.: *Calvert M.* Slim, War Leader. L., 1973 ; *Lewin R.* Slim : The Standard Bearer : a biography of Field-Marshal Viscount Slim. L., 1976 ; *Miller R.* Uncle Bill : The Authorised Biography of Field Marshal Viscount Slim. L., 2013.
- ⁴⁶ *Slim W.* Unofficial History. 1959. P. 125 ; Despatch 41.
- ⁴⁷ Despatch 42.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Despatch 43.
- ⁵⁰ Despatch 43–44.
- ⁵¹ Despatch 45.
- ⁵² Despatch 46.

Образец для цитирования:

Голуб Ю. Г. Вхождение британских войск в Иран в августе 1941 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 441–448. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-441-448.

УДК 94 (73) |19|

РЕАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОГРАММЫ «ПУНКТА-4»: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (1950–1953 гг.)

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению особенностей процесса реализации программы помощи слаборазвитым странам, которая получила название «пункта-4» и осуществлялась правительством США в 1950–1953 гг. Особое внимание уделено исследованию специфических черт реализации программы в таких регионах, как Латинская Америка, Юго-Восточная Азия и Ближний Восток в контексте строительства послевоенного мирового порядка.

Ключевые слова: «пункт-4», администрация Г. Трумэна, послевоенный мировой порядок, техническая помощь, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток.

The Realization of the American «Point-4» Program: the Regional Specificity (1950–1953)

S. Yu. Shenin

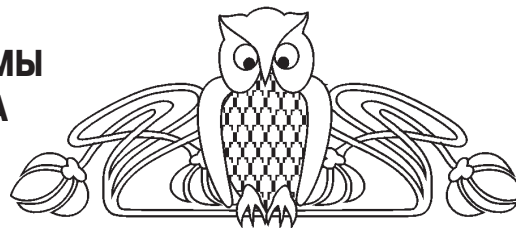
The article is devoted to the study of the regional realization specificity of the assistance program for underdeveloped countries, which was entitled «Point-4» and carried out by the U. S. Government in 1950–1953. Special attention is paid to researching the specific features of the program realization in such regions as Latin America, South-East Asia and the Middle East in the context of the postwar world order building.

Key words: «Point-4», Truman Administration, postwar world order, technical assistance, Latin America, South-East Asia, Middle East.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-449-453

Как известно, американская программа технической и экономической помощи под названием «пункт-4», инициированная президентом Г. Трумэном в январе 1949 г. и ликвидированная президентом Д. Эйзенхауэром в 1953 г., стала в определенном смысле фундаментом для всех последующих подобных мероприятий, осуществлявшихся правительством США в слаборазвитых странах во второй половине XX века. По сути, именно «пункт-4» стал той экспериментальной площадкой, работа на которой позволила американским политикам и экспертам начать изучение проблемы региональной специфики при планировании своих программ помощи¹.

Здесь необходимо отметить, что к моменту ликвидации программы «пункта-4» во второй половине 1953 г. ее проектами было охвачено 35 слаборазвитых стран. Приблизительно 2 500 американских специалистов работало в этих странах в качестве экспертов разных уровней. С их помощью осуществлялось 1 745 проектов технической

помощи. Правительства 34 стран отправили в рамках программы 2 862 своих специалистов на обучение в развитые страны Запада, в основном в США. В целом за три с половиной года существования программы Конгресс выделил на проекты технической помощи 475 млн долл. Кроме того, эти средства были подкреплены 525 млн долл. так называемой «специальной экономической помощи», выделяемой для закупок оборудования, материалов, технологий и т. п. За этот же период доля «самопомощи» стран-реципиентов в проекты «пункта-4» составила около 490 млн долл.²

На начало 1950-х гг. это были очень серьезные инвестиции, которые никак не могли характеризоваться как «гуманитарная помощь». Главное назначение этих инвестиций заключалось в формировании экономических основ нового мирового порядка, разделения труда в рамках структуры формирующейся глобальной торговли. Естественно, что разным регионам в системе послевоенного мирового порядка Вашингтоном была уготована и различная роль. В этом контексте «пункт-4» и его исполнительный орган ТСА (Technical Cooperation Administration – Управление по техническому сотрудничеству) играли уникальную роль, поскольку оставались по сути единственным реальным инструментом, способным учесть в этих планах региональную специфику.

Так, **регион Латинской Америки** был, по мнению американских стратегов, наиболее подготовленным к своей роли и в целом эту роль уже во многом выполнял как «хоздвор» экономики США. В регионе сохранялась достаточно стабильная ситуация: европейские страны оказались вытесненными, угроза коммунизма практически отсутствовала, а местный национализм был сравнительно слаб (к 1950 г. США сумели «поставить на место» даже строптивый режим генерала Перона в Аргентине) и находил свое выражение в основном в требованиях помощи латиноамериканским странам индустриализоваться.

Более того, уже после окончания Второй мировой войны администрация Г. Трумэна, настояв на создании в Латинской Америке свободного рынка сырья и промышленных товаров, по сути провела экспериментальную проверку своих бреттон-вудских замыслов (что впоследствии стало называться «либеральными реформами»). Результаты превзошли самые оптимистичные ожидания: сырьё в регионе резко упало в цене, а промышленные товары из Америки значительно подорожали. Соответственно большинство стран, имевших поло-

жительное внешнеторговое сальдо, обанкротилось и стало целиком зависеть от помощи США.

В этих условиях американские корпорации, и без того надёжно контролировавшие здесь экономическую ситуацию, заняли практически монопольное положение. Хотя внешнеполитическая стратегия США и ориентировалась на то, что в конечном итоге именно американский частный капитал должен был стать основным фактором специализированного развития слаборазвитых стран, оставлять его бесконтрольным было нельзя, даже в таких «тепличных» условиях: негативный социально-политический эффект от его не всегда дальновидной деятельности, часто перераставшей в безудержную эксплуатацию местных ресурсов, мог разрушить эту «идиллию» и спровоцировать перерастание местного экономического национализма в более радикальные политические формы, вплоть до коммунистических. Как утверждали эксперты госдепартамента, такое развитие было «очень трудно назвать сбалансированным»³.

Именно на предотвращение такой опасности и был в первую очередь нацелен «пункт-4» в Латинской Америке. Проекты ТСА должны были в определенной степени смягчить, «сдемпфировать» результаты деятельности американских корпораций. Поэтому в большинстве своем они ориентировались на решение наиболее острых проблем жизни сельского населения в сферах производства продовольствия, здравоохранения и образования, т. е. «на улучшение качества жизни». Кроме того, разрабатывались и осуществлялись проекты, направленные на совершенствование системы государственного управления (Public Administration), поскольку коррупция в этой сфере достигла огромных масштабов (в том числе и в связи с деятельностью американских корпораций), что могло стать фактором социальной дестабилизации.

С другой стороны, часть проектов направлялась непосредственно на поддержку и регулирование работы корпораций: для них разрабатывались аналитические обзоры, рекомендации, формировались различного типа инфраструктура и готовились местные кадры. Кроме того, ТСА в Латинской Америке осуществляло проекты по разведке и освоению тех видов сельскохозяйственного и минерального сырья, которые по разным причинам не интересовали американские корпорации, но которые были исключительно важны для экономики США, в том числе и с точки зрения «сырьевой безопасности». Такие проекты способствовали «втягиванию» как корпоративного, так и местного капитала в производство или добычу таких материалов.

И, наконец, проекты «пункта-4», направленные на улучшение продовольственной ситуации, повышения уровня здравоохранения и образования, имели своей целью совершенствование местного «человеческого материала», что, в свою очередь, было необходимо для увеличения отдачи от инвестируемого в регион американского частного капитала⁴.

В целом ситуация в Латинской Америке казалась незыблемой, поэтому вкладывать сюда большие бюджетные деньги ТСА не собиралось, учитывая, что кроме корпораций здесь давно и достаточно эффективно работали в сфере технической помощи миссионерские организации, различные негосударственные фонды и международные агентства. Соответственно финансирование проектов «пункта-4» было здесь более чем скромным, по сравнению с другими регионами – от 11 до 16 центов на душу населения. «Специальная экономическая помощь» для стран Латинской Америки не выделялась вообще. Те небольшие деньги, которые все же выделялись для технической помощи странам региона, распределялись ТСА более или менее равномерно между проектами в областях сельского хозяйства, здравоохранения, образования, промышленности и администрирования (36%, 22%, 16%, 26% соответственно), что свидетельствовало об отсутствии жестко сформулированных приоритетов⁵.

Еще одной особенностью программ «пункта-4» в регионе была очень низкая доля затрат на материально-техническую часть проектов. Здесь эта доля составляла всего 20–30%⁶. Многие сторонники «пункта-4» в Конгрессе ставили деятельность структур в Латинской Америке в пример другим региональным отделам ТСА как образец «чистой» рафинированной технической помощи – только передача знаний, умений, навыков, технологий без сомнительных попыток превратить этот тип помощи в канал перекачки денег⁷.

Более того, в этом регионе американская сторона научилась «выдавливаться» из местных властей долю «самопомощи», равную предоставляемой помощи⁸, и эта доля фактически закрепляла структуру местных инвестиционных приоритетов в пользу аграрного, сырьевого и социального секторов. Для администрации эта задача была крайне важна, поскольку в правящих кругах стран Латинской Америки велось очень много разговоров о необходимости провести индустриализацию, чтобы противостоять промышленному натиску США. Наконец, реализация «пункта-4» отличалась в регионе тем, что ТСА добились высокой степени координации усилий и разделения функций других агентств в сфере технической помощи, функционировавших под эгидой ООН и США⁹.

Таким образом, несмотря на то что национальные программы, осуществлявшиеся ТСА в странах Латинской Америки, отличались сравнительно высокой эффективностью, сами по себе они не были направлены «на концентрацию ресурсов» для «сбалансированного и комплексного развития страны или региона», как предполагал принятый в Вашингтоне Закон о международном развитии¹⁰. Это был, как правило, набор проектов, направленных на решение отдельных задач, связанных с деятельностью здесь американских сырьевых корпораций и ориентируемых, во-первых, на смягчение социальных последствий от перекосов,

вызванных экономической активностью корпораций и однобокой сырьевой ориентацией (например, Боливия – олово, Чили – медь, Бразилия и Колумбия – кофе, Куба – сахар, Гондурас – бананы, Венесуэла – нефть и т. д.); и / или, во-вторых, коррекцию сырьевой ориентации этих стран в сторону «стратегических потребностей» США, создание возможностей для диверсификации их экономик на случай необходимости переориентации¹¹.

На Ближнем Востоке ситуация была несколько иной и соответственно концепция деятельности ТСА имела здесь заметные отличия от лагиноамериканской. Хотя нефтяные корпорации США уже с начала 1930-х гг. проникли и успешно работали на Ближнем Востоке (особенно в районе Персидского залива), положение их было достаточно нестабильным из-за сложных отношений с местными элитами, считавшими, что корпорации должны оставлять им большую долю своих доходов, и из-за достаточно высокого уровня националистических настроений в регионе, имевших в основном антизападную направленность. После войны эти настроения обострились (хотя и не приняли радикальных форм) вследствие значительного снижения уровня жизни в результате катастрофических миграционных процессов, полного расстройтва рынков сбыта сырья и т. п.

Получив в результате англо-американских соглашений 1944–1945 гг. ближневосточный регион, фактически, в качестве своей сферы влияния, администрация Г. Трумэна пришла к выводу о необходимости более активной, чем это делали корпорации, разработки его нефтяных ресурсов для энергетического обеспечения процесса экономического восстановления Европы без использования для этого истощённых за время войны запасов Западного полушария. Политика эта проводилась с 1946 г. через поддержку деятельности американских сырьевых кампаний, правда, не очень активно. Однако начало Корейской войны и утрата краткосрочных перспектив в ЮВА подстегнули рост интереса вашингтонских политиков к Ближнему Востоку. Именно на этот период приходится критический момент формирования «сырьевой стратегии» США, связанный с возросшей вероятностью перерастания холодной войны в «горячую фазу». Ближневосточная нефть становится приоритетом «номер один».

Администрация, однако, вплоть до 1950 г. не располагала официальными каналами и государственными инструментами, позволявшими оказывать серьёзную техническую помощь и таким образом влиять на ситуацию в ближневосточных странах. Соответственно появление «пункта-4» в арсенале американского правительства оказалось не просто кстати – в значительной степени оно было продиктовано именно этой потребностью. Тем не менее размеры проблемы обеспечения стабильности в регионе были таковы, что программы технической помощи в рамках достаточно скромного финансирования ТСА явно были не в состоянии ее решить¹².

Поэтому по замыслу стратегов из госдепартамента в нефтедобывающих странах региона, где влияние США было достаточно велико (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн и другие страны Персидского залива), проблемой стабилизации и повышения жизненного уровня должны были заняться сами американские сырьевые корпорации. Чтобы обуздать близорукий эгоизм последних, правительство США вынудило их пойти на крупные уступки. Так, в декабре 1950 г. было подписано соглашение с местными властями о том, что американские компании должны платить пятидесятипроцентный налог с продажи добываемой здесь нефти, и это надолго гармонизировало отношения США и стран Залива. Именно эти колоссальные деньги должны были обеспечить экономическое развитие региона безо всяких серьёзных реформ.

В ответ на эту «жертву» корпораций американское правительство создавало для них благоприятный налоговый режим и даже старалось не замечать некоторые нарушения американских законов¹³. Кроме того, администрация через программы «пункта-4» способствовала созданию здесь благоприятных институциональных условий для их работы – эксперты ТСА активно занимались созданием в этих странах Ближнего Востока денежно-финансовой, банковской и налоговой систем, помогали создавать нужную для корпораций материальную инфраструктуру.

В то же время в тех странах Ближнего Востока, куда корпорации идти не хотели, где нефти не было, но от спокойствия в которых зависела стабильность региона в целом, главным агентом «сбалансированного развития» должно было выступить само правительство США. В таких условиях «пункт-4» становился самым действенным инструментом поддержки американской политики на Ближнем Востоке, что проявилось, например, и в том, что проекты технической помощи финансировались в «недобывающих» странах региона почти в 5 раз щедрее (из расчета на душу населения), чем в среднем по региону Южной и Юго-Восточной Азии, и почти в 7 раз, чем по региону Латинской Америки в целом. Та же тенденция наблюдалась и в вопросе распределения американских специалистов, помогавших осуществлять проекты.

Правда, эти цифры не во всём отражают ситуацию, поскольку и в отношении «недобывающих» стран подход был неодинаков. Важным фактором при этом стал строившийся с 1947 г. компанией «Арамко» гигантский 1080-мильный нефтепровод, соединявший нефтепромыслы Саудовской Аравии с портами Средиземного моря и проходивший через Иорданию, Сирию и Ливан. Во второй половине 1950 г. он был достроен, и это событие совпало с кризисом на Дальнем Востоке. Политическая стабильность в этих трех странах становилась важнейшим стратегическим фактором для всей внешней политики США. Соответственно ТСА организовало в Ливане и Иордании самые мощные программы технической помощи

(правда, с Сирией договориться оказалось сложнее – там программа в очень скромных масштабах заработала только с 1953 г.).

В рамках этих программ на душу населения администрацией США тратилось больше, чем в любой из 35 стран «пункта-4» – около 2,6 долл., что составляло цифру в 8 раз большую, чем в среднем по данному региону, и в 20 раз большую, чем в среднем, например по Латинской Америке. Иордания вообще была единственной страной ТСА, получившей «специальную экономическую помощь» уже в 1952 г. Тогда же было дополнительно выделено 50 млн долл. «специальной экономической помощи» для региональных проектов на Ближнем Востоке, самыми заметными из которых были строительство дамб на реках Ярмук и Иордан¹⁴.

Другие «недобывающие» страны региона были «облаканы» ТСА в меньшей степени, но, тем не менее, получили техническую помощь много большую, чем в среднем по другим регионам: Израиль – 50 центов (хотя это отдельный разговор – сюда добавлялась колоссальная «специальная экономическая помощь»), Либерия – 50 центов, Ливия – 1,3 долл. на душу населения¹⁵.

Все эти данные указывают на то, что ближневосточный регион на рассматриваемом этапе был явно важнее для планов госдепартамента, чем другие слаборазвитые регионы, а Ливану и Иордании ТСА уделяло самое большое внимание среди всех слаборазвитых стран. Если характер национальных программ технической помощи в нефтедобывающих странах был схож с латиноамериканским типом и был направлен на решение тех отдельных проблем, которые обеспечивали, подкрепляли, дополняли, корректировали здесь работу американских сырьевых корпораций, то в «недобывающих» странах региона это были уже действительно программы, направленные на стимулирование процесса экономического развития за счет восстановления (или создания) недостающих технологических звеньев этого процесса.

Основной акцент при этом делался на развитие аграрного сектора, о чем говорят, например, цифры распределения средств ТСА между проектами сельского хозяйства, здравоохранения, образования, промышленности и администрирования (58%, 19%, 8%, 15% соответственно)¹⁶. Кроме того, доля материально-технического обеспечения проектов здесь была также намного выше, чем в латиноамериканских программах (до 50%)¹⁷, что свидетельствует о более самостоятельной (чем вспомогательной) роли программ технической помощи в странах этого региона.

Что касается значительной помощи ТСА нефтедобывающим Ирану и Ираку (что расходуется с приведённой выше схемой), то здесь техническая помощь стала просто инструментом заполнения «вакуума влияния», ибо позиции Британии в этих странах (а это была её сфера влияния по соглашениям 1944–1945 гг.) слабели с каждым днём, в то время как антизападные прокоммунистические элементы

стремительно набирали силу. Особенно острой ситуация была в Иране, где в начале 1950-х гг. назревал передел власти, и поэтому руководители ТСА отказались здесь (якобы, в порядке исключения) от принципа «самопомощи» и очень основательно финансировали проекты «сельского развития», направленные на обеспечение социальной стабильности. Для этого в 1952–1954 гг. ТСА выделяло в Иране 1,25 долл. на душу населения по линии технической помощи (второй показатель после Ливана и Иордании), а также требовало от Конгресса для этой страны значительную «специальную экономическую помощь»¹⁸.

Южная и Юго-Восточная Азия (ЮЮВА) рассматривалась до середины 1950 г. в планах госдепартамента как приоритетный регион, с которым было связано решение всего комплекса задач «пункта-4»: долгосрочной задачи глобального разделения труда, среднесрочной – «сдерживания» коммунизма и краткосрочной – восстановления стратегических сырьевых резервов. Хотя в схемах «возрождения» европейского и японского «локомотивов» мировой торговли страны региона занимали важнейшее место, ситуация была здесь намного сложнее, чем в Латинской Америке или на Ближнем Востоке.

Разрушительное наследие колониализма и тяжелейшие последствия Второй мировой войны вызвали катастрофическое снижение в регионе жизненного уровня населения и обусловили наличие высокого уровня антиевропейских и антияпонских настроений, а также национализма в его самых радикальных формах. Волна победоносных национально-освободительных движений привела к созданию в ЮЮВА ряда новых государств, руководство которых, опираясь на устойчивые антизападные настроения масс, не соглашалось идти на поводу у набирающего силу гегемона и послушно занимать свои «ниши» в структуре нового мирового порядка. Требования радикальной индустриализации были здесь особенно настойчивыми. Наличие в регионе мощнейшего «несистемного» фактора в лице победившей Коммунистической партии Китая (КПК) побуждали националистические движения во многих случаях трансформироваться в коммунистические и получать поддержку китайских товарищей.

Тем не менее с приходом к руководству госдепартаментом Д. Ачесона в начале 1949 г. администрация стала ориентироваться на активное экономическое вмешательство в ситуацию в регионе, в первую очередь через «пункт-4», для привлечения в страны Южной и Юго-Восточной Азии американского и европейского частных капиталов для осуществления различных схем европейского и японского возрождения. Однако после вступления Китая в Корейскую войну регион ЮЮВА превратился по сути в прифронтовой, где сильно возросла вероятность китайской экспансии. На ближайший период времени интерес американского частного капитала к этому региону был окончательно утрачен. Единственным инструментом влияния здесь

могла стать только американская государственная помощь, естественно, в размерах хоть сколько-нибудь сопоставимых с частными инвестициями.

Соответственно та часть ЮЮОВА, над которой наиболее серьезно нависла китайская коммунистическая угроза – Формоза, Индокитай, Филиппины, Таиланд, Бирма, – была отдана под юрисдикцию Управления по взаимной безопасности (Mutual Security Administration – MSA), предоставлявшему техническую и экономическую помощь в военно-стратегическом контексте, а те страны, где эта угроза была не столь велика – Афганистан, Индия, Пакистан, Индонезия, Непал, – остались за ТСА. Последнее должно было проводить в этих странах мероприятия, направленные на ускоренную стабилизацию, без которой реализация всех дальнейших экономических планов была немислима. Этим целям соответствовали мероприятия по «мягкому, но решительному реформированию» на основе концепции «общинного развития», расходы на которые и преобладали в региональном бюджете ТСА. Следствием такого выбора инструментария стала огромная доля материально-технического обеспечения проектов технической помощи – до 90%¹⁹.

Таким образом, региональная специфика деятельности ТСА в ЮЮОВА обуславливалась, как правило, степенью готовности стран региона к включению их в структуру нового мирового экономического порядка, а также их стратегическим значением для краткосрочных планов по формированию этой структуры (сырьевая поддержка процесса восстановления западноевропейской и японского «локомотивов»).

В целом вышеприведенный анализ программ технической помощи слаборазвитым странам в рамках «пункта-4» позволяет говорить о наличии как региональной, так и национальной специфики деятельности ТСА. Причем на обоих уровнях сложнейшие комплексы целей и задач находились в постоянном движении, менялись приоритеты, методы, инструменты. Наличие такой многоуровневой и многофункциональной специфики и обусловило, на наш взгляд, появление широчайшего спектра мнений в мировой историографии в отношении целей, итогов и эффективности «пункта-4», когда некоторые исследователи вычленили из этого сложнейшего комплекса его отдельные составляющие (антикоммунизм, стимулирование частных инвестиций, экономический рост и т. д.) и рассматривали их как единственные или важнейшие.

Примечания

¹ См.: Шенин С. Ю. Американская техническая помощь: опыт и уроки для «Пункта-4» (первая половина XX

века) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 66–71.

² См.: U. S. Congress. Technical Cooperation Administration (Educational and Training Activities). Hearings before a Subcommittee of the Committee on Government Operations. House of Representatives, 83 Congress, 2nd Session. Washington, 1954. P. 42–43 (Exhibit 10).

³ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act of 1953. Hearings before the Committee on Foreign Relations. Senate. 83 rd Congress, 1st Session. Washington, 1953. P. 88 ; Шенин С. Ю. Американская политическая элита о проблеме послевоенного мирового порядка (1941–1945 гг.) // Диалог со временем. № 53. М. : ИВИ, 2015. С. 258–261.

⁴ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act of 1953. Hearings before the Committee on Foreign Relations. Senate. 83 rd Congress, 1st Session. Washington, 1953. P. 487–491.

⁵ «Наша ‘политика добрососедства’ настолько эффективна в привлечении американского частного предпринимательства и финансирования, что запросы о ‘специальной экономической помощи или финансовых грантах для стран западного полушария никогда серьезно не рассматривались», – утверждалось в заявлении госдепартамента. – U. S. Congress. Mutual Security Act of 1953. Hearings... P. 486.

⁶ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act Extension. Hearings on H. R. 5710. P. 915. Table 2 ; Ibidem. P. 897.

⁷ См.: U. S. Congress. Report of the Investigations Division of the Senate Appropriations Committee. International Development and Related Legislation. P. 5.

⁸ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act Extension. Hearings on H. R. 5710. P. 915. Table 2.

⁹ См.: Шенин С. Ю. Программа «Пункта-4» и Организация объединенных наций (1949–1953 гг.) // Новая и новейшая история. № 19. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 76–77.

¹⁰ См.: Document № 7. Act for International Development, 1950. Washington, DC, 1950. P. 31–32.

¹¹ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act of 1953. Hearings... P. 488.

¹² См.: Pollard R. Economic Security and the Origins of the Cold War, 1945–1950. N. Y., 1985. P. 217–218.

¹³ Ibid. P. 217.

¹⁴ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act Extension. Hearings on H. R. 5710. P. 923–924. Tables № 1–3.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Подсчитано по: Bingham J. B. Shirt-Sleeve Diplomacy : Point-4 in Action. N. Y., 1954. P. 252–256. Appendix B ; U. S. Congress. Mutual Security Act of 1952. Hearings... P. 622.

¹⁷ См.: U. S. Congress. Mutual Security Act Extension. Hearings on H. R. 5710. P. 915. Table 2 ; Ibidem. P. 897.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

Образец для цитирования:

Шенин С. Ю. Реализация американской программы «пункта-4»: региональная специфика (1950–1953 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 449–453. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-449-453.

УДК [94:327] (73+569,1) | 1977/1988

АМЕРИКАНО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1977–1988 годы)

В. А. Музалевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: victoriyamuzalevskaya@yandex.ru

В статье рассматривается сирийская политика США на заключительном этапе холодной войны, а именно при администрациях президентов Дж. Картера и Р. Рейгана. В фокусе автора находится эволюция американо-сирийских отношений, политика Соединённых Штатов на Ближнем Востоке в отношении Сирии в рассматриваемый период. Также даётся характеристика их основных стратегических подходов.

Ключевые слова: американо-сирийские отношения, сирийская политика США, Дж. Картер, Р. Рейган, Сирия, Ближний Восток.

The American-Syrian Relations at the Final Stage of the Cold War (1977–1988)

V. A. Muzalevskaya

The article examines the U. S. policy in Syria at the final period of the Cold war, especially during the administrations of J. Carter and R. Reagan. The author focuses her attention on the evolution of the American-Syrian relations, the United States policy in the Middle East and towards Syria in the period considered. The characteristics of the U. S.' main strategic approaches are also given.

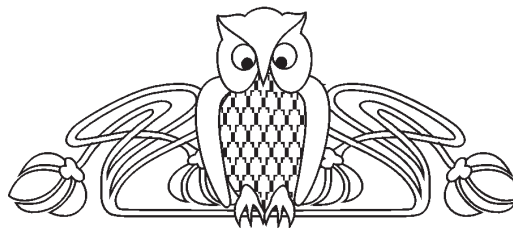
Key words: American-Syrian relations, Syrian policy of the U. S., J. Carter, R. Reagan, Syria, Middle East.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-454-458

На протяжении последних пяти лет Сирия является зоной вооруженного конфликта, сначала по причине гражданской и затем антитеррористической войн. Одним из самых активных акторов в сирийском конфликте являются Соединённые Штаты Америки. Однако Сирия появилась на внешнеполитическом горизонте США достаточно давно. История их отношений насчитывает десятилетия, уходя корнями в XIX в., а если брать период официальных отношений, то с самого момента образования независимой Сирии в 1944 г.

В конце холодной войны, в период администраций Дж. Картера и Р. Рейгана, США начинают формировать основные принципы стратегии своей сирийской политики, которые потом циклично повторялись в американо-сирийских отношениях, сохраняя свою актуальность и на современном этапе их развития.

Обращаясь к предшествующему периоду, стоит отметить, что после окончания Второй мировой войны американо-сирийские отношения выстраивались в контексте трёх составляющих: арабо-израильского конфликта, фактора противо-

стояния двух «лагерей» в холодной войне и энергетической безопасности США.

С самого начала американо-сирийских контактов США старались распространить своё влияние на Сирию сначала при помощи «мягких» средств, а затем, используя все более серьёзные механизмы дипломатии торговли и экономической помощи. После окончания Второй мировой войны из-за осложнения американо-сирийских отношений давление на Сирию стало усиливаться, и уже в конце правления администрации Р. Никсона сирийская политика США сопровождалась враждебной и крайне жёсткой риторикой в адрес Дамаска.

Хафиз Асад, придя к власти в Сирии в начале 70-х гг. XX в., взял курс на активное развитие государства, укрепление его как внутри, так и в региональных отношениях на Ближнем Востоке. Он принёс с собой идею национального единства не только сирийцев, но и всех арабских наций, став защитником интересов арабского мира в диалоге с Западом. Такая политика имела успех, вследствие чего Сирия укрепила свои позиции и авторитет на Ближнем Востоке.

В этот период, несмотря на признание Вашингтоном важности Сирии для процесса ближневосточного мирного урегулирования, администрация Никсона проводила в отношении Дамаска политику «мелких шагов» (ее автором был госсекретарь Г. Киссинджер), сосредоточив основное внимание на своём союзнике в регионе – Израиле.

Однако в США далеко не все были довольны этой политикой. «Мелкие шаги» и «частичное урегулирование» признавались опасными для будущего и чреватými новыми конфликтами¹. Пришедший к власти в январе 1976 г. Джимми Картер решил взять курс на отказ от поэтапного урегулирования в пользу всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта. Тем более что этот конфликт разрастался, распространившись на территорию Ливана, где в него оказались «вовлечены регулярная армия, национальные и частные отряды милиции, партизанские подразделения, террористические снайперы и артиллеристы, имевшие в корне различавшиеся мнения по поводу стабилизации обстановки и разрешения конфликта»².

В американской официальной историографии ближневосточного конфликта считается, что «Картер был первым президентом США, продемонстрировавшим больше чуткости в отношении

арабских претензий». Более того, в США сложилось мнение, что именно Картер был убеждён, что мир в регионе не будет без ухода израильских войск с оккупированных арабских территорий и что Сирия – «важнейший игрок в регионе»³.

Поначалу казалось, что Картер был прав. Уже в феврале 1977 г. Дамаск посетил вновь назначенный госсекретарь Сайрус Вэнс, а его сирийский коллега Хаддам побывал 24–26 апреля в столице США. Эти визиты подготовили встречу президентов Дж. Картера и Х. Асада в Женеве, которая состоялась 9 мая и завершилась, как было объявлено, в обстановке «умеренного оптимизма»⁴.

Однако этот оптимизм длился недолго. Приход к власти в Израиле 17 мая 1977 г. крайне правого блока Ликуд ужесточил позицию агрессивных кругов Израиля. Соответствующего нажима на Тель-Авив не последовало, что вызвало критику непоследовательности политики США в Сирии.

В августе 1977 г. С. Вэнс дважды посетил Дамаск с предложением США и Египта создать для подготовки мирной конференции в Женеве «рабочую группу», которая должна была состоять из министров иностранных дел Израиля и арабских государств. Однако в ноябре 1977 г. состоялся визит египетского президента А. Садата в Израиль, который вызвал в Сирии возмущение. В Дамаске этот визит расценили как «заговор Израиля, Египта и США». Стало ясно, что американцы сделали ставку на прямые переговоры Израиля и Египта, чего Израиль и добивался 10 лет.

Попытка Вэнса убедить Сирию принять участие в созываемой Садатом конференции в Каире закончилась провалом: в день прибытия госсекретаря в Дамаск сирийская пресса писала о том, что «арабы получили удар ножом в спину» от Вашингтона⁵. И хотя Вэнс говорил о «важности сирийско-американских отношений», это не помешало президенту Картеру заявить 25 декабря 1977 г., что мир может быть заключён и без согласия Сирии. Это заявление вызвало антиамериканские демонстрации в городах Сирии. В феврале 1978 г. Дамаск отказался принять посланца Вашингтона А. Амертона, хотя в США и уверяли, что поддерживают с Сирией нормальные отношения⁶.

В феврале 1978 г. произошли стычки между сирийскими войсками и отдельными частями ливанской армии, превратившейся, по определению Х. Асада, в «сборище кланов». Однако США активно снабжали ливанскую армию оружием и снаряжением, а также прислали в апреле 1978 г. миссию из пяти высших офицеров для «планирования помощи» армии Ливана.

Руководство Сирии в феврале и июле 1978 г. обвинило США в причастности Вашингтона к организации сирийско-ливанских столкновений с целью отвлечь внимание от произраильских манёвров президента Египта А. Садата и оказать давление на Сирию. В целом же с конца 1977 г. и вплоть до конца своего правления президент

Дж. Картер «сосредоточился на египетско-израильских переговорах»⁷.

В ноябре 1977 г. состоялся исторический визит Садата в Израиль, где он выступил перед Кнессетом в Иерусалиме, признав за еврейским государством, таким образом, право на существование. Тем самым, Египет – самая большая и сильная в военном отношении арабская страна – первой денонсировала провозглашённый в 1967 г. в Хартумской резолюции принцип «трёх нет» – «нет» миру с Израилем, «нет» – признанию Израиля, «нет» – переговорам с Израилем. В результате осуществления этого курса в Кэмп-Дэвиде в конце 1978 г. были заключены известные мирные соглашения между Израилем и Египтом⁸.

Несмотря на визит президента Египта А. Садата в Дамаск 16 ноября 1977 г., Сирия отвергла эти соглашения как капитулянтские и как не принимающие во внимание общерабские интересы, заявив, что «не капитулирует перед врагом и его союзниками»⁹. И в дальнейшем Сирия решительно выступала против сепаратных сделок, серьёзно менявших обстановку в регионе. В результате США на долгое время утратили в Сирии какое-либо влияние, хотя и сумели поссорить Сирию с Египтом и Иорданией¹⁰.

Однако Сирия вовсе не занимала при этом каких-либо экстремистско-сектантских позиций, какие ей приписывали многие эксперты на Западе, включая США. Все американские президенты знали это (хотя нередко и говорили прямо противоположное) и на практике стремились воспользоваться этим, заинтересовав Сирию экономически. Ещё администрация Дж. Кеннеди пыталась влиять на Сирию подобным образом, увеличив долю США во внешнеторговом обороте Сирии с 12,2 до 54,2%¹¹, а экономическая помощь США Сирии составляла 75,8 млн долл.¹²

Администрации Дж. Форда и Дж. Картера в 1975–1978 гг. попытались возобновить тактику Кеннеди в новых условиях – Сирии была предоставлена экономическая помощь размером в 185 млн долл. В августе 1976 г. министр казначейства США У. Саймон подписал в Дамаске соглашение о частных инвестициях иностранных фирм в проекты Пятого пятилетнего плана Сирии на 1976–1980 гг. Параллельно правительство США финансировало некоторые проекты развития в Сирии на общую сумму 178 млн долл., а также ввозило продовольствия на сумму в 63 млн долл.¹³ Кроме того, был заключён ряд других экономических соглашений – о совместном участии в обучении технических кадров и о хозяйственном развитии в феврале 1975 г., а также о поставках сельхозпродукции в мае 1978 г.¹⁴

Однако наиболее важным представляется соглашение о культурном сотрудничестве США и Сирии, подписанное в Дамаске 12 мая 1977 г. Оно предусматривало «поощрение и развитие контактов, обменов и сотрудничества в областях науки, образования и культуры, а также в других

областях взаимных интересов». Планировались обмен студентами, исследователями, профессорами университетов, поощрение изучения арабского языка в США и английского в Сирии, предоставление учебных и методологических материалов, гастроли театральных и музыкальных ансамблей, «взаимные визиты художников, писателей, специалистов по всем академическим дисциплинам», и особенно «предоставление помощи чиновникам национальных и региональных администраций для изучения различных задач правительственного управления в обеих странах»¹⁵.

Однако существенного сближения, прежде всего в политической области, не произошло. Во многом это объяснялось тем, что Сирия в конце 1970-х – начале 1980-х гг. переживала трудный период борьбы с засылаемыми из Ирака террористами, но особенно с исламскими экстремистами из организации «братья-мусульмане». Объединившись в тайные ячейки и получив поддержку извне, в том числе от мусульманских фундаменталистов некоторых арабских стран, занимавших проамериканскую позицию, «братья-мусульмане» развернули террор против правительственных чиновников, государственных служащих, активистов БААС и армейских офицеров.

При этом особая ставка делалась на разжигание межобщинной розни с целью противопоставить друг другу различные конфессии, всегда мирно существовавшие в Сирии. Уже с осени 1978 г. в Сирии стало известно, что исламские боевики проходят военное обучение в Иордании и пользуются помощью как некоторых саудовских кругов, так и правохристианских, прежде всего, маронитских, стремившихся при помощи Израиля ликвидировать палестинскую проблему в Ливане и недовольных, в этой связи, ролью объективного посредника и арбитра, которую Сирия играла в этой стране¹⁶.

Убийство 32 кадетов артиллерийской школы в июне 1979 г., а ранее 54 солдат в Халебе, а также убийство 70 офицеров и служащих в последующие несколько месяцев вызвали ответные контрмеры сирийских властей – в августе 1979 г. были казнены 15 террористов. Их ячейки в больших городах были разгромлены, около 100 подпольщиков во главе с лидером братьев-мусульман Х. Абу были арестованы, а новый их лидер А. Заим был убит в сентябре 1979 г.¹⁷

Администрация Картера, формально ко всему этому непричастная, тем не менее, максимально воспользовались трудностями Сирии, постаравшись изолировать её в арабском мире и представить в глазах соседей как якобы источник анархии и хаоса. Соединённым Штатам это было нужно, чтобы выдвинуть на первые роли своего главного тогда союзника в арабском мире – египетского президента А. Садата, во всём следовавшего политике США, но именно поэтому терявшего всякий авторитет среди арабов.

Кроме того, США, рассчитывавшие руками Сирии в Ливане устранить палестинцев и национально-патриотические силы, были недовольны продуктивной позицией Сирии в этом вопросе. Поэтому они поддерживали ориентированные на отрыв от арабского мира правохристианские круги Ливана, тем более, что часть их была склонна сотрудничать с Израилем, также заинтересованном в ослаблении Сирии. И США, и Израиль, и право-радикальные силы в Ливане и Иордании особенно возмущались неизменным отстаиванием Сирией законных национальных прав арабов Палестины¹⁸.

В целом основной курс политики США при Картере был направлен на заключение соглашений с Египтом, которые так долго ждал Израиль. Несмотря на ряд значительных взаимных шагов в отношении Сирии, Вашингтон временами вел себя в отношении неё непоследовательно и не упускал шанса использовать возникавшие внутренние проблемы Сирии в своих интересах и в интересах союзников.

Однако США, особенно после прихода к власти Рональда Рейгана, явно недооценивали роль и место Сирии на Ближнем Востоке. Администрация продолжала в основном опираться на Израиль и государства Персидского залива, одновременно стараясь противопоставить Ирак Ирану и противодействовать Советскому Союзу в Афганистане. Более того, «увлечённая антикоммунизмом и жадной вытеснения советского влияния на Ближнем Востоке, администрация Рейгана нереалистично пыталась объединить арабов и израильтян в новом антисоветском блоке»¹⁹.

Администрация Р. Рейгана, пытаясь ослабить влияние Дамаска, поддержала израильское вторжение в Ливан летом 1982 г. в надежде изолировать эту страну от Сирии. Израилу удалось лишь на короткое время вытеснить часть отрядов ООП из Ливана и навязать президенту Жмайелю выгодное для себя майское соглашение 1983 г. Вашингтон совершенно не понял, что Сирия, хоть и осталась после измены А. Садата «один на один с врагом», т. е. Израилем, но зато «вернула себе место стержня» арабской нации. Президент Сирии счёл ливано-израильское соглашение «наградой Израилу за вторжение», а для всего арабского мира – «угрозой и оскорблением»²⁰.

В результате Дамаску удалось не допустить образования в Бейруте антисирийского правительства, после чего в западной прессе началась кампания обвинения Сирии в «терроризме». Однако аргументы были неубедительны. В то время как США бомбили Ливию и оккупировали Гренаду, высадили свои войска в Ливане, в Сирии, например от бомб настоящих террористов погибли 144 человека²¹.

В конечном итоге Израиль и США были вынуждены вывести свои войска из Ливана, а соглашение от мая 1983 г. было денонсировано президентом Ливана, что «позволило Сирии уси-

лить свой контроль за Ливаном и играть в нём дипломатическую роль первого плана». Как пишут некоторые французские авторы, Х. Асад в этом конфликте победил как «единственный защитник арабского национализма» после смерти Насера и «исчезновения Египта как рупора арабского прогрессивного мира»²².

Инициативу по формированию сопротивления новой политике Вашингтона взял на себя сам Х. Асад. Только с 8 по 15 марта 1980 г. президент Сирии семь раз выступил на собраниях профсоюзов и общественных организаций, призвав их членов «вооружаться ради защиты революции». Образованные этими организациями, а также всеми партиями Прогрессивного народного фронта во главе с БААС, батальоны добровольцев народной милиции сыграли важную роль в отпоре террористам и в помощи армии и полиции.

Поднятое мятежниками восстание в Хаме в феврале 1982 г., где террористы убивали активистов БААС с их семьями по приказу «командования исламской революции» (находилось в Бонне, ФРГ), было подавлено. При этом погибли сотни людей, в том числе военнослужащие, полицейские и представители народной милиции²³. Западная пресса потом несколько месяцев писала о событиях в Хаме, всячески преувеличивая количество погибших, но в основном называя до 300–500 убитых мятежников²⁴.

Именно после того как выявилась невозможность подрыва позиций Сирии изнутри, в феврале – марте 1984 г. США были вынуждены вывести свои войска. Добившись этого, Сирия отвела угрозу своей безопасности с территории Ливана²⁵. И естественно, что именно тогда в Сирии категорически отвергли все «иллюзии относительно поддержки арабов Вашингтоном» и усилили сотрудничество с СССР, предоставившим Сирии ракеты, превосходившие системы вооружения авиации Израиля²⁶.

Разумеется, всё это не могло не сказаться на отношениях Сирии с США, которые прекратили помощь Дамаску в налаживании нефтедобычи и строительства предприятий тяжёлой промышленности. Доля Сирии в экспорте США снизилась в 1984–1986 гг. примерно в 1,5 раза²⁷. Характерно, что до этого в 1980–1982 гг. экспорт Сирии в СССР вырос с 320 млн до 450 млн сирийских лир. Даже по мнению западных экспертов, в начале 1980-х гг. правительство Сирии «усилило своё политическое влияние в регионах Алеппо, Хомса и Хамы, где ранее возникали оппозиционные движения»²⁸. В немалой степени это было результатом неуклонного ежегодного экономического роста, составившего 6–7% в 1970-е гг. и более 8% в начале 1980-х гг.²⁹

Вместе с тем Сирия, вопреки периодически разгоравшимся против неё пропагандистским кампаниям на Западе, в первую очередь в США, старалась избавиться «от образа страны, отвергавшей любое соглашение»³⁰. Вашингтон также осоз-

нал невозможность иметь дело с Дамаском только используя язык угроз и давления. В результате уже в 1986–1987 гг. экспорт США в Сирию вырос с 59,3 до 93,2 млн долл., а импорт в США из Сирии увеличился с 9 млн до 66,4 млн долл.³¹ Однако Рейган и его сторонники до конца не поняли и не использовали все возможности для проведения более гибкой политики в отношении Сирии. Это произошло уже после прихода к власти администрации Джорджа Буша в начале 1989 г.

Таким образом, в конце холодной войны мы наблюдаем усиление роли Сирии в политике США на Ближнем Востоке и интенсификацию американо-сирийских отношений. В период правления администрации Дж. Картера это проявлялось в активном использовании экономической помощи, а также заключении договора о всестороннем сотрудничестве, несмотря на то что основное внимание США было сосредоточено на их «фаворите» в регионе – Египте.

При администрации Р. Рейгана Соединённые Штаты старались повторить свой успешный опыт кэмп-дэвидских соглашений в отношении Сирии и тем самым взять ее под контроль. США пытались это сделать как «мягкими», так и более «жесткими» средствами, например через санкции. Однако такая стратегия не принесла успеха.

Несмотря на активную критику Вашингтона в адрес Сирии, а также санкции в конечном итоге администрации Рейгана всё-таки пришлось искать более взаимовыгодные подходы в диалоге с Сирией и использовать весь потенциал возможного сотрудничества. Этот курс был реализован приемником Рейгана, Дж. Бушем, который попытался использовать вместо политики «кнута» более «мягкий» курс, позволявший найти определенное взаимопонимание между Вашингтоном и Дамаском в период войны в Заливе.

Примечания

- 1 См.: Борисов Р. Американская политика и Ближний Восток в 70-е годы. Дамаск, 1982. С. 190–191.
- 2 Vucadinovic R. The Mediterranean between War and Peace. Belgrad, 1987. P. 25.
- 3 Drysdale A., Hinnebusch R. A. Syria and the Middle East peace process. N. Y., 1991. P. 186.
- 4 Аффаи И. Отношения Сирии с СССР и США в 1945–1991 гг.: Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук / РАН. Ин-т востоковедения. М., 1999. С. 91.
- 5 Там же. С. 92.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 93.
- 8 См.: Drysdale A., Hinnebusch R. Op. cit. P. 187.
- 9 Ibid.
- 10 Kaminsky C., Kruk S. La Syrie: politiques et strategies de 1966 a nos jours. P., 1978. P. 183–184.
- 11 См.: Гани Г. Историческая эволюция отношений России и Сирии в XIX–XX вв. М., 1998. С. 103.

- ¹² См.: Карир Д. Советская политика на Ближнем Востоке в 1955–1975 гг. Бейрут, 1981. С. 115.
- ¹³ См.: Аффлау И. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁴ См.: General participant training : Agreement between the United States of America and Syria. Damascus, February 27, 1975. Washington, 1977 ; Agricultural commodities : Agreement between the USA and Syria. Damascus, May 3. 1978. Washington, 1978.
- ¹⁵ Культурное соглашение между США и Сирийской Арабской республикой. Вашингтон, 1977. С. 4–5.
- ¹⁶ См.: Аффлау И. Указ. соч. С. 95–96.
- ¹⁷ См.: Kaminsky C., Kruk C. Op. cit. P. 135–138.
- ¹⁸ Ibid. P. 179, 187.
- ¹⁹ Drysdale A., Hinnebush R. Op. cit. P. 188.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Drysdale A., Hinnebush R. Op. cit. P. 191–195 ; Kaminsky C., Kruk C. Op. cit. P. 171, 205.
- ²² Kaminsky C., Kruk C. Op. cit. P. 171, 205–209.
- ²³ См.: Аффлау И. Указ. соч. С. 100.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Drysdale A., Hinnebush R. Op. cit. P. 127–128.
- ²⁶ См.: Аффлау И. Указ. соч. С. 101.
- ²⁷ См.: Syria under Assad. L. ; Sydney, 1987. P. 59 ; The Middle East Economic Digest. December 28. L., 1988. P. 113.
- ²⁸ Syria under Assad. P. 57.
- ²⁹ Ibid. P. 45.
- ³⁰ Kaminsky C., Kruk C. Op. cit. P. 172.
- ³¹ Ibid.

Образец для цитирования:

Музалевская В. А. Америко-сирийские отношения на заключительном этапе холодной войны (1977–1988 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 454–458. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-454-458.

УДК [94+327] (47+57+574)|19|

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В 1990-е ГОДЫ

Г. С. Саркулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию серьезных трансформаций в системе международных отношений после распада Советского Союза, когда государства постсоветского пространства были вынуждены выстраивать свою собственную внешнеполитическую линию. Автор также анализирует внешнюю политику Казахстана в контексте формирования новой системы международных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика Казахстана, международные отношения, Центральная Азия, СССР, постсоветское пространство.

The Transformation of the International Relations System after the Collapse of the USSR and Kazakhstan's Foreign Policy in the 1990s

G. S. Sarkulova

This article is devoted to the study of the major transformations in the system of the international relations after the Soviet Union collapsed, followed by the post-Soviet states having been forced to build their own foreign policy. The author also analyzes the foreign policy of Kazakhstan in the context of the formation of a new system of international relations.

Key words: foreign policy of Kazakhstan, international relations, Central Asia, Soviet Union, post-Soviet space.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-458-463

Заключение в декабре 1991 г. Беловежских соглашений¹ и Алма-Атинской декларации² привело к исчезновению такого крупного государства, как Советский Союз. Прекращение существования Союза ССР как субъекта международных отношений и геополитической реальности стало итогом кризиса Советского государства и системы ценностей в ходе дезинтеграционных процессов. По мнению председателя Верховного Совета РСФСР/РФ Р. И. Хасбулатова, качество новой ситуации заключалось в резком пространственном сокращении исторической России, на 30% её территории, на 35% всего промышленного и сельскохозяйственного производства, уменьшении населения вдвое и, как следствие, сильнейшем «сжатии» как экономических, так и геополитических позиций России. Более того, потерю статуса великой державы не могли замуфлировать никакие формулировки о правопреемстве России в отношении СССР, это не могло остановить дальнейшего размывания государственности, ослабления страны, которая могла быть втянута в глобализационный процесс на правах сырьевой базы, оказаться под мощной пятой притяжения «атлантической цивилизации» и раствориться в ней³. Президент России В. В. Путин позже признал крушение СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века»⁴. Крах Советского Союза с геополитической точки зрения

объясняется в политологической литературе катастрофическими последствиями от распада СССР, что породило огромное количество политических, этнических, экономических военных и других разнообразных проблем⁵.

Однозначной оценки позиции руководства Казахстана в отношении произошедшего в белорусских Вискулях подписания Беловежских соглашений нет. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в 1996 г. подчёркивал в своих воспоминаниях наличие далеко неоднозначной реакции на эти соглашения⁶. В беседе с главными редакторами московских газет 15 апреля 1995 г. он отмечал, что в Белоруссию его на встречу с Л. М. Кравчуком, С. С. Шушкевичем и Б. Н. Ельциным не пригласили и, по сути, постфактум поставили в известность об упразднении СССР⁷. В своём заявлении «Комсомольской правде» 20 декабря 1991 г. Н. А. Назарбаев говорил, что, оказавшись он в Минске, попытался бы убедить лидеров России, Белоруссии и Украины провести консультации со всеми возможными членами СНГ и только после этого принимать какие-либо решения о судьбе единого государства⁸. Раздражённость Н. А. Назарбаева действиями «тройки», которые не проконсультировались с главами других союзных республик, отмечал также и Р. И. Хасбулатов⁹.

Необходимо напомнить, что 25 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Казахстан¹⁰. Документ объявлял Казахстан суверенным государством, которое добровольно объединяется с другими республиками в Союз Суверенных республик и строит взаимоотношения с ними на договорной основе с сохранением права выхода из Союза. Помимо этого, в Декларации закреплялся институт гражданства Республики. Также Казахстан наделялся правом выступать самостоятельным субъектом международных отношений, определять внешнюю политику в своих интересах, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций и самостоятельно решать вопросы внешнеэкономической деятельности.

Несмотря на вышесказанное, в научной литературе отмечается активная роль руководства Казахстана в работе над проектом Союза Суверенных Государств (ССГ) при отсутствии, тем не менее, по некоторым основаниям серьёзных предпосылок для образования ССГ и проведения внутри него реальных демократических реформ¹¹. По мнению Р. И. Хасбулатова, изменение позиции по Беловежским соглашениям со стороны руководства других союзных республик было продиктовано отсутствием в этом документе обязывающих ограничений на пути их полной суверенизации¹². В Казахстане ещё до встречи в Алма-Ате руководителей всех союзных республик принимается конституционный закон о государ-

ственной независимости Республики¹³, содержание которого во многом совпадает с Декларацией о государственном суверенитете, за исключением полного признания суверенитета Казахстана и его невхождения в состав каких-либо иных государственных образований.

К концу XX в. мир подошел с коренными изменениями в системе международных отношений. Устоявшаяся модель миропорядка, в основе которой лежала биполярность системы международных отношений в связи с существованием двух сверхдержав – СССР и США, оказалась под ударом из-за исчезновения первой из них.

Распад Советского Союза в 1991 г. и, тем самым, конец холодной войны между СССР и США повлек за собой неизбежные изменения в системе международных отношений. Среди характерных признаков соответствующих изменений можно выделить отсутствие блокового (идеологического) противостояния, появление 15 новых субъектов межгосударственных отношений, однополярность системы международных отношений с единственной сверхдержавой в лице США.

Необходимо отметить, что на тот период времени Соединенные Штаты являлись мировой сверхдержавой, не имеющей себе подобных в современном мире. Их экономические, политические и военные возможности в разы превосходили возможности крупнейших стран мира вместе взятых. Их интересы выходили далеко за пределы Американского континента и были представлены по всему миру. При этом, используя все свои возможности, США были нацелены не только на сохранение своего лидирующего положения в международных отношениях, но и на постоянное укрепление своих позиций и дальнейшее расширение своего влияния.

В свою очередь, государства постсоветского пространства после распада союзного блока столкнулись с массой проблем, которые напрямую влияли на их будущее развитие. Среди основных таких проблем можно выделить спорность границ и территорий, незавершенность делимитации границ, конфликты на исторической и этнокультурной почве, политико-экономические противоречия, связанные с промышленным и оборонным наследием, разрушение хозяйственных связей, сложную социопсихологическую ситуацию и т. д.

В условиях трансформации всей системы международных отношений целостность концепции безопасности разных уровней (мировой, региональной, национальной) была нарушена, и элемент угрозы приобрел неустойчивый характер. Теперь уже новые независимые государства постсоветского пространства столкнулись с проблемами в области обеспечения своих собственных национальных интересов и в сфере безопасности, среди которых – задачи охраны государственных границ, построения национальных вооруженных

сил, определения политики национальной безопасности.

С 1990-х гг. страны Центрально-Азиатского региона постепенно выходят на арену мировой геополитики в основном в силу своего геостратегического и геоэкономического потенциала. Регион Центральной Азии имеет выгодное географическое расположение: во-первых, между влиятельными геополитическими силами, во-вторых, между мощными индустриальными центрами и крупными рынками сбыта Европы и Азии. С экономической точки зрения Центрально-Азиатский регион являлся крайне привлекательным для внешних игроков, так как это были потенциальные рынки сбыта и сферы бизнеса, еще только подлежащие интеграции в мировую систему хозяйственных связей. Также немаловажным являлось то обстоятельство, что регион Центральной Азии (ЦА) и Каспийский регион рассматривались развитыми странами мира как важнейший резерв диверсификации источников углеводородного сырья и маршрутов его транспортировки.

Положение Казахстана после распада СССР характеризуется «архисложным» со всех точек зрения: проблемы, с которыми столкнулась Республика на заре своей независимости, обусловлены географическими, геополитическими, демографическими, историческими, экономическими и политическими факторами. Казахстан оказался втянут в большую геополитическую игру, в которой сконцентрировались все проблемы постсоветского периода. В одном ряду с такими проблемами, как распад единой сверхдержавы и слабость потока Западу России; проблемы ядерного наследия; наступление с Юга исламского фундаментализма; усиление роли Китая; упорное стремление Запада, в первую очередь в лице США, навязать своё лидерство и правила игры, выделяется также каспийский узел¹⁴.

Характер угроз безопасности Республики Казахстан и других государств в Каспийском море обусловлен углеводородной заинтересованностью стран Запада регионом. Внешние угрозы будут сопряжены с зависимостью от иностранного капитала, а также ставкой новых независимых государств Каспийского побережья в своём экономическом развитии на углеводороды¹⁵. Ещё одну угрозу для Казахстана представляет политика Саудовской Аравии, интерес которой выражается в стремлении дестабилизировать регионы, прилегающие к Каспию, с целью блокировки развития энергоресурсов региона¹⁶.

В этих условиях Казахстан оказался вынужденным вырабатывать собственную внешнеполитическую линию в целом и в Каспийском регионе в частности. В мае 1992 г. вышел документ под названием «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства», подписанный президентом Н. Назарбаевым, в основе

которого лежали концептуальные взгляды главы государства на внешнюю политику Казахстана¹⁷.

При выработке внешнеполитической линии руководство страны опиралось на характерные особенности своего географического и геополитического расположения: страна находится в центре Евразии, занимает 9-е место в мире по площади, имеет сухопутную границу протяженностью 15 тыс. км, 8 тыс. из которых проходят по границе с Россией, 5 тыс. км – с Китаем. Протяженность морских границ Казахстана – 1,5 тыс. км. В свою очередь, расположение страны также выгодно с точки зрения транспортных и коммуникационных международных коридоров, которые связывают Запад и Восток.

С 1990-х гг. Республика Казахстан (РК) постепенно выстраивала самостоятельную внешнюю политику с учетом своих геополитических особенностей, придерживалась (и придерживается сегодня) политики «многовекторности» («многовекторная дипломатия») в международных делах. Необходимо отметить, что РК стала одной из первых стран постсоветского пространства, которая столь успешно реализовывала многовекторную, сбалансированную внешнюю политику, выстраивая равноправные и партнерские взаимоотношения со многими развитыми странами мира.

На первоначальном этапе развития внешнеполитической стратегии Казахстана в первой половине 1990-х гг. была выдвинута концепция «Евразийского моста», которая указывала на географическую, культурную, историческую и цивилизационную принадлежность Казахстана как к Европе, так и к Азии. В дальнейшем, во второй половине 1990-х гг., эта концепция была трансформирована в доктрину «многовекторной дипломатии». Данная доктрина ставила целью проведение внешней политики на всех важных для Республики Казахстан направлениях: СНГ, Центральная Азия, Восток и Запад, Европа и Азия, мусульманский мир, Азиатско-Тихоокеанский регион, индустриальные державы и т.д.¹⁸.

В процессе реализации внешнеполитической стратегии перед страной возникали различные приоритеты и задачи. В период 1992–1995 гг. приоритетное значение во внешней политике страны придавалось взаимоотношениям с Соединенными Штатами Америки, Китаем, Россией и Западом в целом (среди ключевых вопросов можно отметить ядерную проблематику). Во второй половине 1990-х гг. Казахстан уделяет особое внимание решению проблемы Каспийского моря, его делимитации и выработке маршрутов транспортировки каспийских углеводородов. Немного забегая вперед, необходимо отметить, что с начала XXI в. приоритетом для страны становится борьба с международным терроризмом, наркотрафиком, нелегальной миграцией и в целом вопросы обеспечения национальной и региональной безопасности. Немаловажным фактом является то, что на

протяжении всего периода 90-х гг. Казахстан уделял особое значение интеграционным процессам на постсоветском пространстве, сотрудничеству с Российской Федерацией и был активно вовлечен в различные интеграционные объединения в регионе.

Интерес мирового сообщества к Казахстану определялся значительными запасами природных ресурсов страны (государство занимает ведущее место в мире по запасам нефти, газа, угля, урановых руд), его геополитическим расположением, а также экономическими выгодами от прямых инвестиций в новое капиталистическое общество, которое находилось на стадии зарождения. Одним из значимых событий 1990-х гг. можно назвать вступление Казахстана в Организацию Объединенных Наций 2 марта 1992 г. (168-й член ООН)¹⁹. При Организации началось функционировать постоянное представительство Казахстана. Президент Н. Назарбаев, выступая на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выдвинул инициативу по проведению Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

В 1990-е гг. Казахстану удалось сформировать вполне внятную и успешную модель внешнеполитической стратегии. Страна постепенно и уверенно входила в систему международных отношений с определенным набором доктрин и концепций с полным осознанием обеспечения своих собственных национальных интересов.

С момента распада Советского Союза Казахстан является главным стратегическим союзником России. Государствам удалось выстроить стабильные отношения во многих областях. Исходя из сложившихся реалий 90-х гг. (проблема обеспечения национальной безопасности после распада СССР), руководство РК уделяло серьезное внимание участию в работе интеграционных структур на постсоветском пространстве. Москва и Астана до сих пор являются основными участниками практически всех межгосударственных объединений на постсоветском пространстве: СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС. Среди нормативных документов, регламентирующих особый характер взаимоотношений сторон, можно выделить подписанную в июле 1998 г. Декларацию «О вечной дружбе и союзнничестве, ориентированном в XXI столетие»²⁰.

Президент Казахстана Н. Назарбаев ещё до официального распада СССР начал развивать отношения с Китаем. В июле 1991 г. состоялся визит казахстанского лидера в Пекин, в ходе которого была продемонстрирована заинтересованность Казахстана в установлении самостоятельных отношений с Китаем, основанных на добрососедстве и партнерстве.

Во время следующего визита Назарбаева в КНР в октябре 1993 г. страны обсуждали уже проблемы региональной безопасности. В ходе визита была подписана декларация об основных

дружественных отношениях между Казахстаном и Китаем. Стороны заявили о приверженности двух стран принципам добрососедства, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Для РК, которая стремилась к статусу безъядерной державы, было важно получить гарантии от КНР на неприменение против нее ядерного оружия. В феврале 1995 г. Казахстан получил такие гарантии²¹.

До распада Советского Союза, в июле 1990 г., состоялся визит президента Казахской ССР в Вашингтон. Нужно отметить, что между Алма-Атой и Вашингтоном имела практика негласных консультаций. Таким образом, после 1991 г. отношения США и Казахстана начали активизироваться и перешли в активную фазу²².

Однако отношения стран строились скорее в одностороннем порядке. Лидером во взаимоотношениях и инициатором проектов являлся Вашингтон. Налаживание сотрудничества с Казахстаном очень логично вписывалось в стратегию США по геополитическому господству и мировому лидерству («контроль над Евразией»). В 1992–1993 гг. центральное место в политике США в регионе ЦА занимали экономические планы по развитию добычи нефти (прежде всего в Казахстане) и ее транспортировке (строительство нефтепроводов из зоны Каспийского моря)²³.

Политику США в Центральной Азии в целом и в Казахстане в частности на тот период времени можно охарактеризовать как «ознакомительное прощупывание» региона, которое сопровождалось налаживанием каналов сотрудничества с политическими элитами стран. Вашингтон активно вел политику предотвращения усиления Москвы, в связи с чем способствовал созданию в 1997 г. организации ГУАМ с ярко выраженной антироссийской направленностью, в состав которой вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова²⁴.

Стоит отметить, что в 1997 г. Центрально-Азиатский регион был объявлен «зоной жизненно важных интересов США», что нашло свое отражение в так называемой «доктрине Тэлбота». США объявили, что не намерены устанавливать в регионе свое монопольное стратегическое присутствие и в то же время дали понять, что не потерпят такого от других держав²⁵.

Помимо выстраивания двусторонних взаимоотношений Казахстан налаживал связи и с Европейским Союзом (ЕС). 2 декабря 1991 г. в Алма-Ату состоялся визит делегации Европарламента. Главной политической новостью этих дней были демократические выборы президента Республики Казахстан. В ходе визита была достигнута договоренность об установлении тесных и взаимовыгодных контактов ЕС с Казахстаном²⁶.

В январе 1995 г. в Брюсселе было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РК и ЕС (в 1999 г. вступило в силу)²⁷. Круг

областей сотрудничества охватил практически все области соприкосновения взаимных интересов Казахстана, европейских государств и их институтов. Однако нужно отметить, что Казахстан рассматривал сотрудничество с ЕС прежде всего в экономической области.

Как уже отмечалось выше, одним из приоритетных направлений внешней политики Казахстана в 1990-е гг. являлось участие в интеграционных структурах на постсоветском пространстве. Так, в ст. 6 Соглашения о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. было заявлено, что «Государства – члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности, в стремлении к ликвидации всех ядерных вооружений, всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем». Следующим шагом в направлении развития кооперации в военной сфере стало подписание 15 мая 1992 г. в столице Узбекистана Ташкенте высшими руководителями Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана Договора о коллективной безопасности²⁸.

26 апреля 1996 г. главы Казахстана, России, Китая, Киргизии и Таджикистана подписали Соглашение о мерах доверия в военной области в районе совместной границы («Шанхайская пятерка»). В 1996–2000 гг. лидеры государств – участников проекта встречались поочередно в Шанхае, Москве, Алма-Ате, Бишкеке и Душанбе²⁹.

Распад Советского Союза привел к трансформации всей системы международных отношений. Мир стал однополярным, с единственной сверхдержавой в лице Соединенных Штатов. Государства постсоветского пространства были вынуждены выстраивать свою собственную внешнеполитическую линию поведения на мировой арене с учетом своих национальных интересов. Казахстан не стал исключением. Так, стране удалось сформировать успешную модель «многовекторной» внешней политики, которая позволила государству взаимодействовать с разными странами мира и по разным вопросам.

Н. Назарбаев, осознавая мировой интерес к своей стране из-за геополитического значения и запасов природных ресурсов, пытался наладить партнерские взаимоотношения со многими странами мира, в том числе такими, как США, Россия и Китай, а также с ЕС. В то же время РК демонстрировала особый интерес к участию в интеграционных проектах на постсоветском пространстве.

Примечания

- 1 См.: Соглашение от 08.12.1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» // Рос. газ. 1991. 8 дек.
- 2 См.: Алма-Атинская декларация от 21.12.1991 г. // Бюл. междунар. договоров Республики Казахстан. 2002. № 10, ст. 65.

- 3 См.: *Хасбулатов Р. И.* Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. М., 2011. С. 468.
- 4 Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 25.04.2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.
- 5 См.: *Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политике и мировой геополитике : в 3 т. Т. 3 : Геополитика и международные отношения (вторая половина XX – начало XXI вв.). Алматы, 2009. С. 176.
- 6 Союз можно было сохранить. Белая книга : Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 487.
- 7 Там же. С. 463.
- 8 Там же. С. 437.
- 9 См.: *Хасбулатов Р. И.* Указ. соч. С. 470.
- 10 См.: Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25.10.1990 г. «О Декларации о государственном суверенитете Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990. № 44, ст. 408.
- 11 См.: *Чеботарёв А. Е.* Политическая мысль суверенного Казахстана : динамика, идеи, оценки. Астана ; Алматы, 2015. С. 32.
- 12 См.: *Хасбулатов Р. И.* Указ. соч. С. 476.
- 13 Конституционный закон Республики Казахстан от 16.12.1991 г. «О государственной независимости Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 51, ст. 622.
- 14 См.: *Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политике... Т. 3. С. 251.
- 15 См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М.* Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 65.
- 16 См.: *Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политике... Т. 3. С. 253.
- 17 См.: *Байгарин М.* Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства – верный курс, заданный Президентом Н. Назарбаевым // Международное информационное агентство KAZinform, 1 сентября 2010. URL: <http://www.inform.kz/kaz/article/2299544> (дата обращения: 09.01.2016).
- 18 См.: *Данилович М. В., Довгань Е. Ф., Лаумулин М. Т.* Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии : сб. материалов. Минск ; Алматы ; Женева, 2012. С. 169.
- 19 См.: ООН в Казахстане. URL: <http://www.un.kz/pages/30.jsp> (дата обращения: 09.01.2016).
- 20 См.: Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзнничестве, ориентированном в XXI столетие, заключена в г. Москве 06.07.1998 г. // Дипломат. вестн. 1998. № 8. С. 9.
- 21 См.: Казахстан – Китай. 5 лет по пути добрососедства и сотрудничества. Алматы ; Пекин, 1997. С. 24.
- 22 *Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политике... Алматы, 2006. Т. 2. С. 212–228.
- 23 Там же.
- 24 См.: *Балаян А. А.* «Партнерство ради мира» и проблема безопасности в Центральной Азии // Политика США

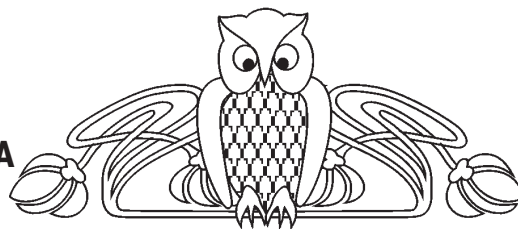
- и НАТО в новых геополитических условиях и страны Центральной Азии : сб. материалов летней школы. Алматы, 2009. С. 34.
- ²⁵ Лаумулин М. Т. Роль США в Центральной Азии : учеб. пособие. Алматы, 2006. С. 53.
- ²⁶ Независимая газета. 1994. 25, 26 нояб. ; Экспресс / Алматы. 1995. 12 янв.
- ²⁷ См.: Муминов А. Пойдешь в ЕС, ЕАЭС потеряешь? // ИА Exclusive. 2016. 4 января. URL: http://exclusive.kz/pojdesh_v_es_eaes_poteryaesh (дата обращения: 09.01.2016).
- ²⁸ См.: Договор о коллективной безопасности подписан в г. Ташкенте 15.05.1992 г. // Бюл. междунар. договоров. 2000. № 12. С. 8.
- ²⁹ См.: Что такое ШОС? // Центральный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=51> (дата обращения: 09.01.2016).

Образец для цитирования:

Саркулова Г. С. Трансформация системы международных отношений после распада СССР и внешняя политика Казахстана в 1990-е годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 458–463. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-458-463.

УДК [94+327](55)

ЕГИПЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 2011 ГОДА В КОНЦЕПЦИИ «ГУМАНИТАРНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» МАХМУДА АХМАДИНЕЖАДА

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции «гуманитарного пробуждения», предложенной президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом для трактовки революционных событий в регионе Ближнего Востока на примере Египта. На основе исследования официальных высказываний представителей властей Ирана анализируются теоретические основы внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран на современном этапе по вопросам региональной системы безопасности и панисламского сотрудничества.

Ключевые слова: «исламское пробуждение», «гуманитарное пробуждение», «арабская весна», Ближний Восток, Иран, Исламская Республика Иран, Хаменеи, Ахмадинежад, внешняя политика, международные отношения.

The Egyptian Revolution of 2011 in Mahmud Ahmadinejad's Concept of «Humanitarian Awakening»

A. V. Baranov

This article analyzes the theoretical concept of «Humanitarian awakening», proposed by the President of Iran M. Ahmadinejad for the interpretation of the current events in the Middle East after 2011 on the example of Egypt. Based on the study of the official statements of the representatives of the Iranian authorities, the theoretical basis of the doctrine of foreign policy of the Islamic Republic of Iran at the present stage concerning the regional security and pan-Islamic cooperation is being analyzed.

Key words: Islamic awakening, Humanitarian awakening, Arab Spring, Middle East, Iran, Islamic Republic of Iran, Khamenei, Ahmadinejad, foreign policy, international relations.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-463-467

Свержение 11 февраля 2011 г. режима Хосни Мубарака в Египте оказало революционизирующее влияние на регион Ближнего Востока. При определенных обстоятельствах это могло бы привести к кардинальным изменениям в расстановке сил и реформировании системы отношений между региональными игроками. Последовавшее усиление влияния и рост популярности исламистов в Египте привели к их победе на парламентских выборах зимой 2011–2012 гг. и на первых свободных выборах президента страны в июне 2012 г., когда представитель египетских «братьев-мусульман» Мохаммад Мурси стал президентом.

Факт свержения Мубарака, которого рассматривали в Иране как марионетку США, продолжавшего курс Анвара Садата на урегулирование отношений с Израилем, что стало одной из главных причин разрыва дипломатических отношений между Тегераном и Каиром в 1979 г., не мог пройти незамеченным в Иране. Рост влияния исламистских партий убедил руководство Исламской Республики в возможности и необходимости восстановления полноформатных отношений с Египтом. Построение стратегического союза по линии Тегеран – Каир превращало Иран в ведущую региональную державу. Поэтому иранские власти начали разрабатывать идеологическую концепцию, которая могла бы стать основой стратегического союза и позволила бы обосновать создание такого союза на взаимоприемлемых условиях.

Концепция «исламского пробуждения»¹, сформулированная аятоллой Али Хаменеи, стала официальной стратегической установкой по идеологическому осмыслению массовых народных антиправительственных движений, охвативших регион Ближнего Востока в 2011 г. Реализация

этих установок стала делом исполнительной власти Исламской Республики Иран (ИРИ). Для анализа официального внешнеполитического подхода ИРИ пришлось привлекать солидный объем материалов, содержащих заявления, высказывания, интервью и выступления официальных государственных лиц, главным образом действующего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада, а также и других официальных лиц государства, в частности, главы МИД ИРИ Али Акбара Салехи, спикера Маджлиса Али Лариджани, представителей иранского дипломатического корпуса в странах региона.

Признавая бесспорное родство между концепцией аятоллы Хаменеи и концепцией, сформулированной Махмудом Ахмадинежадом, которую он впервые охарактеризовал в своем выступлении 6 октября 2011 г. во время визита в город Асадабад как «гуманитарное пробуждение»², необходимо признать и тот факт, что в изложении представителей исполнительной власти она имела существенные отличия от первоначального оригинала. Термин «исламское пробуждение» не получил широкого применения в кругах внешнеполитического ведомства страны, так как слишком уж явно прослеживалась в нем ссылка на руководящую роль Ирана в региональных событиях. Также хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что первоначально до октября 2011 г. Ахмадинежад в своих заявлениях говорил о так называемом «Новом Ближнем Востоке», когда характеризовал происходящие события. Но и данный термин не «прижился», так как вызывал ассоциации с инициативой Вашингтона по построению демократического «Большого Ближнего Востока», ставшего основой ближневосточной политики США при Дж. Буше-младшем.

С точки зрения Махмуда Ахмадинежада, основные причины, приведшие к массовым народным движениям в регионе, имеют не внутреннее, а исключительно внешнее происхождение. Всеми виной является современная мировая экономическая, основанная на принципах капитализма, и политическая, основанная на принципах либерализма, система. Мало того что «либерализм и капитализм чужды человеческой сущности и никогда не смогут сделать человечество счастливым, т. к. остаются главным источником всех несчастий – войн, бедности и лишений», сама капиталистическая система сегодня переживает свой «период кризиса и разложения»³. Она, как до этого марксизм, неизбежно уйдет в прошлое.

В связи с тем что современная система была рождена вследствие окончания Второй мировой войны, это означает, что в центре этой системы, ответственной за ее жизнедеятельность, стоят США и их западные союзники. Именно Америка «создала несправедливую систему распределения мировых богатств», отчего страдают все остальные народы мира. Своё доминирующее положение США подкрепляют многочисленными

военными базами во всех частях мира, поддержкой марионеточных и реакционных режимов⁴, и прямыми военными интервенциями. «Посмотрите на ситуацию в Ираке и Афганистане», – заявляет Ахмадинежад. «Это не может больше продолжаться, чтобы одна страна осуществляла военную оккупацию во имя борьбы с терроризмом и наркотрафиком, хотя, на самом деле, производство наркотиков выросло, терроризм расплодился в разных направлениях, тысячи невинных людей погибли, ранены или стали беженцами, инфраструктура уничтожена, а система региональной безопасности серьезным образом подорвана. И те, кто повинен во всем этом, продолжают обвинять других»⁵.

С точки зрения президента Ирана, США и страны Запада ради сохранения своего доминирующего и привилегированного положения в регионе способствовали формированию диктаторских, коррумпированных режимов. «В отношении вопроса о бывшем президенте Египта нужно ответить на простой вопрос – чьи правительства его поддерживали? И остальное станет ясно. Покажите мне какого-нибудь диктатора в мире, которого бы не поддерживали США или отдельные европейские правительства. Таких почти не существует. Я думаю, что диктатура и гегемония – это часть одного феномена. И это является нарушением прав человека. И это необходимо изменить»⁶. Так как подобная политика привела к тому, что такие правители «дистанцировались от человеческих ценностей, морали и учения божественных откровений».

Подобное положение дел привело к обострению внутренней ситуации в Египте. Как отметил постоянный представитель ИРИ при ООН Мохаммад Хазаи: «Страна (Египет. – А. Б.) сталкивается с комплексом проблем. В частности, эти проблемы связаны с состоянием сегодняшней мировой экономики, наличием бедности, безработицы, технического разрыва и так далее. Это связано с проблемами наличия непредставительных правительств, коррупции и иностранной зависимости»⁷.

Выступая с речью на Генеральной Ассамблее ООН 26 сентября 2012 г., Махмуд Ахмадинежад призвал разорвать преступную связку мирового гегемона и региональных диктаторских режимов. «Пришло время положить конец тем, кто определяет демократию и свободу, устанавливает стандарты, которые сами же первыми и нарушают. Они больше не могут выступать одновременно и судьями и исполнителями, бросая вызов настоящим демократическим избранным правительствам»⁸. Народы региона «пробудились для просвещения и теперь требуют справедливости, свободы и прав».

Необходимо позволить народам самим решать свои проблемы. При этом в принципе недопустимо какое-либо вмешательство или давление, а тем более угрозы применения силы со стороны. В официальном заявлении МИД ИРИ уже 5 февраля 2011 г. осудило «попытки вмешательства со

стороны США и сионистского режима. И предупреждает, что любое действие, идущее вразрез с общим направлением исламского народного движения в Египте, против интересов народа, против единства нации, неизбежно приведет к возмущению всей исламской уммы и ненависти во всем мире»⁹. Официальные власти Ирана на всех уровнях – от президента страны до послов – неоднократно подчеркивали факт невмешательства Тегерана во внутренние дела стран региона¹⁰.

Характеризуя развитие ситуации в Египте и приветствуя решительную победу египетского народа над диктаторским режимом Хосни Мубарака, представители иранских властей обращают пристальное внимание на возможность восстановления полноценных отношений между странами. Спикер Маджлиса Али Лариджани, заявив, что народ и власти Ирана с самого начала поддерживают египетскую народную революцию, добавил, что ИРИ будет продолжать свою поддержку этой североафриканской страны. При этом он описал отношения между странами как братские и дружественные, имеющие глубокие исторические, культурные и религиозные скрепы, заложившие основы для расширения взаимовыгодной кооперации во всех сферах жизнедеятельности¹¹.

В сходных выражениях прокомментировал ситуацию и глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи, выступая на пресс-конференции в Дохе (Катар), 2 мая 2011 г.: «Иран и Египет имеют потенциал в различных сферах, и это прокладывает путь к возобновлению политических, культурных и экономических отношений». Главная цель, которую преследует в данном случае Тегеран, – это создание стратегического союза между двумя странами, так как «Иран и Египет имеют высокий статус в регионе, и их сотрудничество будет выгодно региону и исламскому миру». Он также заявил, что отношения между Ираном и Египтом не будут угрожать интересам ни одной региональной державе. Наоборот, уверен Салехи, «сотрудничество между двумя странами, в особенности в политической сфере, будет способствовать установлению стабильности, безопасности и мира в регионе»¹².

Заключение подобного стратегического альянса между «двумя влиятельными полюсами в мусульманском мире»¹³, по заявлениям Махмуда Ахмадинежада, должно проходить без какого-либо давления. «Иран хочет сотрудничать с Египтом в атмосфере уважения и справедливости, и мы не хотим навязывать какие-либо политические требования, развитие Египта – это наше развитие»¹⁴. Египетский народ, как подчеркивал еще раз Ахмадинежад, должен сам определиться в данном вопросе.

Концепция «гуманитарного пробуждения» предусматривает доминанту воли народа в определении будущего страны. Чтобы воля народа стала таковой, необходимо предпринять определенные усилия. Так, спикер Маджлиса Али Лариджани призвал египетский народ не прекращать сво-

их акций протеста до тех пор, пока не удастся добиться главной цели – смены всей системы власти. «Победа Египта зависит от установления демократической системы, а не от подчинения США. Свержение египетскими революционерами режима Мубарака – это только первая стадия, на второй стадии должна произойти смена режима»¹⁵. Развивая свою мысль далее, он продолжает: «Цель египтян – не просто свергнуть старого диктатора и заменить его группой молодых генералов. Цель, скорее всего, заключается в том, чтобы египетский народ достиг настоящей демократии и возродил свою национальную и религиозную идентичность»¹⁶. Только так можно добиться гарантии своих прав на свободу и независимость от иностранного засилья, тирании и деспотии.

Построение подлинно независимого свободного государства, по уверению Ахмадинежада, приведет египетский народ к внутреннему освобождению, очищению от слепого преклонения перед западными духовными ценностями. Египетский народ, являющийся мусульманами, вольется в глобальный процесс «исламского пробуждения». Однако «в современных международных отношениях эгоизм и болезненная зависть заменили собой такие гуманистические концепты, как любовь, жертвенность, достоинство и справедливость. Вера в Единого Бога была подменена эгоцентризмом»¹⁷. Но сегодня мы можем наблюдать, как «исламское пробуждение, исламская цивилизация и исламское единство вышли далеко за свои первоначальные пределы и стали делом, которое заботит большинство мусульман. Когда они приходят к исламскому пробуждению, это не что иное, как возвращение к истинному исламу»¹⁸. А истинный ислам, по словам Ахмадинежада, основывается на трех принципах – монотеизме, единстве и правах человека.

Осознание себя мусульманами приведет египетский народ к признанию себя неотъемлемой частью исламской уммы, возрождение которой даст возможность всему региону избавиться от наследия колониального прошлого, навязанное Западом и США. Но так просто последние не откажутся от своего привилегированного положения. «Каждый должен оставаться решительным в своих убеждениях, потому что они (США. – А. В.) стремятся похитить народные восстания с целью заставить их служить интересам капиталистов»¹⁹, – предупреждает Ахмадинежад. Развивая свою мысль, в дальнейшем он заявляет: «Колониальные державы пытаются создать раскол между Ираном и арабскими странами, шиитами и суннитами, региональными и соседними странами Персидского залива, но региональные народы должны знать об этом и быть бдительными»²⁰.

Противостоять заговорам, разжиганию межрелигиозной и межнациональной вражды можно только сохраняя единство целей и интересов. Мусульмане региона должны осознать себя единым целым, единой и неделимой уммой. Обращаясь

ко всем мусульманам, Махмуд Ахмадинежад по этому поводу заявил: «Вы должны знать, что региональные народы и Иран недовольны переговорами, чинимыми США, их союзниками и существующим фейковым сионистским режимом. Народы продолжают выступать за окончание доминирования США и сионистского режима в регионе»²¹. В этом отношении внешнеполитические устремления Ирана совпадают с интересами региональных народов. Как заявил по этому поводу спикер Маджлиса Али Лариджани: «Мы не хотим видеть мусульман, живущих под гнетом США, и неважно кто они - сунниты или шииты»²².

Однако помимо внешнего противника в лице США, существует еще и «внутренний» противник, с которым также необходимо бороться, так как он подрывает единство уммы. По словам Ахмадинежада, Иран достиг многого в различных сферах благодаря тому, что целью иранской революции было не установление господства одной группы над другими, а исполнение народных требований. Поэтому Исламская Республика Иран является одной из самых демократичных и прогрессивных стран мира²³, где правительство идет навстречу народным чаяниям. Ему вторит и спикер Али Лариджани, заявляющий, что арабские народы хотят увидеть перемены в своих странах, хотят увидеть, что их законные требования признаются, это является главной причиной, по которой ИРИ и поддерживает их. «Но на свои требования народ в ответ не должен получать пули»²⁴.

На практике это должно означать, что правительства стран, охваченных народными протестами, должны идти навстречу этим требованиям. Иначе, как заявил Ахмадинежад: «Любая помощь врагам в осуществлении их планов в регионе приведет к соответствующему к ним отношению со стороны региональных народов, которые станут рассматривать их как пособников врага с вытекающими для них последствиями»²⁵. Это, в свою очередь, подразумевает всемерную поддержку народа в его противостоянии антидемократическим режимам в регионе.

Но куда большую опасность единству мусульманской уммы представляет другой противник, который может своими действиями полностью не допустить достижения целей «гуманитарного пробуждения» в регионе. Это Израиль, являющийся американской креатурой и служащий претворению целей, преследуемых США в регионе Ближнего Востока. И здесь Тегеран отводит одну из главных ролей Египту, имеющего общую границу с Израилем и Палестинскими территориями. «Политическая география региона изменится, если Иран и Египет займут единую позицию по палестинскому вопросу»²⁶, – заявил Махмуд Ахмадинежад во время своего посещения Египта, призвав египетские власти теснее координировать действия по тем проблемам, которые существуют в регионе.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, разбирая сущность концепции «гума-

нитарного пробуждения». Иранские власти на всех уровнях подчеркивают тот факт, что политика Тегерана не определяется конфессиональными предпочтениями. Иранский президент Махмуд Ахмадинежад резко осудил провокационное разжигание вражды между суннитами и шиитами. «Шиито-суннитская рознь – это новый план раскола, предлагаемый империалистами. Если Египет и Саудовская Аравия будут противостоять какой-либо агрессии, мы поддержим их так же, как сделали бы это и для других государств»²⁷, – заявил Ахмадинежад. Подчеркнув, что Иран оказывает свою поддержку различным региональным организациям, одни из которых шиитские, как ливанская Хизбалла, а другие суннитские, как палестинский ХАМАС.

Спикер Али Лариджани 8 апреля 2011 г. заявил в своем выступлении в Куме, подтверждая заявления Ахмадинежада, что поддержка Ираном восстаний в Арабском мире ничего не имеет общего с шиизмом или суннизмом. «Иран бросил все свое влияние на поддержку восстаний в Египте, Тунисе и Йемене, хотя эти страны населены в основном суннитами. Иран рассматривает эти вопросы с гуманитарной точки зрения»²⁸.

Следуя в этом же ключе, глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи в резких выражениях раскритиковал попытки определенных западных стран столкнуть две региональные державы – Иран и Турцию – утверждая, что Турция – это суннитская держава, а Иран – шиитская. Он назвал эти заявления бесперспективными и провокационными. «Нет двух стран, даже управляемых мусульманскими правительствами, которые были бы одинаковыми. Иран и Турция, в данном случае, не исключение»²⁹. По словам Салехи, ислам един и концепций «иранского ислама» или «турецкого ислама» не существует.

Подводя краткие итоги проведенного анализа основных положений концепции «гуманитарного пробуждения», необходимо подчеркнуть, что она была призвана стать моделью по реализации первоначальной идеи «исламского пробуждения», сформулированной аятоллой Али Хаменеи. Взяв на вооружение главные положения – антиамериканизм, антиссионизм и исламское единство – «гуманитарное пробуждение» не акцентировало внимание на идеологическом лидерстве Исламской Республики Иран, не представляло ее в качестве модели для дальнейшего построения Исламской Республики.

Концепция тем самым должна была выполнять прикладные функции по реализации внешнеполитических целей, которые ставили перед собой иранские власти на региональном и глобальном уровнях. Не случайно, что главным местом ее претворения в жизнь стал Египет. Приход к власти «братьев-мусульман», а затем и исламиста Мохаммеда Мурси дал шанс Ирану на реализацию названных принципов в создании предполагаемого союза. Однако, как показа-

ли последующие события, а именно военный переворот в июле 2013 г. и запрет деятельности «братьев-мусульман», реализовать их в полной мере не удалось. Но тот факт, что Исламская Республика Иран смогла представить альтернативную модель космополитичной «Арабской весне», превратило Тегеран в одного из ведущих региональных игроков, без участия которого невозможно решение ни одного крупного вопроса, связанного с сегодняшним регионом Ближнего Востока.

Примечания

- 1 См.: Баранов А. В. Концепция Исламского пробуждения аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 190–204.
- 2 Islamic Revolution inspires awakenings. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/16806/Islamic+Revolution+inspires+awakenings.html> (дата обращения: 07.10.2011).
- 3 Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly. URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).
- 4 West seeking to break up Jordan to save Israel : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/45311/West-seeking-to-break-up-Jordan-to-save-Israel-Ahmadinejad> (дата обращения: 04.04.2011).
- 5 Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly. URL: <http://en.mehrnews.com/news/52404/Text-of-Ahmadinejad-s-speech-at-the-UN-General-Assembly> (дата обращения: 28.09.2012).
- 6 Full Transcript : Interview With President Mahmoud Ahmadinejad of Iran. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/16441/Full+Transcript+Interview+With+President+Mahmoud+Ahmadinejad+of+Iran.html> (дата обращения: 21.09.2011).
- 7 *Khazae M.* Middle East in transition. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12550/Middle+East+in+transition.html> (дата обращения: 08.05.2011).
- 8 Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly...
- 9 Iran warns US, Israel against meddling in Egypt // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080.
- 10 Egypt and Iran can change 'regional balance' : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/53951/Egypt-and-Iran-can-change-regional-balance-Ahmadinejad> (дата обращения: 05.02.2013) ; Colonialism and mega-capitalism near collapse : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/53988/Colonialism-and-mega-capitalism-near-collapse-Ahmadinejad> (дата обращения: 07.02.2013) ; Egyptian people should decide their future. URL: <http://en.mehrnews.com/news/55905/Egyptian-people-should-decide-their-future> (дата обращения: 13.07.2013).
- 11 'Iran-Egypt ties strategic for Muslims'. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12850/%27IranEgypt+ties+strategic+for+Muslims%27.html> (дата обращения: 17.05.2011).
- 12 Tehran-Cairo strong ties will benefit the region : Iran. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12462/TehranCairo+strong+ties+will+benefit+the+region+Iran.html> (дата обращения: 04.05.2011).
- 13 Speaker Urges Tehran-Cairo Rapprochement. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1902308/Speaker+Urges+TehranCairo+Rapprochement+.html> (дата обращения: 04.06.2012).
- 14 Colonialism and mega-capitalism near collapse : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/53988/Colonialism-and-mega-capitalism-near-collapse-Ahmadinejad> (дата обращения: 07.02.2013).
- 15 Change of system, next stage of Egypt revolution // Tehran Times. 2011. February 15. № 11089.
- 16 200 scholars holding dialogue on Islamic unity in Tehran // Tehran Times. 2011. February 20. № 11093.
- 17 Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly...
- 18 Disappearance of Zionist regime in near future URL: <http://en.mehrnews.com/news/55078/Disappearance-of-Zionist-regime-in-near-future> (дата обращения: 01.05.2013).
- 19 West seeking to break up Jordan to save Israel : Ahmadinejad...
- 20 Ahmadinejad : New Mid East to be created without US, Zionist regime URL: <http://isna.ir/en/print/9001-09806/Ahmadinejad-New-Mid-East-to-be-created-without> (дата обращения: 13.04.2011).
- 21 Ibid.
- 22 200 scholars holding dialogue on Islamic unity in Tehran...
- 23 Text of Ahmadinejad's speech at the UN General Assembly...
- 24 'Iran's support for uprisings has nothing to do with Sunnism, Shiism' URL: <http://en.mehrnews.com/archives?pi=1&all=1&ms=0&dy=8&mn=4&yr=2011> (дата обращения: 08.04.2011).
- 25 'Hegemons seeking to incite Iran-Arab conflict to save Israel'...
- 26 Egypt and Iran can change 'regional balance' : Ahmadinejad...
- 27 Ibid.
- 28 'Iran's support for uprisings has nothing to do with Sunnism, Shiism'...
- 29 There is no Iranian or Turkish Islam : Salehi URL: <http://en.mehrnews.com/news/45161/There-is-no-Iranian-or-Turkish-Islam-Salehi> (дата обращения: 14.03.2011).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. Египетская революция 2011 года в концепции «гуманитарного пробуждения» Махмуда Ахмадинежада // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 463–467. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-463-467.

УДК 338.124.4+332.135(4/5)

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЕАЭС

Д. С. Алексеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alexeyevds@gmail.com

В статье рассмотрены некоторые вызовы евразийской экономической интеграции в условиях продолжающегося мирового экономического кризиса и их влияние на динамику взаимодействия государств в рамках ЕАЭС. Автор анализирует как внутренние, так и внешние факторы угроз и вызовов евразийской интеграции, а также степень их влияния на потенциал сотрудничества. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия стран ЕАЭС с китайским проектом экономического пояса нового Шелкового пути.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, мировой экономический кризис, внешняя политика России, постсоветское пространство, экономический пояс Шелкового пути.

The Global Economic Crisis and the Eurasian Integration Process: Challenges for the EAEU

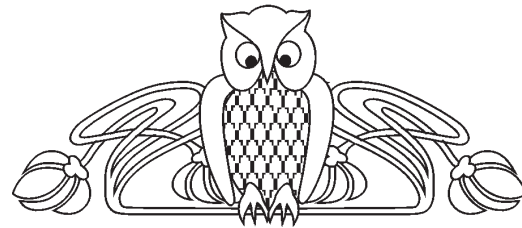
D. S. Alexeev

The article examines some issues and negative effects posed by the global economic crisis to the Eurasian economic integration. The attention is focused specially on the dynamic of cooperation between the EAEU members in the times of economic turbulence. The author analyzes the external and internal factors that construct possible threats and issues, as well as the extent of their influence on the intensity and the substance of cooperation. Special attention is paid to the question of interaction between the EAEU and the Chinese project of Economic belt of the Silk Road.

Key words: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, global economic crisis, Russian foreign policy, post-soviet space, economic belt of the New Silk Road.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-468-471

Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., в настоящее время продолжает находиться в одной из стадий своего развития. Многочисленные усилия, предпринимаемые как отдельными странами, так и группами государств, пока не приносят заметных результатов, которые позволили бы сказать, что кризис постепенно остается в прошлом. Напротив, в него вплетаются все новые и новые элементы и обстоятельства, которые делают выход из него все более отдаленным. Все это, включая разрастающийся конфликт на Ближнем Востоке, влияющий на формирование цен на энергоносители, связанный с ним миграционный кризис в Европе, создает много неопределенностей для экономического развития стран и

регионов мира. Особую специфику эти процессы имеют на евразийском пространстве.

Экономическая интеграция в Евразии демонстрирует сравнительно неплохую динамику, и в последние месяцы наблюдается ряд серьезных шагов вперед на этом направлении. Присоединение Армении и Киргизии к проекту ЕАЭС показывает не только его востребованность среди ряда государств бывшего СССР, но и своевременность предложенной модели, которая открывает для стран-участниц новые возможности, при сохранении своих сравнительных преимуществ в экономической сфере.

Действительно, статистические данные указывают, что динамика евразийской интеграции в целом весьма позитивно воспринимается гражданами стран-участниц¹. Несмотря на кризисные явления в экономиках ЕАЭС, объемы прямых иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС сумели остаться на прежнем уровне, сохранив даже небольшую тенденцию к росту².

Тем не менее вызовы и угрозы экономической безопасности на евразийском пространстве сохраняются и во многих случаях носят системный и долгосрочный характер. Выделим лишь наиболее острые угрозы и проблемы, требующие комплексных подходов к своему решению.

Одной из главных проблем экономической безопасности евразийских государств продолжает оставаться высокая зависимость от экспорта энергоносителей и слабая степень диверсификации экономик. Проблема не нова и уже многократно озвучена и обсуждена на различных площадках и уровнях сотнями экспертов и политиков. И, тем не менее, ее решение пока так и остается отдаленной перспективой. Однако стоит отметить, что в последнее время в рамках ЕАЭС был создан ряд институциональных структур, которые должны оказывать позитивное воздействие на конкурентный потенциал экономик ЕАЭС: Антикризисный фонд ЕАЭС, который сможет оказывать поддержку отдельным секторам экономик в случае экстренных экономических ситуаций; Центр высоких технологий ЕАЭС и Международный инновационный центр нанотехнологий ЕАЭС на базе Объединенного института ядерных исследований, а также ряд других инициатив. В рамках Евразийской экономической комиссии приняты решения по реализации проекта евразийских технологических платформ, в том числе по таким перспективным направлениям, как «Медицина будущего», «Наци-

ональная программная платформа», «Технологии мехатроники», «Биоэнергетика», «Технологии экологического развития», «Светодиоды», «Фотоника», «Суперкомпьютеры», «Легкая промышленность»³. Однако кумулятивный эффект от этих структур, вероятно, останется отложенным, в первую очередь из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры и долгосрочного характера модернизационных проектов.

Серьезным препятствием на пути диверсификации является и то обстоятельство, что в этом процессе государства в большей степени ориентируются на собственные модели выхода из неблагоприятной экономической ситуации. Разнонаправленность тактических и стратегических инициатив делает общее движение стран ЕАЭС к повышению своей конкурентоспособности замедленным.

И все же, какие бы значительные усилия не прилагали государства для решения проблем диверсификации, значительного продвижения вперед достичь будет весьма непросто в условиях кризиса цен на энергоносители и девальвации национальных валют, что становится одним из серьезнейших вызовов экономической безопасности стран региона. Любой модернизационный проект остро нуждается в инвестициях и, как правило, весьма долгосрочных. Сделать их в условиях низких цен на нефть и «дорогих» деньгах, при сохранении необходимости поддерживать национальные бюджетные расходы на должном уровне, весьма проблематично. А в ряде случаев – просто невозможно. Ситуация усугубляется тем, что у большинства экономических игроков отсутствует понимание того, как будет эволюционировать рынок энергоносителей в обозримой перспективе. Большинство экспертов прогнозируют относительно низкие цены на углеводороды как долгосрочную тенденцию, которая определит общемировой тренд на ближайшие пять лет, а возможно, и на более длительный срок.

Серьезные риски сохраняются в контексте переноса энергетических вызовов для экономик стран Евразии в плоскость геополитической игры с вмешательством в нее внерегиональных игроков в лице Китая, ЕС и США. К слову, значительная часть угроз связана не столько с различными по своему характеру и содержанию моделями диверсификации поставок сырья на мировые рынки в условиях снижающихся цен на энергоносители, сколько со стремлением суверенных государств достичь сиюминутной экономической выгоды за счет интересов партнеров по региону в ущерб консолидированной энергетической стратегии. Следует все же отметить, что в рамках работы Евразийской экономической комиссии уже давно идет обсуждение формирования в рамках ЕАЭС общего рынка электроэнергии, нефти и газа. По мнению стратегов ЕАЭС, эти шаги должны будут объединить и более эффективно использовать энергетический потенциал стран Союза. Однако,

по мнению экспертов, сроки реализации этих планов (2019 и 2025 гг.) выглядят достаточно оптимистично.

На пути достижения поставленных целей лежит довольно много препятствий. В первую очередь, различные структуры управления энергосистемами и ценообразованием в странах ЕАЭС, которые в ближайшее время никто реформировать не собирается, что создаст возможности для злоупотреблений и извлечения выгоды за счет затрат соседних государств, подрывающие саму идею энергетической интеграции⁴. То же самое касается и общего рынка нефти и газа. К сожалению, относительно невысокая степень взаимного доверия и политизированность вопросов, касающихся экспорта углеводородов, за счет которых поддерживаются бюджеты многих стран ЕАЭС, не позволяют вести диалог, опираясь исключительно на экономические инструменты и механизмы. А в большинстве случаев фактор политической целесообразности становится доминирующим в принятии решений руководством стран ЕАЭС. Все это делает перспективы формирования общих рынков весьма непростыми.

Помимо проблем диверсификации и низких цен на энергоносители, к числу наиболее заметных вызовов экономической безопасности и интеграции в зоне ЕАЭС следует отнести тот факт, что экономический эффект от роста взаимной торговли в рамках ЕАЭС остается достаточно слабым. Расчет участников Союза на быстрое формирование внутреннего рынка с соответствующими эффектами мультипликации в различных областях реального сектора экономики, а также в сфере услуг пока не оправдывается. Во многом ситуация остается сложной из-за сохраняющегося формата изъятий из единого рынка товаров и услуг и сохранения нетарифных барьеров⁵. Другими словами, участники ЕАЭС во многих случаях стремятся использовать экономическую интеграцию в качестве инструмента для «зарабатывания» друг на друге. При доминировании такого подхода и категорическом нежелании учитывать интересы партнеров в планировании своей хозяйственной деятельности ожидать изменений ситуации бессмысленно.

Добавляет нервозности экономическим игрокам и сохраняющийся режим экономических санкций против России. Сложности в доступе к международным финансовым ресурсам с большой вероятностью не позволят в ближайшее время существенно расширить межотраслевое макроэкономическое взаимодействие в рамках ЕАЭС, реализация которого будет сложной без соответствующих инвестиций. И Казахстан, и Белоруссия посылают Москве сигналы, что не готовы в полной мере брать на себя экономические издержки, связанные с ухудшением отношений между Россией и Западом. Следовательно, России в формулировании своей внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии следовало бы

принимать во внимание озабоченность своих партнеров по ЕАЭС.

По мнению большинства экспертов, в складывающейся ситуации снижения объемов внутрисоюзной торговли большее внимание следует обращать на поддержку взаимодействия малого и среднего бизнеса на региональном уровне. В этом ключе особое внимание, которое в последнее время уделяется сферам экономического сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана, может дать положительный опыт формирования горизонтальных экономических связей между странами ЕАЭС. Среди экспертных рекомендаций в этой сфере следует отметить перспективы создания приграничных зон свободной торговли и областей экономического благоприятствования определенным секторам экономики, нуждающимся в быстром развитии. Определенные льготы в налогообложении могли бы стимулировать и создание совместных предприятий с уставным капиталом из двух или более государств-участников ЕАЭС.

Серьезным риском на пути успешной экономической интеграции остается и существенный перекося в экономическом взаимодействии государств Евразийского экономического союза. Уровень торговли и сотрудничества прямых экономических связей Белоруссии и Казахстана, Белоруссии и Армении, Киргизии и Армении без участия России остается весьма низким. Без существенных изменений в этом направлении реальных сдвигов в плане углубления экономической интеграции ожидать не приходится.

На фоне сохраняющихся пока еще препятствий и вызовов на пути к многосторонней интеграции в рамках ЕАЭС в регионе активно ведется продвижение инициированного КНР одного из крупнейших экономических проектов десятилетия – экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Руководством России и КНР было подписано соглашение о перспективах сопряжения двух проектов евразийской экономической интеграции и китайского инфраструктурного по целому ряду направлений. Действительно, реализация и взаимное дополнение данных проектов могли бы принести существенные выгоды и региону Центральной Евразии и Китаю, однако в процессах окончательной направленности и результатах реализации ЭПШП в настоящее время существует довольно много неопределенностей. В этой связи оптимизм российских и центральноазиатских экспертов в отношении сопряжения должен носить осторожный характер. В частности, большинство оценок указывает на то, что ЭПШП не направлен на активную экспансию товаров на рынки стран ЕАЭС, а имеет целью экономическое развитие Сыньцзян-Уйгурского автономного района, и в то же время все согласны с тем, что главным источником экономического роста будет увеличение объема экспорта по вновь построенным транспортным артериям⁶.

На наш взгляд, в двух указанных выше оценках есть значительная доля противоречий. К тому же, как именно произойдет сопряжение двух параллельных проектов, в настоящее время сложно прогнозировать, однако уже сейчас можно наблюдать, что политика стран ЕАЭС по организации экономических контактов с внешними игроками имеет тенденцию к большей самостоятельности, где интересы участников Союза могут существенно расходиться. Кроме того, как утверждают российские эксперты, единая стратегия ЕАЭС в отношении Китая пока не выработана, отсутствует постоянная площадка для диалога⁷. Все существующие элементы объединения разных секторов экономики ЕАЭС имеют долгосрочный характер. К сожалению, прогресс в динамике их реализации в настоящее время довольно сложно оценить однозначно. Отсутствует также уверенность в том, что Китай в реализации ЭПШП будет воспринимать ЕАЭС как равноправного партнера. Иными словами, в реализации совместных проектов ЕАЭС–Китай, помимо широкого спектра возможностей, на которые справедливо указывают российские и центральноазиатские эксперты, следует быть готовыми и к ряду вызовов экономической безопасности, которые может поставить реализация данного проекта.

В заключение хотелось бы отметить наиболее важный момент, связанный с необходимостью координации совместных усилий по борьбе с рисками и угрозами экономической безопасности стран ЕАЭС. Как показывают расчеты специалистов Евразийской комиссии и Евразийского банка развития в подготовленном ими совместном докладе «Система анализа и макроэкономического прогнозирования Евразийского экономического союза», показатели экономического развития и динамики всех стран-участниц ЕАЭС в последние годы демонстрируют высокую степень синхронизации. Другими словами, подъемы и спады в экономическом развитии стран ЕАЭС, а также реакция этих государств на внешнеэкономическую конъюнктуру в большинстве показателей совпадают⁸.

Это подтверждает тезис о том, что, несмотря на разность в объемах экономик стран ЕАЭС и их отличия в структурном и производственном потенциале, риски и вызовы экономической безопасности имеют общую направленность для всех стран евразийского пространства. Следовательно, синхронизация работы по их совместному отражению должна стать одной из приоритетных задач на различных уровнях экономического и политического взаимодействия.

Примечания

- ¹ Интеграционный барометр 2015 // Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. Доклад № 33. 2015. URL: http://www.eabr.org/general/upload/EDB_Centre_Analytical_Report_33_Full_Rus.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

- ² Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2015 // Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. Доклад № 32. 2015. URL: http://www.eabr.org/general/upload/СІІ%20-%20izdania/MonitoringVzaimnikhInvesticii/2015/MVI_2015_Ezhegodnyu_Doklad_rus.pdf (дата обращения: 20.03.2016).
- ³ *Кряжев А.* ЕАЭС, как толчек к развитию обрабатывающей промышленности // РИА Новости 23.07.2014. URL: <http://eurasiancenter.ru/infrastructureexperts/20140723/1003599453.html> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁴ *Самедова Е.* Жертвой интеграции энергорынков может стать Газпром? // Deutsche Welle 18.09.2015. URL: <http://dw.com/p/1GYQf>. (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁵ *Винокуров Е., Цукарев Т.* Экономика ЕАЭС : повестка дня // Россия в глобальной политике Валдайские записки 28.10.2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Ekonomika-EAES-povestka-dnya-17778>. (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁶ К великому океану. 3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). Июнь 2015. С. 7–9. URL: <http://karaganov.ru/content/images/uploaded/7c15ceac311a5c93201dcb2a3c851be4.pdf> (дата обращения: 20.03.2016).
- ⁷ К великому океану. 3... С. 22.
- ⁸ Система анализа и макроэкономического прогнозирования Евразийского экономического союза. Совместный доклад Евразийской экономической комиссии и Евразийского банка развития. М. ; СПб., 2016. URL: http://www.eabr.org/general/upload/EDB_Centre_Report_35new_RUS.pdf. (дата обращения: 20.03.2016).

Образец для цитирования:

Алексеев Д. С. Мировой экономический кризис и евразийская интеграция: вызовы для ЕАЭС // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 468–471. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-468-471.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 002.2

САРАТОВ – ЦЕНТР НЕМЕЦКОГО КНИГОИЗДАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ (до 1917 г.)

Е. В. Познякова

Самарский государственный институт культуры
E-mail: elena_fox_73@mail.ru

В статье раскрыты предпосылки появления немецкоязычного книгоиздания в Саратове и представлен подробный аналитический обзор книг и брошюр на немецком языке, напечатанных в 1846–1916 гг. саратовскими типографиями и типолитографиями И. И. Хворинова, Ф. М. Киммеля, Г. Х. Шельгорна, А.Ф. Винклера, товарищества «Энергия» и др. Представлены сведения о немецкоязычной печати в уездах Саратовской губернии.

Ключевые слова: саратовское книгоиздание, полиграфическое производство, немцы Поволжья.

Saratov as the Center of the German Book Publishing in the Volga Region (till 1917)

E. V. Poznyakova

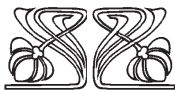
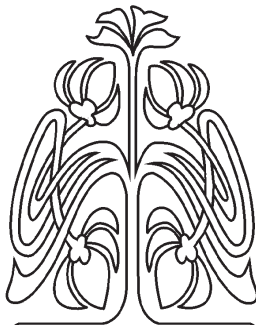
In the article, the prerequisites of the emergence of the German-language book publishing in Saratov are revealed and the detailed state-of-the-art review of the books and brochures in German printed in 1846–1916 by the Saratov printing houses and I. I. Hvorinov, F. M. Kimmel, G. H. Shelgorn, A. F. Vinkler's typolithographies, «Energy» association, etc. is given. Data on the German-speaking press in the districts of the Saratov province are submitted.

Key words: Saratov book publishing, printing production, Germans of the Volga region.

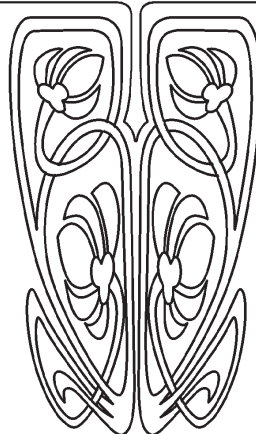
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-472-478

Манифесты императрицы Екатерины II о дозволении иностранцам поселяться в России от 4 декабря 1762 г. и 8 июля 1763 г.¹ привлекли на российские земли большой поток переселенцев из Европы – французов, швейцарцев, голландцев, но более всего немцев. Колонистам предоставлялось в безвозмездное пользование большое количество удобной для хлебопашества земли, выдавались орудия труда и лес для строительства жилья, они получали необходимый домашний скот и освобождались от пошлин и поборов. Опустошительная Семилетняя война (1756–1763) привела к тому, что многие немцы оказались в бедственном положении. Высочайшие манифесты давали этим людям, в большинстве своём крестьянам и ремесленникам, надежду на благополучное будущее. Привлекая в Россию иностранцев, Екатерина II думала о пользе, какую иноземцы могли принести экономическому и культурному развитию края. Немцы начали осваивать целинные земли, устраивать табачные плантации, развивать ремёсла. В 1769 г. в Саратовской губернии насчитывалось уже более 100 немецких колоний с населением около 10 тыс. человек². К концу 1770 г. для колонистов было возведено 5 845 домов и 8 417 различных хозяйственных пристроек³.

В Саратове немцы основали так называемую Немецкую слободу. В центре города им отвели целый квартал. Каждому семейству было отмерено земли до 32 метров по улице и 85 метров во двор⁴. Постепенно немцы стали расселяться и по другим улицам города. Многие из них оставили след в истории Саратова и губернии. Например, колонист Линдегрэн открыл на Московской улице в доме Акимова первую

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

частную аптеку в Саратове (1807), домовладелец Штейн устроил в собственном доме немецкий клуб (1840)⁵. Выпускник саратовской мужской гимназии Эдуард Губер первым перевёл на русский язык «Фауста» И. В. Гёте.

По данным Первой всеобщей переписи (1897 г.), немцев в Саратовской губернии насчитывалось почти 7 % от общего числа населения – это 166 483 человека⁶. К 1914 г. их численность возросла до 400 тысяч человек. Они населяли более 200 колоний, сосредоточенных главным образом в Камышинском уезде, где проживало более 80 % всего немецкого населения губернии. Часть немецких общин находилась в Аткарском, Балашовском, Саратовском и Царицынском уездах⁷.

Следует заметить, что колонисты сумели сохранить свою самобытность: язык, религию, традиции, обычаи. В немалой степени этому способствовала книжная культура. Книги на родном языке брали с собой в далёкую Россию ещё первые переселенцы. В первой половине XIX в. религиозная и светская литература на немецком языке поступала в колонии из Берлина, Лейпцига, Штутгарта, а также из российских городов – Риги и Дерпта. Без достаточной книжной базы вряд ли было возможно функционирование школ, которые колонисты начали строить уже в первые годы после переселения. Школы эти были церковно-приходские, в них обучались дети в возрасте от 7 до 15 лет. Довольно часто школьное здание и молитвенный дом размещались под одной крышей, а учителями становились пасторы. Впрочем, церковные школы давали лишь азы грамотности и преследовали одну цель – наставление детей в вере, воспитание в них осознанного участия в богослужениях. Это отрицательно сказывалось на общем уровне образования, который можно было назвать невысоким. По переписи, проведённой Саратовской конторой иностранных поселенцев в 1862 г., «лишь 36,3% учившихся могли прочитывать печатное, а писанное – только 4%, умело подписывать фамилию – 26,2%, свободно писало – 2,4%, разбирать цифры – 25,2%, а считать – всего 2,6%»⁸.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что реформы Александра II сыграли большую роль в распространении образования среди немцев-колонистов. Можно говорить о серьёзном качественном скачке и значительном повышении уровня обучения. В начале XX в. детям колонистов были доступны уже 68 земских, 11 министерских, 2 центральных, 2 гимназических и 13 частных школ, а также 2 прогимназии (всего около 350 учебных заведений)⁹. Земские школы отличались лучшей постановкой учебно-образовательной работы: преподавался русский язык, Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, пение. Давались элементарные знания по природоведению, географии, истории. На рубеже XIX–XX вв. немецкие церковно-приходские школы отдали в ведение министерства народного образования. Вводилось обязательное обучение светским предметам и русскому языку.

Заметим, что проходило оно весьма болезненно за счёт урезания количества часов на традиционные религиозные дисциплины. Часть колонистов осознавала необходимость изучения русского языка – он открывал широкие перспективы в работе и службе, в общении с русскоязычными соседями, торговле и быту. Но русских учителей не хватало. Да и некоторые колонисты встречали их враждебно, обвиняя в разрушении национальных традиций. В первом номере «Камышинского вестника» 1906 г. поселенец колонии Усть-Грязнуха сетовал: «развратились наши немцы [...] старших не почитают, начальство не признают, священников не слушают, мессы по покойникам не служат; а все от внесения в школы через русских учителей разных вольностей»¹⁰. В ответ на волнения поселенцев Николай II позволил в марте 1907 г. преподавать в колонистских школах на немецком языке все предметы, за исключением русского, истории и географии. Но в июне 1913 г. русский язык в «инородческие» школы снова вернули.

Несмотря ни на что, благодаря школьным реформам дети немцев-колонистов считались самыми грамотными в Поволжье. На заседании Саратовской губернской земской управы в июне 1916 г. было отмечено, что начальное образование среди немецкого населения поставлено настолько удовлетворительно, что особые заботы земства по улучшению этого дела не требуется¹¹.

Высокий уровень образования в немецких колониях начала XX в. опирался на достойное обеспечение образовательных учреждений учебниками и учебными пособиями, как на русском, так и немецком языках. В фондах Российской национальной библиотеки и Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) хранится одно из первых учебных пособий по немецкому языку, изданных в Саратове – «Немецкие склонения имён существительных». Его автор – преподаватель немецкого языка К. А. Гааг, работавший в саратовской гимназии. Пособие было напечатано типографией А. М. Флорова в 1850 г.¹²

О большой потребности в книгах на немецком языке свидетельствуют каталоги саратовских библиотек, в которых подобные издания сгруппированы в отдельные блоки. По данным на 1867 г., коллекция Саратовского коммерческого клуба, состоявшая из 646 изданий, насчитывала уже 143 наименования книг и брошюр на немецком языке. Все они были заграничного производства (Берлин – 83, Лейпциг – 35, Штутгарт – 11 и т. д.)¹³. В то же время предприимчивые люди отдавали себе отчёт в том, что книги местного производства обходились бы для публики значительно дешевле. Удовлетворяя потребности общественных организаций, учебных заведений и частных лиц, они могли бы приносить очевидный доход типографиям губернского центра. В Саратове не было какой-то отдельной или специальной немецкой типографии. Литература на немецком языке печаталась сразу несколькими

предприятиями, которые фактически работали на две губернии. На территории Самарской губернии иноязычных книг и брошюр из-за цензурных ограничений не печатали¹⁴.

Ещё в 1846 г. первая частная типография Саратова, принадлежавшая мещанину И. И. Хворинину, отпечатала довольно объёмную книгу на немецком языке: «Духовное украшение: католический сборник молитв и песнопений»¹⁵. Это раритетное издание находится в Национальной библиотеке Финляндии (г. Хельсинки). Сохранились другие экземпляры или нет – пока неизвестно.

В библиографическом списке саратовских изданий Н. Ф. Хованского, опубликованном в 1884 г., указаны две книги, отпечатанные параллельно на двух языках (русском и немецком): «Устав о воинской повинности» (Типография А. Сцитника, 1874)¹⁶ и «Церковно-римский католический указатель святой литургии и священнических молитв для Тираспольской епархии на 1879 г., составленный по распоряжению Ф. К. Цоттмана» (Типография И. С. Кувардина, 1878)¹⁷.

Одна из старейших частных типографий Саратова была открыта в 1863 г. купцом Иваном Сергеевичем Кувардиным¹⁸. В 1883 г. её собственником стал выходец из Ревеля Фёдор Максимович Киммель¹⁹. Эта типография издавала, как указано в рекламе, «визитные, свадебные и обручальные карточки». На языке Ф. Шиллера и И.В. Гёте здесь печатали Библию, выпускали церковные календари, молитвенники, песенники церковных хоралов – так называемые «гезангбух». В 1891 г. Ф.М. Киммелем был издан «Малый катехизис доктора Мартина Лютера»²⁰. Несколько лет подряд его типография печатала на немецком языке отчёты церковного совета Евангелическо-лютеранской общины Святого Георга в Самаре²¹. Эти издания получали цензурное разрешение на печать в Москве.

Наверное, самым популярным и востребованным изданием был ежегодник «Волжский курьер: календарь для немецких поселенцев на Волге», который издавался с 1883 года. Тираж его в первое время составлял 3 тысячи экземпляров. На обороте титульного листа обязательно приводилось цензурное разрешение на печать, как правило, его получали в Москве или Дерпте. На первых страницах помещалась реклама различных немецких фирм: магазина музыкальных инструментов Ульриха, аптеки Шмидта, склада и механической мастерской сельскохозяйственных машин Эрта и т. д. В редких случаях реклама печаталась параллельно на русском и немецком языках. Основная часть календаря включала список дат, историю немецких приходов на Волге, список населённых пунктов каждого прихода (для лютеран, католиков и меннонитов). Обложка была очень яркой, красочной, с бегущим Меркурием – богом торговли, с изображениями паровоза и речного судна у берега Волги. Она печаталась на литографском оборудовании и сопровождалась надписью по-русски, видимо, в рекламных целях – «сарат. лит. Ф. М. Киммель»²².

В магазине при типографии покупателям предлагали специальные немецкие книги по различным отраслям знаний, иллюстрированные издания, детские книги, религиозную литературу. Удовлетворяя потребности немецких школ, предприятие печатало учебники и различную дополнительную литературу, необходимую для учебного процесса. Например, в 1889 г. был издан «Букварь для евангелическо-лютеранских церковных школ в немецких колониях Саратовской и Самарской губерний»²³.

В 1903 г. типолитография перешла к жителю города Пернов Лифляндской губернии, германскому подданному Алию Фердинанду Винклеру, который раньше торговал в Саратове дамскими шляпками²⁴. В некоторых архивных документах его называют Алексеем – на русский манер²⁵. К 1912 г. он уже считался промышленником четвёртого разряда и имел в Саратове недвижимое имущество площадью 121 м², оценочная стоимость которого составляла 28 820 рублей. Жил А. Ф. Винклер в доме № 123 по Московской улице²⁶. Типография располагалась неподалёку, на углу улиц Московской и Соборной в доме Лисенко²⁷. Смена хозяина не повлияла на репертуар изданий, который остался прежним. Даже название типографии некоторое время включало два имени «Типография Винклер, бывшая Киммель». В 1904 г. «Волжский курьер» прошёл цензурную проверку уже не в Москве, а в Саратове, где появился отдельный цензор по внутренней цензуре, в т.ч. иноязычной. Тираж издания увеличился до 10 000 экземпляров. С 1909 г. изменилось оформление обложки. Она стала менее яркой, применялось всего два цвета. В условиях сильной конкуренции сократился тираж, который составил 3 000 экземпляров.

Типография продолжала печатать «Церковные сообщения из района старшего пастора горной стороны Волги...»²⁸ и годовые отчёты различных организаций: Евангельско-лютеранской общины в Царицыне на Волге²⁹, машиностроительного завода «Сотрудник» О. Е. Беринга³⁰, Общества милосердия Евангелическо-лютеранской кирхи Св. Марии в Саратове с домом милосердия при ней³¹ и т. д. Тиражность у подобных изданий была небольшая, от 50 до 300 экземпляров, поскольку они не были рассчитаны на продажу и предназначались только для служебных целей.

Печатались также руководства медицинской тематики, такие как «Защита от холеры. Для немецких поселений горной и луговой стороны Волги» (1907). Автором данного издания, выпущенного по заказу Саратовской губернской земской управы, был земский доктор П. Галлер³².

С 1902 по 1915 г. в типографии А. Ф. Винклера печатался на немецком языке календарь «Вестники мира». Заказчиком и издателем выступил книжный магазин «Eben-Ezer» в селении Таловка Камышинского уезда³³. Его тираж в отдельные годы достигал 11 000 экземпляров. Примечательно, что эту цифру превзошло другое ежегодное издание – «Филиппус. Христианский

отрывной календарь»³⁴. О его большой популярности свидетельствует динамика тиражей: 1913 г. – 28 000, 1915 г. – 33 500 экземпляров. Готовил календарь к выпуску начиная с 1909 г., пастор этого же селения Таловка Г. И. Гюнтер. Стоимость издания – 35 копеек.

Значительный вклад в немецкое книгоиздание внесла типолитография Г. Х. Шельгорна. Её деятельность тесно связана с историей не только Саратовской, но и Самарской губерний. На биографии издателя и печатника стоит остановиться подробнее. Генрих Христофорович Шельгорн (1860–после 1917) родился в немецкой крестьянской семье в селе Ровное Самарской губернии. Окончил сельское училище и четыре класса реального училища. Занимался земледелием и хлебной торговлей. Придерживался активной общественно-политической позиции и последовательно занимал различные административные и выборные должности: волостного старшины, гласного губернского и уездного земств, был членом Новоузенской уездной земской управы и почётным мировым судьёй. В 1906 г. Г. Х. Шельгорна избрали в I Государственную думу от общего состава выборщиков Самарского губернского избирательного собрания³⁵.

Товарищество «Г. Х. Шельгорн и К^о» и типолитография в Саратове появились в 1897 г. Разные источники дают разные даты открытия этого полиграфического предприятия, иногда весьма произвольные. Представляется, что наиболее логичным способом определения точной датировки является обращение к архивным документам, среди которых сохранилось прошение самого Генриха Христофоровича, адресованное саратовскому губернатору: «Желая открыть в 3-й части г. Саратова на углу Александровской ул. и Театральной площади в доме А. А. Тилло типографическое и литографическое заведение, в котором предполагаю иметь две скоропечатные типографские машины, два типографских станка, три литографские машины и три литографских станка, имею честь покорнейше просить, Ваше Сиятельство, о выдаче мне законного дозволения на содержание этого заведения. г. Саратов, июня 17 дня 1897 г. Генрих Христофорович Шельгорн»³⁶. Строкой ниже дописано: «Свидетельство за № 2659 27 июня 1897 г. получил. Генрих Шельгорн»³⁷.

Здание на Театральной площади, где начала функционировать типография, сохранилось и ныне включено в реестр объектов историко-культурного наследия, находящихся под охраной государства. В 1911 г. типография Г. Х. Шельгорна переехала в специально построенное здание в стиле модерн на Московской площади (ныне ул. Университетская, 55). Спроектировал это промышленное сооружение, ставшее местной достопримечательностью, младший архитектор Саратова Ю. Н. Терликов, который годом спустя стал главным городским архитектором.

Типография Шельгорна была самой продуктивной в плане издания немецкоязычной литературы и

выпускала книги, периодические издания и прочую печатную продукцию, включая этикетки, открытки и визитные карточки, в том числе – на немецком языке. Большинство саратовских и самарских немецких обществ печатали свои отчёты, сметы и уставы именно здесь. Постоянными заказчиками были: Общество для воспитания глухонемых детей приволжских евангелических приходов Самарской и Саратовской губерний, Евангелическо-лютеранская община Святой Марии в г. Саратове, Тираспольская епархия, Благотворительное общество при Римско-католической церкви в г. Саратове, Акционерное общество «Мукомольные мельницы Эммануила Ивановича Борель в г. Саратове», Вольско-Баратаевское общество малого кредита в Шафгаузене (Самарской губернии), Екатериненштадтский детский приют, Евангелическо-лютеранская община Св. Георга в Самаре.

Особое внимание Г. Х. Шельгорн уделял изданию популярной духовной литературы. Выходили брошюры, повествовавшие о ложности учения адвентистов³⁸, о правовых последствиях прелюбодеяний³⁹, о религиозном воспитании детей⁴⁰. Наличие большого количества немецких школ в Саратовской губернии обусловило спрос на привозную учебную книгу и в то же время привело к появлению местных учебников и пособий на немецком языке. В центральных библиотеках страны сохранились школьные сборники псалмов⁴¹ и буквари для народных школ⁴².

Ассортимент книжной продукции, выходившей в типолитографии Г. Х. Шельгорна, органично дополняли издания по медицине, домоводству и садоводству. Так, в фондах РНБ можно увидеть брошюру М. Лиона «Беседа врача с крестьянами об оспе» (1914), переведённую с русского языка Фр. Мором и отпечатанную тиражом 3000 экз.⁴³ Г. Х. Шельгорн внёс определённый вклад в популяризацию среди немцев Поволжья творчества литераторов из числа колонистов. Он выпустил «Стихотворения поселенца-землевладельца деревни Усть-Золиха Сосновской волости Камышинского уезда Иоганна Филиппа Вебера»⁴⁴, а также поэму «Твёрдо и верно, или Михель-киргиз и прекрасная Эмми из Пфаненштиля»⁴⁵.

В типолитографию товарищества поступали заказы на немецкоязычные издания из других городов России: Николаевска и Екатериненштадта Самарской губернии, Астрахани⁴⁶, Томска⁴⁷ и даже Ташкента⁴⁸. Необходимо отметить, что книги, периодика и акциденция, напечатанные данным предприятием, отличались высокой полиграфической культурой, часто использовалось художественное оформление, которое по качеству исполнения могло конкурировать с продукцией столичных типографий.

Типография «Энергия» открылась в Саратове намного позже типолитографии Г. Х. Шельгорна – в 1907 г., но по репертуару и объёму выпуска литературы на немецком языке была сопоставима с последней. Печатники оперативно отвечали на

потребности образованных жителей губернии. «Энергия» предлагала целую гамму полиграфической продукции: от афиш до смет и отчетов, в том числе на иностранных языках. Типография специализировалась также на изготовлении разноцветных свадебных, адресных, рекламных карточек, дипломов, каталогов, преискурантов⁴⁹.

Основали «Энергию» выходец из города Арнсбурга Лифляндской губернии мещанин Э. К. Измаил и крестьянин Т. Р. Иостсон. У этой типографии выдалась сложная судьба. Она несколько раз меняла адреса и владельцев. Некоторые из них даже оказывались под надзором полиции как не вполне благонадёжные⁵⁰. И, тем не менее, типография «Энергия» быстро завоевала авторитет на рынке печатной продукции Саратова.

Крупным заказчиком издания учебной литературы на немецком языке выступил саратовский книжный магазин «Союз». Некоторые учебные пособия оказались настолько востребованными, что их переиздавали несколько раз⁵¹. Значительный вклад типография «Энергия» внесла и в популяризацию естественнонаучных знаний среди немцев Поволжья⁵². Значительное место в общем потоке типографской продукции занимала и религиозная литература на немецком языке⁵³.

Так же как и типографии Ф. М. Киммеля (А. Ф. Винклера) и Г. Х. Шельгорна, «Энергия» издавала оригинальный календарь – «Друг народа» («*Volksfreund-Kalender*»), и его тираж был сопоставим с изданиями конкурентов⁵⁴.

Развитие книгопечатания на немецком языке происходило не только в Саратове, но и в других городах Саратовской губернии. Например, типография К. И. Липковской в Кузнецке выпустила научную брошюру Н. Иконникова «О привезённой П. Шмидтом из Кореи коллекции саранчёвых» (1913)⁵⁵. В Камышине немецкие книги печатали типографии Г. И. Фадеева и П. В. Лебедевой. Это издания, связанные медициной, религией и финансовой деятельностью⁵⁶.

Необходимо пояснить, что в Камышинском уезде начала XX в. было 13 многолюдных немецких колоний. Журналист Иван Фёдорович Фрицлер, выпускавший в Камышине газету «*Unsere Zeit*»⁵⁷ («Наше время»), содержал частную типографию, которую основал в 1906 г. в Камышине. Он планировал издавать на немецком языке не только газету, но и книги. В июле 1906 г. И. Ф. Фрицлер переехал в селение Таловка, куда, после прошения на имя губернатора и выданного разрешения, он перевёл редакцию и типографию. Газета выходила два раза в неделю и отличалась статьями, авторы которых призывали поволжских немцев к активной общественно-политической жизни. Когда Первая русская революция 1905–1907 гг. потерпела поражение и волнения в губернии были подавлены, либеральная газета «*Unsere Zeit*» прекратила своё существование. В марте 1907 г. И. Ф. Фрицлер был вынужден закрыть типографию и выехать из страны⁵⁸.

Первая мировая война крайне негативно отразилась на состоянии немецкоязычной печати в Саратовской губернии. Если в 1912–1913 гг. литературу на немецком языке издавали, кроме Саратова, в Вольске, Кузнецке и Камышине, то к 1915 г. её география сжалась до масштабов губернского центра. Антигерманские настроения в обществе осложняли деятельность промышленных предприятий, владельцами которых были немцы. И, тем не менее, в Саратове не было закрыто ни одной типографии, работавшей с немецкой книгой. Сократились лишь тиражи и количество названий выходящих книг и брошюр. В 1913 г. на территории Саратовской губернии напечатали, по нашим подсчётам, 23 книги на немецком языке, в 1914 г. – 33, а в 1915 и 1916 соответственно 17 и 10. Следует заметить, что в период Первой мировой войны саратовское книгоиздание переживало серьёзный кризис. Если в 1914 г. увидело свет около 600 книжных изданий на разных языках, то в 1917 г. – чуть больше сотни.

Анализируя динамику развития немецкого книгоиздания в Саратовской губернии, следует отметить, что первые немецкоязычные книги, отпечатанные в Саратове до 1890-х гг. – это книги религиозного содержания, а также буквари и другая учебная литература. Их появление, в первую очередь, было вызвано увеличением количества школ, распространением образования и грамотности. Реформы Александра II, и прежде всего, появление земских школ с преподаванием светских предметов дали книгопечатанию на немецком языке новый импульс. Саратовские типографии, откликаясь на вызов времени, успешно освоили выпуск учебников и пособий для немецких школ, написанных местными авторами.

Промышленный переворот, начавшийся на территории Саратовской губернии во второй половине 1880-х гг., изменил её экономический облик и самым непосредственным образом затронул полиграфическую отрасль. Увеличилось количество типографий. Выросли мощности и техническая вооружённость книгопечатания. Появилась возможность учесть интересы и запросы различных категорий немецкого населения. В исследуемый период, вплоть до 1917 г., литература на немецком языке постоянно и в значительных объёмах издавалась в трёх типографиях Саратова: Ф. М. Киммеля (позднее – А. Ф. Винклера), Товарищества «Г. Х. Шельгорн и К°» и Товарищества «Энергия». Причём Ф. М. Киммель, А. Ф. Винклер и Г. Х. Шельгорн были этническими немцами.

На наш взгляд, в репертуаре немецкоязычной книги, выходящей в городе, можно выделить пять групп изданий, различных в предметно-тематическом отношении. Первая, самая многочисленная группа представлена делопроизводственной документацией: уставами, положениями, отчётами, правилами, сметами промышленных, религиозных и образовательных обществ. Вторую группу составляет целая гамма религиозной литературы. Это мо-

литвенники, сборники песнопений, богословские беседы и т. д., предназначенные для лютеранских и католических общин. Третья группа включает учебники и учебные пособия. Данные издания имели самые высокие тиражи и продавались во всех книжных магазинах и лавках губернии. Четвёртая группа состоит из различных практических пособий: по медицине, ветеринарии, садоводству, огородничеству. В этот же раздел следует отнести литературу, посвящённую воспитанию детей и борьбе с алкоголизмом. Пятую группу изданий формируют произведения художественной литературы: поэзия и проза местных авторов, уроженцев колоний Саратовской и Самарской губерний.

Необходимо признать, что роль немецких издателей и печатников в развитии регионального книжного дела изучена недостаточно и заслуживает дополнительного исследования. Их предприятия, наряду с типографиями Губернского правления и Губернского земства, были ведущими центрами полиграфического производства, деятельность которых оказалась востребована не только в Поволжье, но и за его пределами. Книги и брошюры на немецком языке, выпущенные в Саратове, отличались высоким качеством и достойным уровнем художественного оформления. Первая мировая война задержала, но не смогла остановить развитие немецкого книгоиздания в регионе, новая страница в истории которого открылась в 1918 г., с появлением Трудовой коммуны немцев Поволжья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Немецкая книга в контексте самарско-саратовских издательских связей», № 15-11-63004 а (р).

Примечания

- 1 См.: Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е (1649–1825 гг.) : в 45 т. Т. 16 : С 28 июня 1762 по 1764. СПб. : Тип. П отд-ния собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 126, 313.
- 2 См.: Гусев С., Хованский А. Саратовец : указ. и путеводитель по Саратову. Саратов : Тип. газ. «Волга», 1881. С 11.
- 3 См.: Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М. : МСНК, 2008. С. 108.
- 4 См.: Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край : ист. очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов : Пар. скоропечатня Губ. правления, 1893. С. 240.
- 5 См.: Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы в Саратове // Саратовский край. Вып. 1. С. 353–354.
- 6 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Т. XVIII : Саратовская губерния / Центр. – стат. ком. МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. С. VI.
- 7 См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 1996. С. 9.

- 8 См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 46. Д. 246. Л. 11–11 об.
- 9 См.: Герман А. А. Указ. соч. С. 10.
- 10 См.: Дённингхаус В. Революция, реформа и война : немцы Поволжья в период заката Российской империи / под ред. проф. А. А. Германа. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 3.
- 11 См.: Труды Второго совещания деятелей по народному образованию, состоявшегося при Саратовской губернской земской управе 14–16 июня 1916 года. Журналы, постановления и доклады. Саратов : Тип. Губ. земства, 1916. С. 146.
- 12 См.: Гааг К. А. Немецкие склонения имен существительных. Саратов : Тип. г. Флорова, 1850. 14 с.
- 13 См.: Каталог библиотеки Саратовского коммерческого клуба. Саратов, 1867. 44 с.
- 14 См.: Курмаев М. В. Внутренняя цензура иноязычных книг в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2015. Т. 17, № 3(2). С. 378.
- 15 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2233. Л. 11 ; Felden P., Braun M. Geistliche Halszierde : Katholisches Gebet- und Gesangbuch. Saratow : Druckerei J. J. Chworinoff, 1846. 396 s.
- 16 См.: Библиографический указатель книг местного издания // Хованский Н. Ф. Очерки истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов : Тип. Ищенко и К^о, 1884. С. 29.
- 17 Там же. С. 31.
- 18 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3112. Л. 7.
- 19 Там же. Д. 5293. Л. 47 об.
- 20 Der kleine Catechismus Doctor Martin Luthers. Saratow : Druck und Verlag von Kimmel u. Co, 1891. 64 s.
- 21 Rechenschafts-Bericht des Kirchenraths der Evangelisch-Lutherischen St. Georgs-Gemeinde zu Samara für das Jahr 1895. Saratow : Druckerei F. M. Kimmel, 1896. 12 s.
- 22 Der Wolgabote : Kalender für die deutsch Ansiedler an der Wolga auf das Jahr nach Christi Geburt 1888, welches ein Schaltjahr von 366 Tagen ist. Vierter Jahrgang. Saratow : Druck und Verlag von Kimmel u. Co, [1887]. 184, [8] s.
- 23 ABC-Buch für die Evangelisch-Lutherischen Kirchenschulen in den deutschen Kolonien des Ssaratowschen und Ssamaraschen Gouvernements. Saratow : Druckerei F. M. Kimmel, 1889. 36 s.
- 24 Весь Саратов на 1901 год : Адрес-календарь, торгово-промышленная и справ. книга / издатель А. И. Фридрихсон. Саратов : Типолитограф. Ф. М. Киммель, 1900. С. XXXIII.
- 25 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6618. Л. 18.
- 26 Алфавитный список избирателей города Саратова по выборам в гласные Саратовской городской думы на четырехлетие 1913–1916 гг., 1-й избирательный участок. Саратов, 1912. С. 59.
- 27 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6618. Л. 18.
- 28 Kosziol J. Kirchliche Nachrichten aus dem Propstbezirk der Wolga-Bergseite für das Synodaljahr 1908–1909. Saratow : Buch- u. Steindruckerei A. Winkler, 1909. 20 s.
- 29 VIII. Rechnungs-Bericht der Evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Zarizyn an der Wolga für das Jahr 1896. Saratow : Типолитограф. Ф. М. Киммель, 1897. 16 s.

- ³⁰ Rechenschaftsbericht der Maschinenfabrik «Sotrudnik» O. E. Behring in Administration Saratow – Rußland. Für das Jahr 1904. Saratow : Пар. типолигитр. А. Винклер, бывш. Ф. Киммель, 1905. 16 s.
- ³¹ 10. und 11. Jahresbericht der Barmherzigkeits-Gesellschaft bei der Evangelischen St. Marien-Kirche zu Saratow und des von ihr unterhaltenen Hauses der Barmherzigkeit (Anitschkowskaja Nr 14) für die Jahre 1908 und 1909. Saratow : Buch- und Steindruckerei A. Winkler, vorm. F. Kimmel, [1910]. 26 s. : Tab.
- ³² *Haller P.* Zum Schutz gegen die Cholera : Eine allgemein verständliche Belehrung. Für die deutschen Dörfer der Berg- und Wiesenseite der Wolga / изд. Сарат. губ. зем. управы. 4. verb. Aufl. Saratow : Verlag des Gouvernements-Landamtes ; Тип. А. Винклер, 1907. 40 s.
- ³³ Friedensboten-Kalender auf das Jahr 1903 nach Christi Geburt, welches ein Gemeinjahr von 365 Tagen ist / Begründet von P. S. Bonwetsch und + P. Th. Hölz ; Fortgeführt und Herausgegeben p. H. Chünther. Saratow : Buchhandlung «Eben-Ezer» in Talowka bei Saratow ; Buch- und Steindruckerei A. Winkler, [1902]. 170 s. : Ill.
- ³⁴ *Philippus* : Christlicher Abreißkalender auf das 1913 Jahr / изд. Г. И. Гюнтера. Saratow : Тип. А. Винклер, 1912. 365, 365, [2] s.
- ³⁵ Государственная дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М. : Возрождение, 1906. С. 69.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5755. Л. 75.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Ist der Adventismus biblisch? : (Auszug aus «Die Irrlehren der Adventisten» von Pfarrer W. Girkon) / изд. Г. И. Классен. Saratow : Тип. Т-ва Г. Х. Шельгорн и К°, [1913]. 8 s.*
- ³⁹ *Kruschinsky J.* Das siebente Gebot, oder die Sittenlehre über Recht und Gerechtigkeit mit besonderer Berücksichtigung des russischen Rechts. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. K°, 1910. XXVI, 360 s.
- ⁴⁰ *Religion* : Was ein braves Kind im ersten Schuljahr wissen muß. Saratow : Тип. Х. Шельгорн и К°, 1914. 24 S. ; *Volksfreund-Kalender für das Jahr 1910.* Saratow : Buchdruckerei «Energie», 1909. 4, 192, [18] s.
- ⁴¹ *Kuhlberg P.* Schulgesangbuch für die evangelischen Wolgagemeinden : Auswahl der gebräuchlichen Kirchenlieder / P. Kuhlberg. Saratow : Druck von G. Schellhorn u. Co., 1913. 88 s.
- ⁴² *Brendel J. J.* Fibel nach der gemischten Schreibmethode für Volksschulen. Saratow : Druck von G. Schellhorn u. Co., 1910. 96 s.
- ⁴³ *Lion M.* Eine Unterhaltung des Arztes mit den Bauern über die Pocken / Aus dem russischen übersetzt von Fr. Mora. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. Co, 1914. 24 s.
- ⁴⁴ *Weber J. P.* Gedichte des Ansiedler-Grundbesitzers des Dorfes Ast-Solicha, Sosnowschen Kreises Kamyschinschen Districts Johann Philipp Weber. Saratow : Druck von H. Schellhorn & Co, 1903. 10 s.
- ⁴⁵ *Göbel G. v., Hunger A.* Fest und treu oder der Kirgisen-Michel und die schön' Ammie aus Pfannenstiel : Historisches Festspiel zum hundertfünfzigjährigen Jubiläum der Ankunft der ersten deutschen Ansiedler an der unteren Wolga : In drei Akten. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. K°, 1914. 122 s.
- ⁴⁶ Rechenschaftsbericht des Kirchenrats der Evang. – Lutherischen Jesus-Gemeinde zu Astrachan für das Jahr 1913. Saratow : Тип. Т-ва Г. Х. Шельгорн и К°, 1914. 36 s.
- ⁴⁷ Jahresbericht des Kirchenrats der Evang-Luth. Gemeinde zu Tomsk für das Jahr 1912. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. K°, 1913. 16 s. : Tab.
- ⁴⁸ Rechenschaftsbericht des Kirchenrates der Evang. – Luther. Gemeinde zu Taschkent für das Jahr 1915. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. Co, 1916. 22 s.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8406. Л. 43.
- ⁵⁰ В 1887 г. Г. П. Клинг и А. А. Лейман привлекались к суду в качестве обвиняемых по делу «О Московской революционной группе». За ними был установлен негласный надзор полиции. См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8819. Л. 9.
- ⁵¹ *Lonsinger A., Brendel J.* Praktische deutsche Sprachlehre für Volksschulen. Т. 1 : Laut und Silbe / изд. кн. маг. «Союз». 4., verm. und verb. Aufl. Saratow : Тип. «Энергия», 1914. 32 s.
- ⁵² См.: Пояснение к экспонатам Саратовского губернского земства на Дрезденской международной гигиенической выставке в 1911 году / изд. Сарат. губ. земства. Saratow : Тип. «Энергия», 1911. 32 с. ; *Der Alkohol und dessen Einfluss auf das menschliche Leben / aus dem russischen von J. Riffel ; изд. А. Ф. Лонзингер (Приютская, 17). Saratow : Тип. «Энергия», 1911. 16 с.*
- ⁵³ *Brasch M. v.* Geheimnisse des Glaubens / nach Mrs C. J. Montgomery bearbeitet von M. v. Brasch. Saratow : Gesellschaft Buchdruckerei «Energie», [1914]. 32 S. ; *Kurzer Leitfaden durch die vier Evangelien mit einer Karte zu den Wegen unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi in Palästina / Bearbeit J. Weber und R. Wulf ; изд. Вебера. Saratow : Тип. «Энергия», 1910. 60 S. ; *Behning Z.* Ein Blick nach Oben : Eine kleine Aufmunterung zur Andacht für jeden der sieben Wochentage. Saratow : Тип. «Энергия», 1911. 28 s.*
- ⁵⁴ *Volksfreund-Kalender für das Jahr 1910.* Saratow : Buchdruckerei «Energie», 1909. 4, 192, [18] s.
- ⁵⁵ *Ikonnikov N.* Über die von P. Schmidt aus Korea mitgebrachten Acridiideen. (Саранчевые коллекции). Кузнецк : Тип. К. И. Липковской, 1913. 22 s.
- ⁵⁶ См.: *Alexin A. N.* Gespräch über die Schwindsticht / Aus dem russischen ins deutsche übersetzt von B. A. Perell ; Камышин. отд. Всерос. лиги для борьбы с туберкулезом. Камышин : Тип. Г. И. Фадеева, 1914. 8 s. ; *Mustergültige Regeln für Kreditgenossenschaft = Образцовый Устав Кредитного Товарищества.* Камышин : Тип. Г. И. Фадеева, 1913. 43 s. ; *Büttner H.* Sabbat oder Sonntag? Gesetz oder Evangelien Ein wort zur Klarung. Камышин : Тип. П. В. Лебедевой и наследников, 1911. 10 s.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6683. Л. 247.
- ⁵⁸ Там же. Д. 6700. Л. 27–27 об.

Образец для цитирования:

Познякова Е. В. Саратов – центр немецкого книгоиздания в Поволжье (до 1917 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 472–478. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-472-478.

УДК 2(470.44) (09) | 1917/1920|

ДЕКРЕТ ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 1917–1920 ГОДАХ

Е. А. Петрова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: lena02-07@mail.ru

В статье автор предпринимает попытку проанализировать ситуацию и условия, в которых происходила реализация декрета Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви на региональном уровне, на примере Саратовского Поволжья. Опираясь на архивные источники, автор характеризует формы и методы проведения в жизнь декрета большевиками. Опираясь на большой фактический материал, автор приходит к выводу о том, что реализация декрета в Саратовском Поволжье по ряду причин проходила медленно и к началу 1920-х гг. не была проведена в полной мере.

Ключевые слова: декрет, государство, церковь, большевики, верующие, комиссия, Саратовская губерния.

The Decree Concerning the Separation of the Church from the State and its Realization in the Saratov Volga Region in 1917–1920

E. A. Petrova

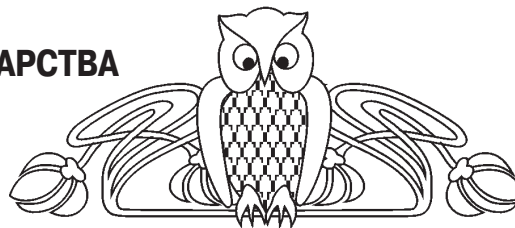
In this article the author tries to analyze the situation in which the Soviet government's Decree concerning the separation of the church from the state and school was realized on a regional level in Saratov Volga region. On the basis of the archival sources, the author describes the forms and methods of the Decree realization by the Bolsheviks. Large factual material research leads the author to the conclusion that the Decree's realization in the Saratov Volga region was passing slowly for some reasons and by the beginning of the 1920s had not been fully completed.

Key words: decree, state, church, Bolsheviks, believers, commission, Saratov province.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-479-481

На фоне современного ренессанса Русской православной церкви и усиления ее влияния в российском обществе история взаимоотношений церкви и Советского государства представляется весьма важной и актуальной темой исследования. Несмотря на наличие достаточно значительной историографии по данной теме, все же в ней остается еще немало неисследованных проблем. Особенно интересна и в то же время слабо изучена политика Советского государства в отношении церкви на региональном и местном уровнях.

Приход к власти в России в 1917 г. большевиков с их агрессивно-атеистическим мировоззрением ознаменовал собой кардинально новый этап развития в отношениях церкви и государства. Судьбоносными для религии и церкви на долгие

годы стали появившиеся уже в конце 1917 – начале 1918 г. первые антицерковные декреты и постановления советской власти, главным из которых стал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликованный 23 января 1918 года¹.

Согласно этому декрету церковь лишалась прав юридического лица, права иметь и приобретать собственность. Принадлежащая ей собственность (деньги, здания, земли) объявлялась «народным достоянием».

В полуофициальных комментариях к этому декрету, как и в большинстве антицерковных статей первых лет советской власти, доминировала идея «возвращения народу несправедно нажитого церковниками».

В Саратове сразу же после опубликования декрета была организована комиссия по вопросу отделения церкви от государства. Комиссия была образована при исполнительном комитете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и входила в состав отделения управления². Специально для работы комиссии была разработана инструкция народным комиссаром юстиции от 24 августа 1918 г.³ Главной деятельностью комиссии являлось проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также пропагандистская деятельность. Первым делом она должна была создать во всех уездах губернии соответствующие подчиненные ей комиссии. Большевики осознали необходимость соблюдения внешних форм законности в борьбе с религией. Но в любом случае отступить от жесткого проведения антирелигиозной политики они не собирались.

В связи с этим особым указом комиссии всем церквям города Саратова, православным и не только, предписывалось предоставить в трехдневный срок сведения, в чьем ведении и какой религии принадлежат указанная церковь, «с подробным указанием, где таковая помещается в отдельном ли здании или при каком-либо учреждении, как то при школах и т. п.»⁴. Подобные сведения необходимо было предоставить не только церквям, но также всем религиозным обществам и обществам, которые хоть как-то связывали себя с какой-то религией.

Таким образом, отдел управления (позже преобразованный в отдел ГПУ, в ведении которого находилась и церковная сфера управления) собирал сведения и необходимую информацию с целью использования ее против церкви. Анализ

документов позволяет понять, для чего так скрупулёзно выискивалась информация по каждой церкви, по каждому религиозному обществу. Почти сразу же в 1918 г. начинается конфискация всех материальных средств, обнаруженных у церкви. Средства переводились в народный банк на счет Горисполкома. При этом большевики не гнушались никакими суммами, даже в сто рублей (не говоря уже о десятках тысяч), и изымали не только у крупных и возможно даже богатых церквей и монастырей, но и даже у женского приюта при небольшой церкви Марии Магдалины⁵.

Отношение верующих и самих представителей церкви к декрету было более противоречивым, чем это описывают большевики.

Так, в Саратове, по воспоминаниям простого обывателя, уже 24 января «прошел крестный ход, как протест против декрета большевиков об отделении церкви от государства». Прошел благополучно, без кровавых сцен. «На Соборной площади масса богомольцев с хоругвями, иконами – преобладают, конечно, женщины. Духовенство служит молебен. Позади молящихся и около памятника Александру II – летучие митинги на злобу дня. Кипят страстные споры, переходящие в озлобление к противникам церкви и веры. Того и гляди во славу Бога начнут тузить какого-нибудь большевика»⁶.

Согласно декрету «об отделении церкви от школы и школы от государства» храмы передавались коллективам верующих, с которыми заключались договора⁷. Соглашение обычно заключалось с обществом мирян численностью от 20 человек⁸. Согласно документам, обнаруженным в архиве Саратовской области, почти все православные храмы и другие религиозные учреждения на территории города были переданы таким коллективам⁹, за исключением двух монастырей, территория которых (уже к началу 1918 г.) была национализирована и отдана разным организациям¹⁰. По соглашению вся материальная часть, как то оплата коммунальных услуг и другие расходы, ложилась на плечи данного коллектива¹¹.

Забегая вперед, можно сказать, что в дальнейшем плата каждый раз повышалась и увеличивалась, и если коллектив верующих не мог осилить, вследствие разных причин, непосильную ношу, храм закрывали, под предлогом некачественного обслуживания и разорения храма.

И все-таки продвижение в жизнь декрета об отделении церкви от государства проходило очень медленно. Причин было немало. В очередном докладе в Народный комиссариат юстиции по VIII отделу за 1920 г. многие из этих причин называются. Это и Гражданская война, проходившая на территории Саратовской губернии; и территориальная проблема, когда один уезд переходил из одной губернии в другую, а иногда был самостоятельной единицей, как, например, Новоузенский уезд¹². Мешало проведению декрета и отсутствие квалифицированных кадров на местах, а если та-

ковые и были, за очень большим исключением, то их мобилизовывали в войска. Но была, пожалуй, и главная причина, о которой признается докладчик, «в том, что сама по себе реформа оказалась значительно серьезнее и с технической стороны и со стороны социально-бытовых отношений, чем это казалось в начале»¹³. Как пишет крупный исследователь в области церкви М. И. Одинцов, ведь большевики даже не планировали создание специального государственного органа, который был бы ответственен за реализацию программных установок в области отделения церкви от государства¹⁴.

Местные власти не на словах, а на деле столкнулись с проблемой, когда директивы и постановления из центра являются лишь формальной бумагой, а реальность дня диктует совсем другое. Пытаясь решить самостоятельно данную проблему, региональные власти не всегда действовали объективно в сложившихся условиях. Так, при комиссии по отделению церкви от государства начинают образовываться различные новые инстанции: общий подотдел, который руководит делом отделения церкви от государства в прямом смысле этого слова, секция по охране памятников, искусства и старины при Губотнаробе¹⁵, имеющего целью собрать и сохранить церковное имущество, и многие другие.

«Все многочисленные органы, ведающие отдельными то крупными, то мелкими сторонами одного общего дела до сих действовали вразброд, отчасти врываясь в компетенцию друг друга. Обилие органов создает ведомственную путаницу, ведомственные трения, порождает канцелярскую волокиту, ибо один и тот же вопрос часто требует освещения и соответствующих мероприятий со стороны многих из перечисленных органов»¹⁶.

Заметим, что это докладная записка, скорее всего ведомственного чиновника, либо служащего губернского исполнительного комитета, который лишен каких-либо иллюзий или эмоций по поводу всего происходящего, т. е. большевики на местах, в регионах понимали (или уже начали понимать) сложившуюся обстановку, ведь не зря докладчик так подробно описывает происходящее и в конце просит указаний центра в этих вопросах. Естественно, все происходящее на местах тормозило продвижение декрета об отделении церкви от государства и вело к крупным беззакониям со стороны большевиков.

Как отмечается в другом докладе, «изложенные обстоятельства обусловили медлительность в работе комиссии и заставили Губотност¹⁷ отказать от излишней настойчивости в деле проведения реформы. Слишком быстрая и прямолинейная ломка старого, сложившегося церковного быта могла привести к тяжелым политическими и военным действиям. Необходимо было дать деревне возможность освоиться в новом положении и убедиться на фактах ... в отсутствии у советской власти намерения разрушить церковь»¹⁸.

Таким образом, к началу 1921 г., за которым последует страшный голод и связанное с ним новое наступление на церковь, декрет об отделении церкви от государства в Саратовской губернии так и не был до конца реализован. Окончательно работа была завершена только в столице губернии – городе Саратове. А в уездах и волостях она либо не была завершена, либо не начата вообще¹⁹. Для чего Губернскому комитету приходилось где-то вновь открывать комиссии по этим уездам, и организовывать заново всю работу, либо исправлять недочеты предшествовавшей работы. А это, в свою очередь, вело к очередным беззакониям и ущемлениям прав церкви.

Примечания

- 1 См.: Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Государство и церковь. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений НКЮ и НКВД по отделению церкви от государства. Саратов, 1925. С. 9–11.
- 2 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р- 514. Оп. 5. Д. 11. Л. 11.
- 3 ГАСО. Ф. Р- 521. Оп. 1. Д. 109. Л. 21.

- 4 ГАСО. Л. 25.
- 5 Там же. Ф. Р-340. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 10, 12, 18.
- 6 Записки обывателя // Мишин Г. А. Были города Покровска : краеведческие очерки. Саратов, 2001. С. 87.
- 7 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43, 43 об.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Л. 50–51, 53, 56, 58, 60, 62, 71, 72, 74.
- 10 Так, Преображенский мужской монастырь уже занимал отдел Пленбеж, в женском – часть корпусов была занята лазаретом, часть отдана под жилье береговым рабочим, и только в нескольких корпусах осталось 450 женщин-монахинь. См.: ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 18. Л. 5, 5 об.
- 11 Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 109. Л. 43, 43 об.
- 12 Там же. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 10.
- 13 Там же. Л. 1.
- 14 См.: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 61.
- 15 Губотнароб – губернский отдел народного образования.
- 16 ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.
- 17 Губотюст – губернский отдел юстиции.
- 18 ГАСО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 105. Л. 10.
- 19 Там же. Л. 10 об.

Образец для цитирования:

Петрова Е. А. Декрет об отделении церкви от государства и его реализация в Саратовском Поволжье в 1917–1920 годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 479–481. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-479-481.

УДК 947.084

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСООХРАНЫ И ЛЕСОНАСАЖДЕНИЙ И СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ФОНДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Е. В. Воейков

Пензенский филиал Финиуниверситета при Правительстве РФ
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

В статье преимущественно на основе архивных материалов исследуются вопросы, связанные с комплексом природоохранных мероприятий, проводимых в лесах Саратовской области в годы третьей пятилетки. Рост посадок леса, очистка лесов от захламленности, борьба с лесными пожарами и самовольными порубками рассматриваются в сравнении с предшествующим периодом и соседними областями Поволжья.

Ключевые слова: лесной фонд, лесозаготовки, посадки леса, управление лесоохраны.

The Activity of the Saratov Forestation and Forest Protection Office and the Condition of the Forest Fund of Saratov Region in the Pre-war Years

E. V. Voyeikov

In this article, mainly on the basis of the archive materials, the issues connected with the complex of environmental measures carried out

in the forests of Saratov region in the years of the third five-year industrial plan are researched. The growth of forest planting, cleaning the forests from filthiness, wildfire suppression and unauthorized forest felling are viewed in comparison with the previous period and the neighbouring regions of the Volga area.

Key words: forest fund, timber harvesting, forest planting, forest protection office.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-481-486

Современные специалисты лесного хозяйства обращают внимание на особое значение лесных ресурсов в истории и экономике России: «Общезвестно, что лес всегда играл огромную роль в жизни русского народа: лес – убежище и защита от нашествия кочевников и других враждебных военных вторжений, лес – место охоты и рыбалки, сбора мёда, ягод и грибов, выпаса и сбережения домашнего скота, лес – источник дров и строительных материалов»¹. Россия в настоящее время

располагает 23 % мировой площади покрытых лесом земель и 22 % мирового запаса древесины. Занимая первое место в мире по площади лесов, Россия получает доходы от лесного сектора в объёме 1,7 % ВВП и 2,4 % экспорта².

В 1990–2000-е гг. в отечественной исторической науке наметилась тенденция к формированию отдельного направления исследований, анализирующего историческую эволюцию освоения лесных ресурсов³. Чаще всего внимание специалистов привлекали наиболее лесные регионы России⁴. История лесного хозяйства Поволжья на сегодняшний день является слабоизученной темой. В монографии В. С. Тонких дан краткий очерк основных этапов политики по эксплуатации и охране лесов Мордовской АССР⁵. Состояние лесного фонда Мордовской АССР было также рассмотрено в диссертации Е. И. Денискина⁶. Статья Н. А. Шарошкина была посвящена развитию лесной промышленности Куйбышевской области в годы третьей пятилетки⁷. Внимание региональных исследователей истории Поволжья в последние десятилетия применительно к периоду 1920–1930-х гг. привлекает преимущественно история индустриализации⁸. Активно разрабатывается также история крестьянства, лагерей ГУЛАГа и кооперации⁹. Развитие лесного хозяйства XIX–XX вв. как Поволжья в целом, так и Саратовской области в частности не получило должного отражения в работах историков.

Леса в климатических условиях Поволжья смягчали засушливый климат, повышая тем самым урожайность зерновых культур, препятствовали образованию оврагов и обмелению рек, защищали дороги от снежных заносов и служили для местного населения основным источником топлива и стройматериалов. Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е гг. характеризовался следующим образом: «Саратовская губерния расположена на границе лесной и степной зон Европейской части Союза... Граница лесостепи и степи проходит от Пензенской губернии через Петровский уезд, захватывая массив Узинского лесничества, спускаясь к городу Петровску, захватывает восточную часть Петровского лесничества, главным образом, северо-восточный массив Аткарского лесничества, Поповский район Саратовского лесничества и, делая поворот к северу на село Сокур, захватывает в изгибе на восток Тепловское и Усовское лесничества, проходя на село Елшанку»¹⁰. В ходе реформ административно-территориального устройства в 1928–1930-е гг. наиболее крупный лесной массив Саратовской губернии в Кузнецком уезде отошёл сначала в Средне-Волжский край, затем – в образованную в 1939 г. Пензенскую область. В начале 1940-х гг. ситуация представлялась в следующем виде: «Леса Саратовской области расположены в основном в правобережье Волги и приурочены в северной части к водоразделам, а в южной и центральной к поймам рек и оврагов, и представляют

из себя мелкие массивы, резко разбросанные по территории области... Разбросанность лесов среди полей колхозов увеличивает их полезное значение для сельского хозяйства, одновременно, располагаясь по оврагам и берегам рек, леса имеют большое водоохранное и почвозащитное значение»¹¹.

Для оценки обеспеченности региона лесными ресурсами наиболее часто используют показатель лесистости, представляющий отношение площади, покрытой лесом, ко всей площади данной территории, выраженное в процентах. Средняя лесистость Европейской России составляла около 33%. Лесистость территории бывшей Саратовской губернии, вошедшей в состав Нижне-Волжского края, колебалась от 6% в Балаковском округе, до 10% в Саратовском округе и 17% в Вольском округе¹². В 1940 г. лесистость Саратовской области составляла 3,5%¹³.

Ограниченность лесных ресурсов Саратовской области требовала бережного отношения к лесам. Леса Поволжья серьёзно пострадали в годы Гражданской войны от хаотичных рубок, ведущихся с нарушением правил лесного хозяйства, и лесных пожаров 1920–1921 гг. В сводке Саратовского губплана 1924 г. о лесном хозяйстве указывалось: «Почти все спелые насаждения в пределах 13-вёрстной полосы по обе стороны линии железных дорог и сплавных рек вырублены. Вырублены все леса около крупных центров, как, например, около Саратова в 25-вёрстном радиусе»¹⁴. В Саратовской губернии в 1920 г. пожаров было 320 на площади 4,7 тысячи десятин; в 1921 г. – 495 на площади 12,2 тысячи десятин. В сводке Саратовского губплана 1924 г. констатировалось: «После пожаров в неубранных гарях развивались в большом количестве короеды, лубоеды и другие вредители леса, которые заражали здоровые насаждения»¹⁵. В годы нэпа в Саратовской губернии состояние лесов оставалось неблагоприятным. Площадь необлесившихся площадей вырубок и гарей в 1927 г., по приблизительным оценкам губернского лесного отдела, составляла свыше 20 тысяч га в хвойных массивах и шести тысяч га в лиственных. Лесовосстановительные работы в 1920-е гг. из-за недостатка финансирования осуществлялись в недостаточных объёмах. Так, в 1926 г. было посеяно семян и посажено саженцев на площади 84 и 305 га, в 1927 г. – 87 и 645 га¹⁶. Нетрудно подсчитать, что при объёме лесовосстановительных работ самого результативного за все годы нэпа 1927 г. на ликвидацию пустырей и вырубок в лесах Саратовской губернии потребовалось бы не менее 36 лет. Данная тенденция катастрофического отставания посевов и посадок леса от потребностей лесного хозяйства была характерна в 1920-е гг. для всей страны и Поволжья в частности¹⁷.

В годы индустриализации недостаток топлива и стройматериалов вынудил резко увеличить объёмы лесозаготовок, при этом лесовосстанови-

тельные мероприятия по-прежнему проводились в недостаточном количестве. В Нижне-Волжском крае и далее Саратовской области в первой и второй пятилетках работы вёл лесохозяйственный трест «Саратовлес», переданный в 1936 г. в систему Наркомлеса СССР и далее Наркомлеса РСФСР. Постановлением СНК РСФСР от 9 мая 1940 г. трест «Саратовлес» был передан из системы Наркомлеса Саратовскому облисполкому и далее существовал под названием Саратовского лесопромышленного треста. С октября 1936 г. территория Саратовской области находилась в сфере действия Нижне-Волжского управления лесоохраны и лесонасаждений, из которого в 1938 г. было выделено Саратовское управление¹⁸. Помимо лесных трестов и управлений лесоохраны, заготовку дров вели образованные в 1939 г. управления местной топливной промышленности (УМТП) и функционирующие с начала 1930-х гг. городские топливные тресты (гортопы), также существовал достаточно широкий круг так называемых самозаготовителей. К ним относились промышленные предприятия, организации, учреждения, кооперативы, ведущие самостоятельные заготовки как дров, так и лесных материалов.

В Саратовской области, как и в примыкающих к ней с севера Куйбышевской и Пензенской областях, преобладало дровяное направление лесозаготовок. Так, вывоз потребителям заготовленной лесопроductии с мест заготовки составил в 1940 г. в Саратовской области 448 тысяч кубометров, в том числе деловой древесины – 85 тысяч¹⁹. Несмотря на общий рост добычи угля и нефти в стране, в Поволжье роль древесного топлива в годы довоенной индустриализации продолжала оставаться значительной. В 1937 г. древесное топливо составляло в Татарской АССР 37,4%, в Куйбышевской области – 31,3%. В малолесной Саратовской области с 1937 г. по 1939 г. доля дров в топливном балансе увеличилась с 13,7 до 14,7%²⁰. Своими собственными лесными ресурсами Саратовская область удовлетворяла потребность в деловой древесине на 40%, в дровяной – на 60%²¹.

Одной из главных проблем лесного хозяйства Поволжья в годы индустриализации стало значительное превышение объёмов лесозаготовок по сравнению с размерами, рекомендуемыми правилами лесного хозяйства²².

Недостаточность мероприятий по лесовозобновлению приводила не только к сокращению лесной площади Поволжья, но и к ухудшению качественного состава лесов. Наиболее ценными считались сосновые и дубовые леса. Именно эти породы деревьев были немногочисленны и плохо возобновлялись естественным путём. В дубовых лесах естественным путём восстанавливалось прежней породой не более одной трети прежней площади, остальная часть зарастала преимущественно берёзой и осинкой. В хвойных лесах Средне-Волжского края, куда был включён самый крупный лесной массив бывшей Сара-

товской губернии в Кузнецком уезде, по данным крайплана, естественным путём возобновлялось не более 50% площади вырубки, «причём сосной не более 10%»²³. Специалист по лесному хозяйству Саратовской губернии указывал: «Нагорные дубравы, будучи порослевого происхождения, после вырубок не всегда обновляются материнской породой – дубом. Вместе с последним появляются на этих площадях и мягкие породы – осина, липа и др., вытесняющие дуб. При проезде по лесам, расположенным по кряжам и склонам в правобережье, в районе приволжских лесных массивов к северу и к югу от Вольска, картина нагорных дубрав наглядно наблюдается в различных стадиях смешения дуба с другими породами»²⁴. Поэтому проведение регулярных ежегодных посевов и посадок леса в Среднем и Нижнем Поволжье являлось важной задачей сохранения природных ресурсов региона.

Постановлением СНК СССР от 31 июля все лесные массивы страны разделили на две зоны: лесопромышленной и лесокультурной значения. Леса лесопромышленной зоны перешли в ведение ВСНХ; леса лесокультурной зоны – Наркомата земледелия СССР. Леса Нижне-Волжского края относились к зоне лесокультурного значения²⁵. Отнесение лесов к лесокультурной зоне не гарантировало в годы первой и второй пятилеток соблюдения правил ведения лесного хозяйства. На всеобщем совещании директоров лесхозтрестов в декабре 1931 г. руководитель Главлесхоза Народного комиссариата земледелия СССР отмечал по поводу разработки древесины в лесокультурной зоне: «Жизнь нас заставит разрабатывать леса больше, чем это требуется нормами лесовосстановления»²⁶. В условиях резко увеличившихся объёмов лесозаготовок лесовосстановительные мероприятия остались на уровне предшествующего периода. Так, Саратовский лесхозтрест, в чьём ведении находилась основная часть лесных массивов Саратовского края, в 1935 г. осуществил посевы и посадки сосны, дуба и прочих пород на площади 43,3 и 368 га²⁷. Как видно из приведённых показателей, объёмы лесовосстановительных работ во второй пятилетке в Саратовском крае остались на уровне второй половины 1920-х гг. Между тем в условиях форсированных лесозаготовок техногенная нагрузка на лесной фонд региона существенно возросла.

Неблагополучное состояние лесов в ряде регионов СССР обусловило проведение в 1936 г. ещё одной реформы лесной промышленности и лесного хозяйства, которая восстановила органы охраны лесов. Как показал опыт эксплуатации лесов 1931–1935 гг., функции лесоохраны и лесовосстановления в лесопромышленной зоне, возложенные на лесные тресты, выполнялись с многочисленными недостатками, также серьёзные проблемы с соблюдением правил ведения лесного хозяйства имелись и в массивах лесоохранной зоны. Постановлением ЦИК и СНК СССР от

2 июля 1936 г. образовалось Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при Совнарком СССР. Главлесоохрана и её территориальные управления должны были проводить все лесокультурные и лесовосстановительные мероприятия в пределах образованной обширной водоохранной зоны. Была создана водоохранная зона важнейших рек России, в которую были включены «все лесные массивы, расположенные в бассейнах рек Волги, Дона, Днепра, Урала и верхнего течения Западной Двины со всеми их притоками». В границах водоохранной зоны вводились запретная и эксплуатационная части: в запретной разрешались только рубки ухода за лесом и санитарные рубки, в эксплуатационной – рубки ухода и рубки главного пользования, но в объёмах «не свыше годовичного среднего прироста» (ст. 4, 5). В пределах водоохранной зоны все леса передавались в ведение Главлесоохраны. Управление лесами Наркомзема СССР упразднилось. На местах лесохозяйственные тресты ликвидировались, их лесхозы переходили в состав местных управлений лесоохраны или лесных трестов²⁸.

В утверждённом 26 апреля 1938 г. «Положении о Главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР» указывалось, что Главлесоохрана «имеет своей главной задачей организацию лесного хозяйства в водоохранной зоне в целях регулирования водного режима рек и предохранения их от обмеления» (ст. 1). В рамках поставленной цели на Главлесоохрану возлагались следующие задачи: управление всеми лесными массивами водоохранной зоны, проведение лесокультурных мероприятий, «охрана лесов от незаконных порубок и нарушений правил ведения лесного хозяйства», «борьба с вредителями леса и лесными пожарами», определение объёмов годовых лесозаготовок в эксплуатационной части водоохранной зоны и отвод площадей для рубки, рубки ухода за лесом в запретной и эксплуатационной полосах, контроль за правильностью ведения рубки лесозаготовителями, издание правил и инструкций по всем видам лесопользования (ст. 2)²⁹.

Согласно указанному положению 1938 г., в Поволжье располагались Мордовское, Татарское территориальные управления лесоохраны на территории Мордовской, Татарской АССР; Средне-Волжское и Саратовское управления на территории Куйбышевской, Оренбургской и Саратовской областей (ст. 20). Постановлением СНК СССР от 9 октября 1939 г. были образованы Куйбышевское и Пензенское территориальные управления Главлесоохраны, ведающие лесами водоохранной зоны на территории Куйбышевской и Пензенской областей³⁰.

Одним из основных направлений работы управлений лесоохраны во второй половине 1930-х гг. стали посевы и посадки леса. В 1938 г. существенного увеличения объёма лесовосстановительных работ Саратовскому управлению

лесоохраны добиться не удалось: посев составил 62 га, посадка – 704 га, в том числе хвойных культур – 317 га. Переломным стал 1939 г.: посев – 164 га, посадка 1593 га, в том числе сосны – 1051 га³¹. В 1940 г. посевы были произведены на площади 188 га, посадки – 1268 га, в 1941 г. – на площади 487,8 га и 2083,5 га, соответственно³². Таким образом, к началу 1940-х гг. объёмы лесовосстановительных работ в Саратовской области вышли на уровень ежегодных посевов и посадок лесокультур на площади порядка 1,5–2,5 тыс. га, что значительно превосходило прежние показатели порядка 400–700 га.

Годы довоенных пятилеток были временем внедрения новой техники. В 1939 г. в Саратовском управлении лесоохраны и лесонасаждений имелось 16 тракторов. Для обработки почвы под посевы и посадки лесных культур применялись обычные и специальные плуги и бороны. Так, в 1939 г. тракторами было подготовлено 3974 га, в то время как лошадьми и ручным способом – 878 и 1142 га³³.

Долговременной проблемой лесов Поволжья в период индустриализации стало захламление лесосек порубочными остатками – обрубленными сучьями и вершинами деревьев, корой, щепками. По правилам лесного хозяйства заготовители были обязаны производить очистку лесосек одновременно с заготовкой или сразу после окончания рубки и вывозки. Но на практике в 1930-е гг. все силы и средства были направлены на выполнение плана по заготовке дров и деловой древесины. Так, например, Саратовский лесхозтрест в отчёте за 1935 г. сообщил, что за год было очищено 7433 га лесосек, в том числе 2363 га прошлых лет. При этом на конец года оставалось неочищенными 3396 га лесосек прошлых лет и 1521 га текущего года. В 1936 г. планировалось очистить 5759 га захламлённых лесосек прошлых лет³⁴. С образованием управлений лесоохраны ситуация в течение нескольких лет кардинально изменилась. В отчёте Саратовского управления лесоохраны за 1939 г. приводилась следующая информация: «Имевшаяся на 1/1 1939 г. захламлённость лесосек сплошных и выборочных рубок прошлых лет, числившихся как за лесхозами, так и за лесозаготовителями, в течение 1939 года ликвидирована, за исключением 0,1 тыс. га неочищенных лесозаготовителями площадей сплошных рубок прошлых лет, падающих лишь на один лесхоз»³⁵. Таким образом, от нескольких тысяч гектаров, ежегодно остававшихся неочищенными, с 1939 г. в Саратовской области оставались неочищенными только некоторые лесосеки текущего года.

По данным Главлесоохраны, к началу третьей пятилетки степень захламлённости лесов водоохранной зоны была низкой в УССР, БССР, Курской, Куйбышевской, Московской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Сталинградской, Тамбовской области и Татарской, Мордовской АССР³⁶.

Важную роль в деле сохранения и охраны лесов сыграла норма ст. 3 «Положения о Главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК Союза ССР», согласно которой Главлесоохране и её местным структурам предоставлялось «право приостанавливать незаконную рубку и подпочку леса»³⁷. В Поволжье в качестве одного из способов, позволяющих заставить лесозаготовителей выполнять требования очистки лесосек, стало предоставление лесхозам права на запрещение производства работ³⁸. Так, например, в 1939 г. по Саратовской области управление лесоохраны закрывало рубки 35 раз, в том числе тресту «Саратовлес» – 15 раз и Саратовскому УМТП – шесть раз³⁹.

Значительный ущерб лесам Поволжья нанесли лесные пожары. Так, в отчёте Саратовского лесхозтреста за 1935 г. указывалось, что пожаров было 97 случаев на площади две тысячи га⁴⁰. Основными средствами борьбы с пожарами в 1930-е гг. стали строительство пожарных вышек, обеспечение лесхозов телефонной связью, проведение противопожарных полос. В отчёте Саратовского управления лесоохраны за 1940 г. отмечалось, что «в условиях Саратовской области содержание пожарных сторожей имеет большое значение в деле предупреждения возникновения лесных пожаров». В Саратовском управлении также значительное внимание уделялось агитационно-массовой работе среди населения: проводились лекции и доклады, организовывались добровольные пожарные дружины⁴¹.

Принятый комплекс мер дал свои результаты. Так, в Саратовской области в 1939 г. было зафиксировано 67 пожаров на площади 276,6 га, в 1940 г. – 17 на площади 68,7 га⁴². Важно подчеркнуть, что указанная положительная динамика сокращения горимости лесов являлась особенностью Поволжья. По данным начальника отдела охраны лесов Главлесоохраны, именно в 1940 г. «пожары охватили значительные площади лесов» в Белорусском, Башкирском, Горьковском, Ярославском, Калининском, Ивановском территориальных управлениях⁴³. В 1941 г. в лесхозах Саратовского управления лесоохраны было зафиксировано всего шесть пожаров на площади два га⁴⁴.

Серьёзной проблемой в 1920-е гг. для лесов как Поволжья в целом, так и малолесной Саратовской губернии стали так называемые «самовольные порубки». В 1939 г. самовольных порубок леса в Саратовской области было зафиксировано 3902 с массой срубленной древесины 7,7 тысячи кубометров. В 1940 г. самовольных порубок было 3289 с массой срубленной древесины 8,2 тысячи кубометров⁴⁵.

Показатели самовольных порубок периода третьей пятилетки разительно отличаются от ущерба от самовольных порубок 1920-х гг. По данным Саратовского гублесотдела, в 1925 и 1926 гг. ежегодно незаконно вырубалось порядка 60 тысяч кубометров, в 1927 г. – 41,9 тысячи⁴⁶.

Значительное снижение в годы третьей пятилетки показателей самовольных порубок с нескольких десятков тысяч до 7–8 тысяч кубометров нельзя объяснить только уменьшением почти в два раза площади лесов Саратовской области по сравнению с Саратовской губернией. Представляется, что решающую роль сыграли такие факторы, как общее усиление уголовной репрессии в 1930-е гг. и специализация созданных управлений лесоохраны исключительно на вопросах ведения лесного хозяйства.

В 1941 г. самовольных порубок в лесах Саратовской области было зафиксировано 3803 с массой самовольно срубленной древесины 10,9 тысячи кубометров. При этом в отчёте управления лесоохраны отмечалось, что «преобладающее большинство самовольных порубок произведено военными частями, проходящими по территории Саратовской области»⁴⁷.

Таким образом, деятельность Саратовского управления лесоохраны в годы третьей пятилетки продемонстрировала заметные сдвиги в решении ряда проблем лесного хозяйства, что подтвердило правильность принятого в 1936 г. решения о создании специальных лесоохранных структур. Актуальность изучения истории освоения лесных богатств нашей страны подтверждается неблагоприятным состоянием российских лесов на современном этапе. Использование исторического опыта эволюции лесного хозяйства может служить основой для выработки стратегии перспективного развития как лесной промышленности России, так и природоохранных мероприятий.

Примечания

- 1 Писаренко А. И., Страхов В. В. Лесное хозяйство России : от пользования к управлению. М., 2004. С. 131.
- 2 См.: Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. М., 2002. С. 428 ; Щепоткин В. Как очистить «золото» от копоти // Российская Федерация сегодня. 2012. № 07–08. Апрель. С. 38.
- 3 См.: Гусев Н. Н. История лесостроительства Российского. М., 1998 ; Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798–1998 : в 2 т. Т. 2 (1898–1998). М., 1998 ; Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992 ; Писаренко А. И., Страхов В. В. Указ соч. ; Редько Г. И., Редько Н. Г. Указ. соч.
- 4 См.: Тихонов П. Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары, 2001 ; Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2009.
- 5 См.: Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 66–73.
- 6 См.: Денискин Е. И. Лесное хозяйство Мордовии в 1920–1950-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Пенз. гос. пед. ун-т. Пенза, 2007.
- 7 См.: Шарошкин Н. А. Лесная промышленность Куйбышевской области в предвоенные годы // Четвёртые Петровские чтения. СПб., 2003. С. 81–83.

- ⁸ См.: Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928–июнь 1941 гг. : достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005 ; Филатов С. Г. Пути решения кадровой проблемы на предприятиях пищевой промышленности Поволжья в 1938–1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5–2. С. 200–203 ; *Он же*. Управление пищевыми предприятиями Поволжья в 1930-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–1. С. 205–208 ; Чолахян В. А. Индустриальная модернизация Саратовского края в годы второй пятилетки (1933–1937 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 114–120 ; *Он же*. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2013. Т. 13, вып. 3. С. 100–106 ; Шарошкин Н. А., Кузьмина Т. Н. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933–1937 гг. (по материалам Поволжья) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1122–1127.
- ⁹ Власов В. А., Тишкина А. В. Национальный, социальный и возрастной состав раскулаченных крестьян Пензенского края // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 533–539 ; Захарченко А. В., Репинецкий А. И. Использование труда заключённых и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2006. Т. 8. № 3. С. 789–800 ; Ягов О. В. Властное регулирование кооперативного сектора экономики Поволжья в первой трети XX века // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 649–658 ; Ягов О. В. Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1154–1156.
- ¹⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4043. Л. 5 об.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62, 62 об.
- ¹² Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- ¹³ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62 об.
- ¹⁴ Работа Саратовского губплана // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 85.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 18 об.
- ¹⁷ Подробнее см.: Воейков Е. В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1929 гг. Самара, 2013. С. 296–299.
- ¹⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2463. Л. 30 ; ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 1167. Л. 1.
- ¹⁹ См.: Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957. С. 252.
- ²⁰ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36. Д. 654. Л. 19 ; Д. 748. Л. 52 ; Оп. 37. Д. 524. Л. 3.
- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 62 об.
- ²² Данное явление было характерно в первой пятилетке для большинства районов европейской части России. Например, в Ленинградской области в 1928–1929 гг. было вырублено 143% годичной сметной лесосеки, в Московской – 200, в Центрально-Чернозёмной области – 129, Нижегородской области – 252%. См.: Лесное хозяйство России. М., 1968. С. 38.
- ²³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-751. Оп. 9. Д. 145. Л. 6.
- ²⁴ Тенета И. Лесной фонд Нижне-Волжского края // Нижнее Поволжье. 1928. № 10. С. 81.
- ²⁵ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 6 т. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 346–347.
- ²⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ²⁷ ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 49.
- ²⁸ См.: Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР). 1936. № 35. Ст. 311.
- ²⁹ Там же. 1938. № 22. Ст. 142.
- ³⁰ Там же. 1939. № 55. Ст. 524.
- ³¹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 87–87 об.
- ³² Там же. Д. 23. Л. 15 ; Д. 25. Л. 14.
- ³³ Там же. Д. 21. Л. 85, 86 об.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 49 об.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 76 об.
- ³⁶ См.: Флеров С. К. Лесозащитные мероприятия в водоохранных лесах в третьем пятилетии // Лесное хозяйство. 1938. № 5. С. 2.
- ³⁷ СЗ СССР. 1938. № 22. Ст. 142.
- ³⁸ См.: Воейков Е. В. Освоение топливных ресурсов Поволжья в 1930–1941 гг. Самара, 2014. С. 133.
- ³⁹ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 21. Л. 76.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 20. Д. 892. Л. 51.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 23. Л. 84 об. ; Д. 25. Л. 41.
- ⁴² Там же. Д. 21. Л. 38 ; Д. 23. Л. 18.
- ⁴³ См.: Андреев Я. А. Охрана лесов водоохранной зоны // Лесное хозяйство. 1941. № 4. С. 37.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 25. Л. 41.
- ⁴⁵ Там же. Д. 21. Л. 92 об. ; Д. 23. Л. 84 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 4568. Л. 25 об.
- ⁴⁷ Там же. Ф. Р-2168. Оп. 3. Д. 25. Л. 41 об.

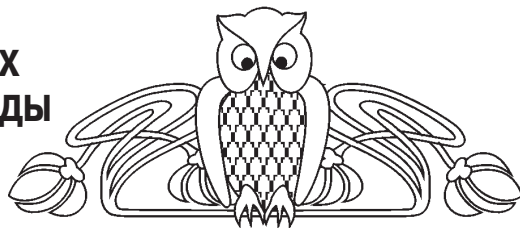
Образец для цитирования:

Воейков Е. В. Деятельность саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 481–486. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-481-486.

УДК 94 (47)

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1950)

Л. А. Моисейченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: moisejchenkola@mail.ru

В статье на основе архивных документов анализируются изменения в составе партийных организаций региона, вызванные переходом от военного времени к мирному, рост их численности за счет демобилизованных коммунистов, сокращение вновь принимаемых в партию, снижение удельного веса женщин, увеличение категории «служащих».

Ключевые слова: регион, партийные организации, рабочие, колхозники, служащие, комсомол.

Changes in the Staff of the Lower Volga Party Organizations in the Post-war Period (1946–1950)

L. A. Moiseichenko

On the basis of the archive documents, the author of the article analyzes the changes in the staff of the regional party organizations triggered by the transition from the war time to peace, the growth in the number of such organizations due to demobilized communists, the reduction of the newly admitted to the party, the decrease in the proportion of women, the increase of the professional employee category.

Key words: region, party organizations, workers, collective farm workers, professional employees, komsomol.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-487-490

В годы Великой Отечественной войны значительно выросла численность ВКП(б). К 1946 г. две трети состава нижеволжских парторганизаций, как и в партии в целом, составляли коммунисты, вступившие в ее ряды в военный период. Учитывая значительное обновление партии и новые сложные задачи послевоенного восстановления и развития страны, организационная политика в отношении пополнения партийных рядов состояла в решении двух основных задач: во-первых, не форсировать рост рядов партии; во-вторых,

усилить воспитательную работу с коммунистами, особенно молодыми.

В результате более строгого индивидуального отбора количество принимаемых в ВКП(б) в послевоенный период значительно сократилось. Всего по стране на 1946–1950 гг. в члены партии было принято свыше 1,5 млн человек, а в кандидаты – менее 1,1 млн. Этот процесс, как свидетельствует табл. 1, был характерен и для партийных организаций Нижней Волги. Если в годы войны Саратовская областная парторганизация приняла кандидатами в члены партии 30459 человек, то, как видно из табл. 1, за пять послевоенных лет – 10439, Сталинградская соответственно 18033 и 10835 человек¹. Более высокие темпы приема в партию в Сталинградской области объясняются бурным ростом населения области за счет притока активной рабочей силы, направлявшейся сюда на восстановительные работы из других областей страны, в том числе и из Саратовской и Астраханской. Резкое сокращение приема в кандидаты ВКП(б) в 1948–1949 гг. было вызвано необходимостью преодолеть сложившееся ненормальное положение, когда до 90% ранее принятых в кандидаты имели просроченный кандидатский стаж.

Однако следует отметить, что сокращение приема в партию в послевоенную пятилетку не вызвало снижения темпов роста областных парторганизаций Нижней Волги. Их рост шел не столько за счет вновь принимаемых в ВКП(б), сколько за счет прибывших по демобилизации коммунистов-воинов. Саратовская городская организация уже к 20 декабря 1946 г. пополнилась 23 221 демобилизованным коммунистом, Сталинградская область в 1946–1947 гг. – 23 347³. Всего партийная организация региона увеличилась в 1946–1950 гг. на 71 624 прибывших по демобилизации членов и кандидатов партии и, как показывает табл. 2, выросла с 123 836 коммунистов до 172 316, т. е. на 39%.

Таблица 1

Количество принятых в кандидаты партии по нижеволжским партийным организациям в 1946–1950 гг.²

Год	Партийные организации			
	Астраханская	Саратовская	Сталинградская	Итого
1946	1345	3501	2548	7394
1947	1078	3089	2333	6500
1948	430	827	1404	2661
1949	397	800	1415	2612
1950	755	2222	3135	6112
За 5 лет	4005	10439	10835	25279

Таблица 2

Численный состав партийных организаций региона⁴

Годы	Партийные организации								
	Астраханская			Саратовская			Сталинградская		
	Члены партии	Кандидаты в члены партии	Всего коммунистов	Члены партии	Кандидаты в члены партии	Всего коммунистов	Члены партии	Кандидаты в члены партии	Всего коммунистов
Январь 1946	12424	4394	16818	48915	18273	67188	29099	10731	39830
Январь 1951	21952	3469	25421	77114	11187	88301	50728	7866	58594
Рост за 5 лет, %	–	–	На 51%	–	–	На 30%	–	–	На 47%

Определяющим влиянием численности коммунистов, демобилизованных из армии, на состав местных организаций объясняется и то, что в первые три года послевоенной пятилетки прием в партию колхозников-механизаторов из числа демобилизованных воинов-беспартийных и комсомольцев был почти на уровне приема рабочих (см. табл. 3). Дело в том, что в период войны партийные организации промышленных предприятий значительно выросли, а парторганизации совхозов и колхозов заметно ослабли. Усиленное внимание к укреплению колхозных партийных организаций уменьшило долю представителей рабочего класса в составе принимаемых в партию. По подсчетам, удельный вес рабочих в числе принятых в кандидаты ВКП(б) равнялся 21,8% в регионе. Но это не привело к снижению доли рабочих в составе партийных организаций. В Сталинградской парторганизации в результате демобилизации коммунистов-воинов (из рабочих) она даже увеличилась на 1%, в Саратовской оставалась на неизменном уровне – 35,2% и лишь в Астраханской области несколько сократилась, но была достаточно высокой и равнялась почти 37%. Об этом говорят данные табл. 4.

В числе принятых в партию в 1946–1950 гг. и в социальном составе парторганизаций Нижней Волги преобладала категория «служащие». Но среди них абсолютное большинство принадлежало ведущей части интеллигенции. В Саратовской области, например, ежегодно в составе служащих, принятых кандидатами в члены партии, только представители науки, искусства, просвещения, печати, здравоохранения составляли почти одну треть⁵. Если в 1946 г. число коммунистов-специалистов народного хозяйства, учителей, врачей, научных работников составляло в области 6650 человек, то на 1 января 1950 г. – свыше 9 тысяч. Партийные организации Саратова и Сталинграда, учитывая особенность своих городов как крупных научных центров, стали принимать в партию ученых. Если в 1946 г. в партийных организациях региона не было ни одного доктора и кандидата наук, то в 1950 г. в Саратовской организации стало 24 доктора и 263 кандидата наук, в Сталинградской соответственно 10 и 36⁶. Прием в ВКП(б) ведущей части интеллигенции отражал общую линию в стране на усиление роли науки, интеллигенции, а также рост общественно-политической активности самой интеллигенции.

Таблица 3

Состав принятых кандидатами в члены партии по роду занятий в регионе⁷

Социальное положение	Годы	Партийные организации		
		Астраханская	Саратовская	Сталинградская
Рабочие	1946	26,5	26,2	23,4
	1947	22,9	26,1	21,0
	1948	17,9	19,6	17,2
	1949	12,8	23,8	20,2
	1950	20,3	27,0	24,6
Крестьяне (колхозники)	1946	15,0	17,3	17,1
	1947	14,5	23,0	21,4
	1948	14,6	19,2	20,1
	1949	12,3	12,1	13,0
	1950	10,0	15,3	13,1
Служащие	1946	55,8	49,9	56,5
	1947	56,3	44,0	53,9
	1948	60,9	50,8	56,8
	1949	71,3	58,4	60,3
	1950	62,0	51,1	56,8
Учащиеся	1946	2,5	6,2	2,4
	1947	6,2	6,8	3,3
	1948	6,3	10,3	5,2
	1949	3,5	5,7	5,3
	1950	6,7	6,5	4,5

Таблица 4

Состав партийных организаций региона по социальному положению коммунистов¹¹

Социальное положение	Партийные организации		
	Астраханская	Саратовская	Сталинградская
Январь 1946 года			
Рабочие	37,3	35,2	32,2
Крестьяне	17,8	20,8	23,4
Служащие	44,7	44,0	44,3
Январь 1951 года			
Рабочие	36,9	35,2	33,2
Крестьяне	16,2	21,0	21,2
Служащие	46,8	43,8	45,4

Изменился и состав областных парторганизаций по уровню образования коммунистов. Если в 1940 г. в Саратовской области членов и кандидатов партии с высшим и незаконченным высшим образованием было 6,8%, со средним и незаконченным средним – 23%, то в 1950 г. соответственно 9,4 и 39%⁸.

Партийные организации региона были многонациональны по своему составу, что отражало многонациональный состав населения Нижней Волги. В них состояли коммунисты – украинцы, белорусы, узбеки, казаки, армяне, грузины, азербайджанцы, литовцы, молдаване, латыши, эстонцы, киргизы, татары, мордва, чувашы, евреи, башкиры и другие. Например, в Саратовской городской парторганизации в 1950 г. были представители 45 национальностей⁹. Основную же массу коммунистов составляли русские, так как все области Нижней Волги исконно русские и в них преобладало русское население. В 1945 г. в Сталинградской областной парторганизации русские составляли 87,3%. К 1950 г. в регионе возросло количество коммунистов других национальностей. Удельный же вес в их составе партийных организаций несколько снизился в связи с демобилизацией воинов-коммунистов в основном представителей русской национальности. В Сталинградской области он сократился до 9,1%, в Астраханской – до 15,3%¹⁰.

Увеличился прием в ВКП (б) комсомольцев. Так, в 1946 г. в Даниловском районе Сталинградской области удельный вес комсомольцев среди принятых кандидатами в члены ВКП(б) составлял 65%, в Кумылженском – 63¹². В целом в Сталинградской области в 1948–1950 гг. он равнялся 36,9%, в Саратовской в 1946–1950 гг. – 42,3% против 36,9% в годы войны¹³. Возрастание доли членов ВЛКСМ в числе принятых в партию решало крупные организационно-политические задачи: делало комсомол главным источником роста рядов ВКП(б), поднимало авторитет и активность организаций ВЛКСМ и «омоложало» состав партии, пополняя ее молодыми силами.

В первые послевоенные годы в регионе, как и по всей стране, значительно изменился состав студенчества вузов и техникумов. Аудитории институтов и средних специальных учебных заведений заполнили вчерашние воины, рабочие и

колхозники. Политическая активность и зрелость студентов вузов и техникумов заметно возросла. А это (как видно из табл. 3) положительно сказалось на росте доли учащейся молодежи среди принимаемых в партию. В Саратовской области, например, в среднем за 1947–1950 гг. она составила 7,3 процента – самый высокий показатель в области за все предшествующие и последующие годы советской власти¹⁴.

В послевоенный период продолжала расти доля женщин в составе принятых в партию. Так, в Эльтонском районе Сталинградской области в 1946 г. она поднялась до 45,7%¹⁵. В Икрянинском районе Астраханской области в 1947–1949 гг. женщины среди принятых в ВКП(б) составляли одну треть¹⁶. В целом в первые послевоенные годы доля женщин среди принятых в партию в Саратовской области равнялась 29,2%, в Сталинградской в 1948–1950 гг. – 23,5%. Однако в результате значительного возрастания числа мужчин-коммунистов в связи с демобилизацией удельный вес женщин в составе партийных организаций Нижнего Поволжья снизился с 28,7% в 1946 г. до 23,2 – в 1951 г¹⁷. Но этот процент был значительно выше, чем в партии в целом (около 19%).

Таким образом, в послевоенные годы Нижневолжские парторганизации не форсировали рост рядов, что привело к сокращению принимаемых в партию. Однако состав областных организаций вырос за счет демобилизованных коммунистов. Увеличилась категория «служащие», но не изменился удельный вес рабочих. В составе принимаемых в ряды ВКП (б) возросла доля женщин и комсомольцев. Вырос образовательный уровень. Эти позитивные изменения в составе парторганизаций региона способствовали решению сложнейших послевоенных задач.

Примечания

¹ Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1978. Волгоград, 1979. С. 48 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1978. Саратов, 1977. С. 42.

² Таблица составлена по данным: ГАСДАО (Государственный архив современной документации Астраханской области) Ф. 325. Оп. 3. Д. 105. Л. 195 ; Оп. 4.

- Д. 116. Л. 1, 26 ; Оп. 6. Д. 147. Л. 233 ; Оп. 10. Д. 210. Л. 13, 31 ; Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 48 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 42.
- ³ ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 30. Оп. 29. Д. 23. Л. 15 ; ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 113. Оп. 25. Д. 3. Л. 38.
- ⁴ Таблица составлена по данным: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 115. Л. 148 ; Оп. 7. Д. 184. Л. 31 ; Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 25 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 25.
- ⁵ Подсчитано по данным: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 193. Л. 1–75 ; Д. 1469. Л. 1–75.
- ⁶ См.: Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 35 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 78.
- ⁷ Таблица составлена по данным: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 3. Д. 105. Л. 195 ; Оп. 4. Д. 116. Л. 1, 26 ; Оп. 5. Д. 115. Л. 2, 29, 87, 116, 159 ; Оп. 6. Д. 143. Л. 15, 31 ; Оп. 7. Д. 184. Л. 13, 31 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4869. Л. 68, 111 ; Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 49 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 44.
- ⁸ Саратовская областная организация КПСС в цифрах и документах. 1917–1981. Саратов, 1988. С. 68.
- ⁹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1440. Л. 69.
- ¹⁰ Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 44 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 143. Л. 30 ; Д. 147. Л. 231.
- ¹¹ Таблица составлена по данным: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 115. Л. 149 ; Оп. 7. Д. 184. Л. 31 ; Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 30 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 64.
- ¹² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 2. Л. 442.
- ¹³ Подсчитано по данным: Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 51 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 50.
- ¹⁴ Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 44.
- ¹⁵ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 2. Л. 434.
- ¹⁶ Подсчитано по данным: ГАСДАО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 257. Л. 20 ; Д. 281. Л. 31 ; Д. 311. Л. 64.
- ¹⁷ Подсчитано по данным: Волгоградская областная организация КПСС в цифрах. С. 46, 50 ; Саратовская областная организация КПСС в цифрах. С. 48, 114 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 115. Л. 148 ; Оп. 7. Д. 184. Л. 31.

Образец для цитирования:

Моисейченко Л. А. Изменения в составе нижеволжских парторганизаций в послевоенные годы (1946–1950) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 487–490. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-487-490.

УДК [94+316.334.3](470.44/47)|1953/1985|

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг. И КОЛЕБАНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ В РЕГИОНАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В статье анализируются колебания жизненного уровня населения Нижней Волги в 1953–1964 гг. Главное внимание сосредоточено на динамике доходов, ценовой политики, производства продуктов питания и товаров народного потребления, естественного движения населения, проявлений девиантности. Эти и другие показатели рассматриваются через призму изменений повседневных практик волжан. Статья основана на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати и статистических сборников.

Ключевые слова: заработная плата, доходы, девиантность, дефицит, рождаемость, смертность, спекулянт, товары, продукты, цены, хищения.

The Social Policy of the Soviet Union in the Second Half of the 1950s – the Beginning of the 1960s and the Variations of Living Standards in the Regions of Lower Volga

A. A. Gumenyuk

In this paper, we analyze the variations of people's living standards in the Lower Volga Region during 1953–1964. Our attention is focused on the dynamics of incomes, pricing policy, production of food and consumer goods, birth and death rates, occurrence of deviance. These and others parameters are considered in the context of changes occurring in people's everyday life in the Volga Region. The study is based on the rich factual material from the archives, periodic press and statistical bulletins.

Key words: salary, incomes, deviance, deficit, birth rate, mortality, profiteer, goods, foodstuffs, prices, embezzlements.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-490-498

Регулирование уровня жизни населения является первостепенной задачей любого современного социального государства. Этот процесс предусматривает учет таких показателей, как доходы населения, объемы производства продуктов питания и товаров народного потребления, ценовая политика государства, девиантное поведение, масштабы хищений, демографические показатели и др. В Российской Федерации, являющейся согласно конституции социальным государством, в 1990-е гг. социальные функции выполнялись не в полном объеме. Считалось, что проблемы повышения благосостояния россиян будут решены посредством грамотного регулирования экономического рыночного механизма, с минимальным вмешательством в этот процесс государства или вообще при его отсутствии. Советский опыт решения подобного рода проблем руководством страны, ориентировавшимся на западные модели, не учитывался и считался не отвечающим реалиям тогдашней современности. Однако масштабный экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и усугубленный санкционной политикой Запада в 2013 г., заставил изменить взгляды на советский опыт решения социальных проблем, в том числе и достижения торгово-продовольственной безопасности страны. Именно это обстоятельство делает исключительно значимым и актуальным исследование проблемы эволюции уровня жизни советского населения в постсталинском СССР. Исследованию подвергнут период так называемой «хрущевской оттепели», отмеченный поиском оптимальных путей достижения продуктово-товарного изобилия. Научный анализ данной проблемы, начавшийся в начале XXI в., свидетельствует об осознании экспертным сообществом актуальности и злободневности данной темы, практической полезности для сегодняшних управленческих решений¹.

Начало 1950-х гг. в Нижнем Поволжье, как и в стране в целом, было отмечено крайне низким уровнем жизни населения, в особенности сельского. Ярким свидетельством необустроенности крестьянского быта конца 1940-х гг. служит эпизод из фильма режиссера А. Салтыкова «Председатель» (1964 г.), когда привезенное главным героем в исполнении М. Ульянова обычное хозяйственное мыло вызвало у хозяйки дома в исполнении Н. Мордюковой большую радость. Выражая благодарность, она сказала, что с подарком угодил, поскольку в деревне мыло ни за какие деньги не купишь. В городах ситуация была ненамного лучше. Не всегда в продаже даже в областных центрах Нижнего Поволжья бывали колбасные изделия, консервы, овощи, картофель, сахар, хлебобулочные изделия, эмалированная посуда, клеенка, гардины, качественные ткани и т. д. Имевшиеся же в государственной торговой сети товары и продукты были низкого качества. Даже хлеб зачастую выпекался с примесями, в тесто попадали волосы, палки и т. д.² Поэтому вышеперечисленные товары горожане стремились

приобретать преимущественно на рынках, с рук, а продовольственные продукты выращивались ими на индивидуальных огородах. В Саратове число огородников возросло с 53 601 чел. с 1952 г. до 56 260 чел. в 1953 г. В Сталинграде в начале 1954 г. их насчитывалось 70 тыс. чел., а по области в целом увеличилось с 85 тыс. чел. в 1951 г. до 110 тыс. чел. в 1953 г.³ Однако радикально решить проблему дефицита самых необходимых продуктов товаров первой необходимости эти меры были не способны.

Н. С. Хрущев, заняв пост первого секретаря ЦК КПСС, считал первостепенной задачей своей социальной политики создание условий для полноценного обеспечения населения продуктами, чтобы питание соответствовало научно обоснованным нормам и было не хуже, чем в Западной Европе и США. Основной способ решения этой задачи новый партийный лидер страны видел в облегчении положения крестьянства через изменение системы налогообложения, повышение закупочных цен, отмену обязательных госзакупок. Именно эта программа мер была изложена Хрущевым на сентябрьском 1953 г. пленуме ЦК КПСС, ставшем точкой отсчета реформаторства нового советского лидера. Увеличение продовольственного рациона населения являлось одной из главных целей кампании по освоению целины, развернувшейся весной – летом 1954 г. Если эти постановления были призваны приблизить к приемлемым нормам потребления хлебобулочных изделий и картофеля, то решения январского 1955 г. пленума ЦК КПСС давали возможность расширить этот перечень продукцией животноводства: мясом, молоком, яйцами, шерстью. Создав, таким образом, условия для потребления необходимых для выживания человека продуктов, руководство страны приступило к решению следующей задачи – обеспечению всего того, что требуется для достойного существования человека. Тем самым складывалась законодательная основа стабильной системы продовольственного обеспечения населения, важнейшими элементами которой являлось создание вблизи больших городов специализированных совхозов по выращиванию овощей⁴ и строительство птицефабрик, ирригация, применение удобрений⁵.

Наряду с решением проблем продовольственного обеспечения, новое советское руководство нацеливалось и на преодоление дефицита потребительских товаров. Первым шагом в этом направлении стало увеличение в соответствии с решениями июльского 1955 г. пленума ЦК КПСС на 40–50 % производства товаров для населения на оборонных предприятиях за счет сокращения военного производства⁶. В мае 1958 г. на очередном пленуме ЦК КПСС получила одобрение инициатива первого секретаря о производстве синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения⁷. Принимались законодательные инициативы и по рас-

ширению производства товаров для народа и из традиционных материалов: одежды и обуви для детей, мебели, различных бытовых и хозяйственных товаров⁸. Таким образом, в годы «хрущевской оттепели» была создана законодательная база, повышавшая возможности советской экономики полнее удовлетворять продовольственные и товарные запросы населения.

Немаловажным условием достижения научно обоснованных норм потребления продуктов и изобилия товаров в стране являлась проблема повышения доходов населения, особенно низкооплачиваемых. Первый шаг в ее разрешении был сделан в 1956 г., когда вышло два специальных постановления о повышении с 1 сентября 1957 г. минимальной заработной платы до 300–500 руб. в месяц в зависимости от отрасли промышленности, и одновременно был увеличен необлагаемый налогами минимальный доход с 250 до 370 руб. в месяц. В целом заработная плата рабочих и служащих повышалась на 30 %⁹. В течение последующих четырех лет малоимущие категории населения были полностью освобождены от налогообложения. В комплексе основные направления обеспечения высокого уровня доходов и потребления населением отражала третья программа партии, принятая XXII съездом КПСС в октябре 1961 г.¹⁰

Реализация столь масштабной программы мер по подъему уровня жизни населения СССР в Нижнем Поволжье имела свои особенности, связанные с условиями финансирования субъектов РСФСР. Среди областных центров региона преимущественное положение занимал Сталинград, для которого размеры продовольственных фондов определялись Госпланом СССР особой строкой и поэтому они были больше, чем для соседнего Саратова¹¹. Повышенного внимания республиканских властей требовало и население возрожденной в 1957 г. Калмыцкой автономии, которое не меньше, чем жители разрушенного практически до основания Сталинграда, нуждалось в качественном хлебе, мыле, спичках, различной обуви, в том числе и детской, ламповом стекле, инструментах и т. д. Продуктами пищевой промышленности население этой автономии снабжалось в основном за счет завоза из соседних областей и краев¹², а также в рамках программы социальной помощи переселявшимся в свои родные края калмыкам. В 1959 г. только по линии Министерства торговли РСФСР в Калмыцкую АССР было направлено швейных и трикотажных изделий на 3 млн руб., кожаной обуви – на 1 млн руб., мебели – на 1 млн руб., сахара – 150 т, кондитерских изделий 250 т и пр.¹³

Нехватка предметов первой необходимости в регионе восполнялась и благодаря наращиванию мощностей легкой и пищевой промышленности. В Сталинградской области за первую половину 1950-х гг. валовой выпуск продукции этих отраслей возрос на 91%, а за 1959–1965 гг. – еще в

два раза. Ассортимент товаров культурно-бытового назначения увеличился с 20 видов в 1958 г. до более 150 наименований в 1964 г. По темпам промышленного производства эта область превосходила среднесоюзный уровень¹⁴. Не менее интенсивно развивалась отрасль группы «Б» в Калмыцкой АССР. Уже в течение первых двух лет с момента воссоздания автономии (1957–1959 гг.) производство мяса в республике выросло в 4,5 раза. В годы семилетки в АССР на душу населения производилось зерна в четыре раза и мяса в 2,7 раза больше, чем в целом в РСФСР¹⁵. Установка в течение 1954–1960 гг. на предприятиях Саратовского областного управления промышленных и продовольственных товаров 3 201 единицы технического оборудования и машин позволила увеличить производство чулочно-носочных изделий, бельевого и верхнего трикотажа, детских пальто, обуви, хлопчатобумажных тканей, бытовых холодильников, посуды эмалированной, детских колясок, пианино, мебели, маргарина, сыра. Продукция, выпускаемая предприятиями облпромпродтоваров, была более чем на 98% отличного, хорошего и удовлетворительного качества¹⁶. За 1959–1965 гг. в этой области производство продукции легкой промышленности увеличилось в 1,3 раза, а в пищевой – в 1,6 раза¹⁷. В Астраханской области в 1958 г. по сравнению с 1952 г. производство соли выросло в 1,4 раза, обуви – в 1,3 раза, консервов – почти в два раза. В течение последующих семи лет производство консервов из овощей и томатов выросло еще в два раза, мяса – на 25%, молока – на 75, шерсти – на 20, овощей – на 73, арбузов – на 63%¹⁸.

Повышению уровня жизни населения способствовало не только расширение производства товаров первой необходимости и продуктов питания, но и рост заработной платы трудящихся. В Саратовской области за первую половину 1950-х гг. она выросла на 39%, за вторую – еще на 14%, а к 1966 г. среднемесячная заработная плата одного работающего возросла на 27%¹⁹. В Волгоградской области среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в 1966 г. превысила уровень 1940 г. в три раза. В первой половине 1960-х гг. более 64 тыс. рабочих и служащих Калмыцкой АССР получили прибавку к заработной плате. На 20–30% она выросла в эти годы у трудящихся Астраханской области²⁰.

Увеличение заработной платы в совокупности с изменением ценовой политики способствовали росту доходов жителей Нижней Волги. Так, в Волгоградской области за 1950–1959 гг. денежные доходы населения возросли в два раза, а в 1959–1965 гг. – в 1,7 раза²¹. В Саратовской области в 1962 г. по сравнению с 1953 г. доходы рабочих выросли на 20 %, а колхозников – в 2,4 раза. О росте денежных доходов трудящихся можно судить и по размеру вкладов в сберегательных кассах, который у населения Калмыцкой АССР только за 1956–1959 гг. увеличился в три раза²². За

1953–1961 гг. денежные вклады населения Саратовской области в сберкассах возросли на 22 млн 238 тыс. руб. У сельского населения Сталинградской области средний размер вкладов вырос с 15,4 млн руб. в 1955 г. до 47,4 млн руб. в 1961 г.²³ Это дало людям возможность больше средств тратить на приобретение мебели, швейных машин, мотоциклов, строительных материалов, столовой и чайной посуды, предметов санитарии, хлопчатобумажных тканей, одежды и обуви. Большинство сельских жителей стало носить платья современного покроя, что нивелировало отличия сельских и городских жителей. Горожане также стали больше приобретать красивую одежду из добротной ткани, шерсти, шелка.

Население Нижней Волги стало более калорийно питаться. Так, жители Калмыцкой АССР чаще употребляли разнообразные колбасные, хлебобулочные изделия, крупы, макароны, вермишель, лапшу, кондитерские изделия, рыбные, мясные консервы, свинину, свиное сало, картофель, фрукты и овощи. В городах республики в меню вошли кефир, творог, сырковая масса, различные сорта сыра²⁴. В Саратовской области к началу 1960 г. потребление продуктов животного происхождения у рабочих составило 87,5% к физиологической норме, а у колхозников – 100,5%, превысив ее²⁵. Увеличение объемов продаж населению Сталинградской и Астраханской областей продовольственных продуктов также создавало необходимые условия для повышения калорийности пищи в этих субъектах РСФСР²⁶. Общий подъем уровня жизни сказался и на демографическом развитии. У людей появилось больше возможностей для создания семей и рождения детей. Один из самых высоких показателей рождаемости, по данным 1959 г., был зафиксирован в Калмыкии – 37,1 на тысячу человек²⁷. В Астраханской области в 1964 г. он составлял 16,5%. В городах Саратовской области к этому времени был один из самых высоких показателей брачности в РСФСР – 14,9%²⁸.

Вместе с тем в начале 1960-х гг. наметились тенденции к снижению уровня жизни населения Нижнего Поволжья. Решения о ликвидации МТС, передаче скота из личных подсобных хозяйств колхозников в колхозные фермы, об увеличении цен на мясо, масло, сливки изначально самим Хрущевым задумывались как меры по стимулированию непосредственных производителей на максимальную обеспеченность населения продовольствием. Однако претворение их в жизнь привело к противоположным результатам, существенно подорвав престиж первого секретаря ЦК КПСС в обществе, что явилось причиной экономических трудностей и социального недовольства²⁹. В Саратовской области в начале 1960-х гг. продукция предприятий пищевой промышленности занимала 25% общего объема промышленного производства области, а легкой промышленности – лишь 5%³⁰. Это приводило к сокращению и полному снятию

с производства ряда товаров, необходимых в быту. Например, в 1961 г. население этой области недополучило товаров на 29,9 млн руб., а в 1963 г. – на 21 млн руб. Уровень развития овощеводства не обеспечивал растущие потребности городского населения. Только в 1962 г. саратовскими торгующими организациями было получено лишь 13% овощей, что составляло 29,3% от потребности в них³¹. В Астраханской области в 1961 г. общий объем добычи рыбы сократился по отношению к среднегодовому улову за 1955–1957 гг. на 38%. В середине 1960-х гг. такие предприятия этой области, как кондитерская фабрика, Харабалинский консервный завод, астраханский мясокомбинат и ряд других не справлялись с заданием по производству продукции³². В первой половине этого десятилетия животноводческие хозяйства Волгоградской области были не способны полностью обеспечить спрос населения своей продукцией. Волгоградские предприятия швейной промышленности в течение 1959–1965 гг. повысили производство одежды всего на 38%, удовлетворив потребность населения в ней лишь на 35%. В первой половине последнего года семилетки промышленность недодала волгоградцам товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода почти на 40 тыс. руб.³³ Не выполняли плановых показателей и работали убыточно в это время мясокомбинат, пищекомбинат в Элисте и другие предприятия Калмыкии³⁴.

Частично нехватка товаров восполнялась за счет завоза из других областей. Однако ассортимент продаваемой продукции был по-прежнему не велик из-за того, что товарные фонды распределялись без учета потребности населения. В начале 1960-х гг. население Нижней Волги в своей повседневной жизни сталкивалось с большими трудностями в приобретении таких продуктов и необходимых в быту предметов, как рис, пшено, гречка, вермишель, макароны, жиры, дверные ручки, насадки к кранам, уголки, ушки к вешалкам, зубные щетки, дорожные мыльницы, лезвия для бритвы, зубная паста, отделочные пуговицы, черные галстуки и зажимы к ним, электро- и механические бритвы, полиэтиленовые изделия, щетки для обуви и одежды, капроновые изделия, платяные кнопки т.д.³⁵ Если за 1953–1958 гг. нами в архивах Саратовской области было обнаружено 31 критическое высказывание горожан относительно дефицита тех или иных продуктов и товаров, то за 1959–1964 гг. – уже 47 жалоб.

В торгующих организациях скапливалось большое количество не пользующихся спросом товаров. Так, еще осенью в 1955 г. на складах артелей промысловой кооперации Астраханской области скопилось товаров, не пользующихся широким спросом населения, на 171 млн руб. В 1962 г. в торговых организациях Саратовской области их числилось на сумму 43 млн руб. В Калмыцкой АССР в республиканском потребсоюзе насчитывалось неходовых товаров на 5 млн руб.³⁶

Имели место хищения, растраты, нарушения правил торговли. Так, за 1957 г. и шесть месяцев 1958 г. в торговых организациях Астраханской области было выявлено растрат и хищений на сумму 2,2 млн руб. В 1959 г. в торгующей сети Калмыцкого облпотребсоюза сумма растрат превысила уровень 1958 г. на 605 тыс. руб., в Сталинградской области только в 1959 г. было расхищено продуктов и товаров на 2 777 тыс. руб. Период 1959–1963 гг. в Саратовской области был отмечен непрерывным ростом растрат и хищений в системе государственной торговли, только за 1962–1963 гг. они выросли в два раза³⁷.

Нехватка транспортных средств приводила к перебоям в снабжении населения хлебом, особенно в районах освоения целины³⁸. С осени 1962 г. перебои в торговле хлебом стали отмечаться не только в районах освоения целины, но и в областных центрах Нижней Волги. Так, жители Саратова только за десять месяцев 1963 г. недополучили 33713 кг хлебопродуктов. В целом за 1963–1964 гг. производство зерновых в этой области снизилось на 1 868,6 тыс. тонн. Самое же значительное сокращение сбора этих сельскохозяйственных культур было зафиксировано в Волгоградской области – на 2075,3 тыс. тонн. Минимальные потери зерновых наблюдались в Астраханской области – лишь 67,2 тыс. тонн. Промежуточную позицию занимала Калмыцкая АССР, где убыль производства хлебов выразилась в цифре 381,8 тыс. тонн³⁹.

Для выправления ситуации власти прибегли к нормированной раздаче хлеба. В одни руки нельзя было продавать более 2,5 кг хлебных изделий. В столовых на человека выдавалось всего два куска хлеба. Качество этих изделий было плохим (по вкусу напоминали «мякину»), поскольку вместо пшеничной и ржаной муки в хлеб добавляли 35% обойной муки и 25% ячменной муки, традиционно используемых для корма скоту. При этом замена осуществлялась вручную и отклонения при дозировке ячменной муки от норм были весьма значительны. Поэтому такой хлеб быстро крошился и твердел. Только в октябре 1963 г. в Саратове таким способом было произведено 2633 кг хлеба. Назывался такой хлеб «забайкальским». В ноябре 1963 г. его стали выпекать и в Волгограде. Население региона в своих наказах депутатам районных советов неоднократно просило улучшить качество выпечки хлебобулочных изделий. Но выполнить их властям не позволяла узость диапазона социальной мобильности, поэтому даже такой некачественный хлеб завозился в магазины с переборами и люди не имели возможности приобрести его в течение двух и более дней. Катастрофическое положение с обеспечением хлебом толкало их на отчаянные поступки, вплоть до открытого протеста. Например, жители Саратова летом 1963 г. в количестве 200 человек имели намерение остановить автомашины ехавших с дачи руководящих работников обкома КПСС и облисполкома⁴⁰.

Эксперименты хрущевских реформ в области сельского хозяйства все больше и больше заходили в тупик. Купить хорошие продукты становилось все труднее. Население Астраханской, Волгоградской области и Калмыцкой АССР жаловалось на перебои в торговле мясом, колбасными, макаронными изделиями, маргарином, сыром, сахаром, овощами, молоком, рыбой, яйцами, хозяйственным и туалетным мылом, чаем, кофе, повидлом, обувью, хлопчатобумажным трикотажем, одеждой, в том числе детской, холодильниками, фарфоровой посудой, керосиновыми лампами и стеклом к ним, детскими игрушкам, фототоварами. Имевшиеся же в продаже продукты и товары были не всегда качественными, особенно в сельской местности⁴¹. Если за 1953–1958 гг. нами в архивах Саратовской области было выявлено 65 критических высказываний на партийных конференциях и сессиях советов различного уровня по этому поводу, то за 1959–1964 гг. – уже 82 выступления.

Изученные нами статистические данные о производстве в 1963–1964 гг. таких продуктов питания и товаров первой необходимости, как мясо, молоко, яйца, овощи, шерсть в отдельных частях рассматриваемого региона позволяют утверждать, что больше всего с явлением дефицита в своей повседневной жизни сталкивалось население Саратовской области. В этой связи в 1961 г. в Саратове проявилось анонимное послание, где положение с обеспечением горожан продуктами сравнивалось даже с голодным 1921 г. Несколько лучше указанными продуктами было обеспечено население Волгоградской области, промежуточную позицию в этом отношении занимали Астраханская область и Калмыцкая АССР⁴². Хотя степень проникновения дефицита в повседневную жизнь региона была различной, тем не менее, он вынуждал население Нижней Волги, как и всей страны, вырабатывать различные алгоритмы приспособления к существованию в условиях постоянного отсутствия тех или иных продуктов и товаров. Горожане доставали их у частных лиц на колхозных и городских рынках. Так, в первом полугодии 1960 г. рабочие Саратовской области потратили на приобретение продуктов питания на рынках 20,1% своих сбережений, а в первом полугодии 1961 г. – уже 26,3%⁴³. После осуществления денежной реформы 1961 г. дефицит продовольствия стал хроническим. Руководству торгующих организаций стало невыгодно реализовывать качественную продукцию по новым низким государственным ценам, поэтому они ее перепродавали рыночным спекулянтам. В результате из государственной торговли областных центров Нижнего Поволжья многие продукты исчезли, а те, что имелись, были некачественными. В этих условиях горожане продолжили приобретать необходимые продукты питания на колхозных рынках. Например, удельный вес расхода денег на эти покупки у саратовских рабочих возрос с 24% в

1960 г. до 27,6% в 1961 г.⁴⁴ В наказах избирателей в адрес властей все чаще звучали предложения об организации продажи населению дефицитных товаров и продуктов через столы продовольственных заказов при магазинах или по спискам, как это практиковалось в Москве, Куйбышеве и других городах. Сельские жители восполняли нехватку продуктов в государственной торговой сети за счет личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Так, в 1961 г. в Саратовской области поступления от этого хозяйства в семейный бюджет колхозников составлял 69%, тогда как от общественного (колхозного) хозяйства – всего 19%⁴⁵. Однако государство всячески стремилось ограничить частнособственнические инстинкты населения, что повлекло за собой снижение доходности от ЛПХ. Например, в Саратовской области доход, полученный сельским населением со своих ЛПХ, в 1960 г. составил 236,7 млн руб., а в 1965 г. – всего 223,2 млн руб.⁴⁶

Падение уровня жизни населения городов и рабочих поселков ускорилось после принятия 17 мая 1962 г. постановления Совета Министров СССР о новом повышении с 1 июня 1962 г. цен на мясо и птицу – на 35%, а на масло и молоко – на 25%. Эта мера, задуманная Хрущевым как важнейший стимул к повышению производительности колхозов, резко расходилась с ожиданиями населения, уверенного, что после смерти Сталина цены должны идти вниз, а никак не вверх. В довершении всего повышение цен совпало с решением повысить нормы заводской выработки, т. е. фактически снизить рабочим зарплату⁴⁷. О реакции населения Нижнего Поволжья на повышение розничных цен на вышеперечисленные продукты можно судить на примере Саратова. В частности, бригадир СМУ треста № 7 заявил: «Зарабатывать не дают, а цены повышают, не знаю как теперь буду жить, заработной платы не хватает для обеспечения семьи». Мастер организация почтовый ящик № 105 в своем выступлении отметил: «Принятое правительством решение о повышении розничных цен является преждевременным. Много говорят о коммунизме, но слова расходятся с делом»⁴⁸. В этих условиях население пыталось найти решение проблем неустроенности жизни в употреблении алкоголя. Спиртные напитки играли роль своеобразного компенсатора прорех в социальной организации, позволяли преодолеть (или создать видимость преодоления) трудно-восполнимого разрыва между словом и делом. Возрождавшееся пьянство стало основой роста девиантного поведения. Так, в Астрахани только в 1962 г. за нарушение общественного порядка было доставлено в вытрезвитель около 8 тыс. человек. В г. Вольске Саратовской области в 1963 г. туда поступило 3 тыс. чел., а в 1964 г. – 4 150 чел.⁴⁹

В борьбе с нарушениями общественного порядка органам милиции помощь оказывалась общественностью. С принятием постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 2 марта 1959 г.

«Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» была создана необходимая законодательная база деятельности добровольных народных дружин. Порядок их создания и функционирования конкретизировался в специальных положениях и инструкциях, принятых в течение 1959–1960 гг.⁵⁰ В результате уже 1 мая 1959 г. в Астраханской области было создано 183 добровольных народных дружины, в которых состояло 3 700 человек. К началу 1961 г. в Сталинграде действовало 290 таких дружин, насчитывавших 18 970 человек. Если в Саратове в 1960 г. насчитывалось 150 народных дружин, где числилось более 9 тыс. человек, то к 1964 г. их число выросло до 262 с охватом почти 36 тыс. человек⁵¹. И хотя количество нарушений общественного порядка в регионе сокращалось⁵², мероприятия дружинники по наведению порядка в городах натолкнулись на ожесточенную встречную агрессию криминальных элементов. Вскоре накопилось немало случаев избиения и даже убийств добровольных блюстителей порядка, поэтому 15 февраля 1962 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальное постановление «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁵³. Негативные тенденции в социальном развитии области напрямую сказались и на естественном движении населения. В Калмыцкой АССР рождаемость в 1960 г. по сравнению с довоенным 1940 г. снизилась на 6,1%, в Саратовской области за этот же промежуток времени уровень рождаемости понизился на 16%. Только за 1960–1963 гг. в этой области было зафиксировано 260 разводов лишь в первые два года жизни супругов, а по сравнению с 1950 г. число разводов выросло в три раза. Естественный прирост населения Астраханской области снизился с 16,6% в 1960 г. до 10,5% в 1964 г.⁵⁴

Жизненный уровень населения Нижней Волги на протяжении середины 1950-х по середине 1960-х гг. находился как в фазах подъема (1953–1958 гг.), так и в фазах спада (1959–1964 гг.). Волнообразный характер колебаний уровня жизни зависел, прежде всего, от диапазона социальной мобильности, максимально широкие пределы которого пришлось на конец 1950-х гг. Именно вторая половина 1950-х гг. характеризовалась возрастанием активности государства в социальной сфере, вытекавшей из стремления советского лидера выйти победителем в борьбе за власть, пик которой пришелся именно на эти годы, а также из необходимости доказать преимущества социализма в условиях активизации социальной деятельности в странах Западной Европы. При общей тенденции повышения степени обеспечения населения Нижнего Поволжья необходимым набором продуктов и товаров особой заботы государства были «удостоены» Сталинградская область, областной центр которой в 1942–1943 гг. был практически полностью разрушен, и восста-

новленная в 1958 г. Калмыцкая АССР. Поэтому население этих административно-территориальных образований РСФСР в рассматриваемый период выделялись относительно более высоким уровнем жизни по сравнению с Астраханской и особенно Саратовской областью, население которой в своих повседневных практиках чаще всего сталкивалось с явлением дефицита. Масштабное проникновение в повседневную жизнь советских людей этого явления стало следствием неудачных поисков в конце 1950-х – начале 1960-х гг. первым секретарем ЦК КПСС модели стабильного экономического развития. Избранная руководителем страны в эти годы экономическая стратегия привела к существенному ограничению возможностей государства по обеспечению дальнейшего роста уровня жизни населения, что вызвало волну социального недовольства. Тем не менее принятие в 1961 г. новой программы КПСС завершило подготовку законодательной базы создания в СССР социального государства, к строительству которого приступило новое советское руководство во второй половине 1960-х гг.

Примечания

- 1 См.: *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002; *Гуменюк А. А.* Проблемы колебаний уровня жизни жителей Саратовской области в 1953–1964 годах // Новые информационные технологии как средство интенсификации образовательного процесса в вузах : межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2004. С. 187–197; *Ванюков Д. А.* Хрущевская оттепель. М., 2007; *Гуменюк А. А.* Саратовский обыватель и реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х г. : некоторые зарисовки повседневной жизни // Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. ст. Саратов, 2007. Вып. III. С. 169–174; *Перцев В. А.* Материальное положение населения РСФСР (вторая половина 1950-х – 1980-е годы) : на материалах областей Центрального Черноземья. Воронеж, 2013 и др.
- 2 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 2. Д. 101. Л. 21, 61, 110; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 124. Л. 84, 94; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42. Д. 9. Л. 134; Волга. 1953. 29. 09. Л. 3; 08. 12. Л. 3.
- 3 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3057. Л. 139; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 336. Л. 42.
- 4 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 359–360, 468; Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 192, 483; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 8 т. Т. 2 : Постановления 1954–1958. М., 2006. С. 490.
- 5 См.: *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. Т. 7. Февраль 1962 г. – март 1963 г. М., 1962. С. 474–477; Пленум ЦК КПСС. 10–15 февраля 1964 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 433–436; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний : Стенограммы. Постановления. Т. 3 : Постановления 1959–1964. М., 2008. С. 566–568, 573.
- 6 См.: *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев : Реформатор. М., 2010. С. 216.
- 7 См.: КПСС в резолюциях ... Т. 9. С. 239–241.
- 8 См.: СП СССР. 1958. № 4. Ст. 36; № 5. Ст. 45; 1959. № 18. Ст. 147; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 223. Л. 253 об. – 255.
- 9 См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 174; СП СССР. 1957. № 2. Ст. 5.
- 10 См.: Сборник законов СССР и Указов и Президиума Верховного Совета СССР (1938 – ноябрь 1958). М., 1959. С. 506; СП СССР. 1957. № 7. Ст. 77; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 686–688; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний : Стенограммы. Постановления. Т. 3. С. 106–116; Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 92–93.
- 11 См.: *Кузнецова Н. В.* Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг. : экономические и социальные проблемы послевоенного восстановления и развития : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2002. С. 380–381; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3056. Л. 33.
- 12 См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3. Л. 177–178; Д. 61. Л. 183; Советская Калмыкия. 1957. 19, 27. 04. Л. 3; 13. 06. Л. 3; 21. 06. Л. 3; 04. 09. Л. 3; 08. 12. Л. 3; 1959. 11. 12. Л. 3.
- 13 См.: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2. С. 629.
- 14 См.: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 28; Оп. 71. Д. 136. Л. 46; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 956. Л. 34, 142.
- 15 См.: Советская Калмыкия. 1959. 11. 12. Л. 3; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 370.
- 16 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3094. Л. 44; Д. 3610. Л. 16 об.; Д. 3360. Л. 76; Д. 3873. Л. 232; Д. 4114. Л. 63; Д. 4115. Л. 9; Д. 4740. Л. 2; Д. 4326. Л. 63; Д. 4327. Л. 27; Д. 4539. Л. 4; Д. 4864. Л. 147; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1143. Л. 1; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 43. Д. 65. Л. 1–6; *Наумов С. Ю.* Саратовская область в 1955–1965 гг. // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011. С. 263.
- 17 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 6. Д. 2. Л. 27.
- 18 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 36. Д. 10. Л. 11; Оп. 47. Д. 83. Л. 57; Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 531.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3439. Л. 67; Д. 4864. Л. 158; ГАСО. Ф. Р-1738, Оп. 4-пр., Д. 338, Л. 33.
- 20 См.: Волгоградская область за 50 лет Советской власти. Волгоград, 1967. С. 27; Советская Калмыкия. 1965. 31. 12. Л. 1; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 89. Л. 156; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 26. Л. 24.
- 21 См.: Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград, 1085. С. 466; Волгоградская область за 50 лет Советской власти. С. 27.
- 22 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1130. Л. 6; Советская Калмыкия, 1959. 13. 11. Л. 3.
- 23 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4915. Л. 207; *Вениг Б. Л.* Сельские культурно-просветительные уч-

- реждения – опора партийных организаций в коммунистическом воспитании тружеников села. 1956–1965 гг. (по материалам областей Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1967. С. 243.
- 24 См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. д. 61. Л. 38 ; Д. 89. Л. 186 ; Д. 228. Л. 67 ; Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 14 ; Д. 16. Л. 32 ; Д. 22. Л. 20 ; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва. Десятая сессия (6 февраля 1963 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1963. С. 9 ; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва. Вторая сессия (13 января 1964 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1964. С. 13 ; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 411–412.
- 25 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4444. Л. 123,
- 26 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 25. Д. 6. Л. 34 ; Оп. 27. Д. 7. Л. 270–271 ; Оп. 34. Д. 81. Л. 19–20, 113 ; Оп. 36. Д. 96. Л. 139–140 ; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 3. Д. 123. Л. 144 ; Оп. 4. Д. 198. Л. 26 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 66 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 453. Л. 24.
- 27 См.: Пленум ЦК КПСС. 18–21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 179.
- 28 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 26. Л. 85 ; Народонаселение России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1. 1960–1979. М., 2005. С. 135.
- 29 См.: Хрущев С. Н. Указ соч. С. 553–556, 560–561, 791–792 ; Горчаков А. Н. Заводы и время (1958–1995). Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов, 2005. С. 33–34.
- 30 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4909. Л. 2, 3.
- 31 См.: Там же. Д. 4864. Л. 215 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 7. Д. 481. Л. 5.
- 32 См.: Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. С. 527 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 53. Д. 8. Л. 15.
- 33 См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 956. Л. 108–109. Оп. 3. Д. 5. Л. 25, 27 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 136. Л. 178.
- 34 См.: Советская Калмыкия. 1965. 31. 12. Л. 1 ; НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 89. Л. 160, 162, 171 ; Д. 141. Л. 81.
- 35 См.: НАРК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 61. Л. 14, 83 ; Д. 89. Л. 186–187 ; Д. 141. Л. 79 ; Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 15 ; Д. 11. Л. 13 ; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР третьего созыва. Первая сессия (16 марта 1963 г.). Стенографический отчет Элиста, 1963. С. 21 ; Советская Калмыкия. 1961. 28. 11. Л. 3 ; Комсомолец Каспия. 1964. 20. 11. Л. 3 ; Волгоградская правда. 1962. 10. 01. Л. 4 ; 1964. 11. 12. Л. 3.
- 36 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 27. Д. 7. Л. 239 ; ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 101. Л. 6 ; Советская Калмыкия. 1965. 08. 10. Л. 2.
- 37 См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 34. Д. 81. Л. 7 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 685. Л. 69 ; НАРК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 15.
- 38 Об этом подробнее см.: Гуменюк А. А. Саратовский обыватель и реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х г. : некоторые зарисовки повседневной жизни. С. 170–171.
- 39 Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 246.
- 40 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 88. Л. 3 ; Оп. 7. Д. 492. Л. 1–4 ; ГАНИСО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 138. Л. 56 ; НАРК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 147. Л. 23 ; Коммунист. 1962. 16. 10. Л. 2 ; 02. 11. Л. 3 ; 1963. 07. 09. Л. 3 ; Заря молодежи. 1963. 18. 09. Л. 3 ; 25. 09. Л. 2 ; 11. 10. Л. 2 ; 13. 10. Л. 4 ; Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 52.
- 41 См.: Пленум ЦК КПСС. 23–25 декабря 1959 г. Стенографический отчет. М., 1960. С. 392 ; Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4 : Май 1959 г. – Февраль 1961 г. М., 1963. С. 140 ; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 304. Л. 96 ; Ф. Р-272. Оп. 3. Д. 123. Л. 22, 61 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 47. Л. 46 ; Оп. 50. Д. 72. Л. 62, 63 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 685. Л. 124 ; Д. 858. Л. 62 ; Оп. 2. Д. 4. Л. 133 ; Оп. 3. Д. 5. Л. 36 ; НАРК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 175 ; Оп. 4. Д. 176. Л. 35 ; Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 32 ; Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 119. Л. 7 ; Д. 147. Л. 3, 26, 27 ; Д. 147. Л. 22, 24 ; Ф. 1. Оп. 4. Д. 89. Л. 283 ; Волга. 1962. 07. 02. Л. 3 ; Волгоградская правда. 1962. 06. 01. Л. 3 ; 11. 01. Л. 3 ; 1964. 26. 11. Л. 3 ; Молодой ленинец. 1962. 14. 03. Л. 3 ; Советская Калмыкия. 1959. 05. 03. Л. 2 ; Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР второго созыва. Восьмая сессия (25 января 1962 г.). Стенографический отчет. Элиста, 1962. С. 15.
- 42 См.: Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 243 ; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 296, 298, 300, 302 ; ГАНИСО. Ф. 2137. Оп. 1. Д. 138. Л. 37 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 3. Л. 172 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 858. Л. 25.
- 43 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 36–37 ; Коммунист. 1955. 19. 10. Л. 3 ; 1956. 09. 10. Л. 3 ; 1961. 08. 07. Л. 2. Заря молодежи. 1963. 17. 05. Л. 4.
- 44 См.: Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 25–26 ; Мясников А. Л. XX век. 1953–1991 годы. От СССР до Российской Федерации. М., 2015. С. 95–96 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4863. Л. 188.
- 45 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1118 а. Л. 14 ; Оп. 7. Д. 488. Л. 7 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 92 ; Д. 4864. Л. 195.
- 46 См.: Народное хозяйство Саратовской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) и 1971 год. Статистический сборник. Саратов, 1972. С. 97.
- 47 См.: СП СССР. 1962. № 8. Ст. 66 ; Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 563 ; Горчаков А. Н. Указ. соч. С. 33.
- 48 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4875. Л. 2–4, 9–10, 15.
- 49 См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 4. Д. 198. Л. 32 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1814. Л. 7 об.
- 50 См.: СП СССР. 1959. № 4. Ст. 25 ; СП РСФСР. 1960. № 14. Ст. 56 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4303. Л. 1 об. – 3 об.
- 51 См.: Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. С. 512 ; РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 786. Л. 23 ; Местное самоуправление Саратова : история и современность. Саратов, 2005. С. 174.
- 52 Так, например, в 1963 г. благодаря привлечению ответственности преступность сократилась в Заводском районе г. Саратова на 29%, в г. Ртищево – на 25, в г. Балашове – на 19,5%. (См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 202. Л. 3–3 об.)

⁵³ См.: *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность : Контурь, символы, знаки. СПб., 2008. С. 143 ; РГАНИ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 828. Л. 128–130.

⁵⁴ См.: Народное хозяйство Астраханской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград 1967. С. 32 ; На-

родное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет Советской власти. Юбилейный статистический сборник. Элиста, 1987. С. 10 ; *Уставщикова С. В.* Комплексная характеристика населения Саратовской области. Саратов, 1992. С. 4 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 7. Д. 581. Л. 3, 11.

Образец для цитирования:

Гуменюк А. А. Социальная политика Советского государства во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. и колебания уровня жизни в регионах Нижнего Поволжья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 490–498. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-490-498.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рецензия на книгу: Дронова Н. В., Земляничин В. А., Коротков С. Н., Кошелева Е. А. Новая история Запада. Учебно-методический комплекс. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 536 с.

Новое время – период, охватывающий последние четыре столетия жизни общества, считается (и является) временем, когда началось формирование того мира, в котором мы, собственно, живем. Весь строй нашей жизни от сугубо материальной его составляющей до сферы «изучение, понимание и восприятие» этого исторического периода имеет для нас особое значение, а потому столь важно, как преподается история Нового времени тем, кто должен сам со временем преподавать. Время требует обновления, что обусловлено и накоплением материала, и изменениями во взглядах на прошлое, и переменами, переживаемыми обществом.

Не так давно в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена подготовлен и применяется в учебном процессе учебно-методический комплекс «Новая история Запада». Официальные параметры этого издания выглядят следующим образом: Дронова Н. В., Земляничин В. А., Коротков С. Н., Кошелева Е. А. Новая история Запада. Учебно-методический комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013.

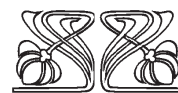
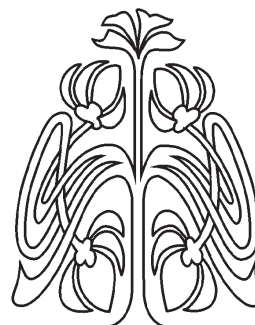
Издание включает четыре раздела, первый из которых посвящен характеристике рабочей учебной программы – дисциплины «Новая история Запада», второй содержит материалы методического характера для преподавателей, третий – методические рекомендации для студентов, а четвертый – материалы по аттестации студентов (или «обучаемых», как принято говорить).

Проделанная питерскими коллегами работа вызывает уважение своей методической основательностью, серьезностью подхода, в основе которого лежит стремление способствовать выработке у «обучающихся» стратегического мышления, способности и стремления к саморазвитию. Авторская группа во главе с профессором Н. В. Дроновой, очевидно, видит свою задачу в том, чтобы сделать оптимальными содержательное наполнение материалом и форму работы со студентами. В центре внимания проблема вариативности в преподавании истории Нового времени.

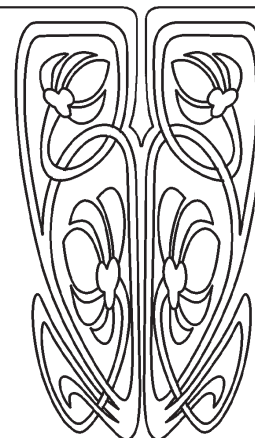
Прежде всего отметим, что название курса «Новая история Запада» представляется оптимальным и более удачным, нежели часто употреблявшаяся «Новая история стран Европы и Америки». Это и короче, и точнее обозначает цивилизационную общность большого региона.

Первый раздел открывают четко сформулированные «общие положения», дополненные пояснениями, касающимися авторской позиции. Центральное место в первом разделе занимает программа лекционного курса, охватывающая хронологически период с начала XVI в. до начала XX в., а тематически с начала Географических открытий и Реформации до завершения и подведения итогов Первой мировой войны.

Хочется остановиться на первых двух пунктах «Программы», касающихся подходов ко всему курсу. Совершенно справедливо обозначены многочисленные особенности, отличающие общество, находившееся на пороге больших перемен, от научной революции до начинавшейся урбанизации и формирования буржуазного уклада. Тем самым дается общая перспектива восприятия Нового времени как периода, кардинально отличающегося от других исторических эпох.

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

Это прозвучало бы более очевидно, если бы акцентирован был «человеческий фактор». В «Программе» обозначен целый ряд новых тенденций жизни общества начала XVI в., в частности, такие как «Надрегиональная специализация в сельском хозяйстве» или «Особенности питания и образа жизни»¹, упомянуто и «Утверждение принципов индивидуализма и личного успеха»². Но эта формулировка не раскрывает всей значимости феномена формирования нового типа человеческой личности, произошедшего накануне Нового времени, личности, способной и стремившейся «заглянуть за горизонт», изменить себя, а по возможности и окружающий мир. Конечно, многое зависит от конкретного наполнения, которое вносится в коротенькие формулировки «Программы».

В целом «Программа» содержит четко организованные части, раскрывающие основные тенденции общественной жизни XVI–XIX веков. Основное внимание сосредоточено на социально-экономических, а также политических процессах рассматриваемого периода. Магистральным является переход от «старого порядка» к «веку наций» и те узловое и наиболее яркие проявления этого процесса, которые проявились в различных национальных вариантах и общем цивилизационном движении. Включены также сюжеты, связанные с развитием культуры, по традиции они даются как декоративное дополнение.

Второй раздел учебно-методического комплекса (УМК) адресован тем, кто должен обучать студентов. Этот раздел невелик по объему, но очень важен, потому что именно в нем предлагаются возможные методические решения гуманитарных технологий, позволяющих разнообразить процесс преподавания, искать оптимальные пути работы со студенческим коллективом и отдельными студентами.

Наиболее объемным и богатым по содержанию представляется третий раздел УМК. В нем содержатся методические рекомендации для студентов. Важно отметить своеобразие организации материала, который делится на два уровня. Предлагается двухуровневая система: «Общий образовательный маршрут» и «Индивидуальный образовательный маршрут» освоения дисциплины.

Базовый инвариантный уровень является общим для всех обучаемых. Он дает возможность студентам усвоить обязательные компоненты курса, без которых невозможно понимать особенности исторического периода, основные тенденции его развития. Работа на первом уровне включает: лекции, практические, подготовку и выступление с докладами, письменные работы, представляющие, например, аннотацию научного издания. Авторы УМК предлагают несколько вариантов организации практических занятий.

Каждая из предлагаемых тем практических занятий снабжена тщательно продуманным списком научной литературы. Трезво воспринимая реалии современной учебы, авторы предполагают,

что «обучаемые» имеют обыкновение пользоваться не только теми книгами и журналами, что имеются в учебной библиотеке их вуза, но и другими библиотеках, а также отслеживать интересующую литературу в Интернете. Хочется отметить, что все темы снабжены пространными выдержками документальных текстов, источников, относящихся к рассматриваемой проблематике. В основном это тексты договоров и разного рода законодательных актов, в меньшей степени современной изучаемым проблемам публицистической литературы. Изучение источников иных типов вынесено за рамки «общего образовательного маршрута».

Очень полезным представляется, что каждая тема практического занятия не только сопровождается текстами источников, изучение которых обязательно при подготовке, но и дополнено вопросами и ответами, относящимися к рассматриваемой теме. Вопросы и ответы объединены в такие, например, группы, как: «Кто были эти люди?», «Что означают эти понятия?», «Вспомните, к каким событиям относятся следующие даты». Такое построение материала позволяет студенту более целенаправленно готовиться к занятию, более осмысленно компоновать материал.

Первый базовый уровень дополнен вторым, предполагающим выполнение индивидуальных творческих заданий. Второй уровень предполагает выполнение заданий по выбору. Эти задания необязательны, они сложнее, разнообразнее по характеру, но именно они должны способствовать повышению творческого начала в работе со студентами.

Такие задания позволяют познакомиться с наиболее значимыми теориями по той или иной проблеме, научат работать с источником, не просто привлекая то или иное свидетельство эпохи для иллюстрации, но задавая вопросы по этому свидетельству. При углубленной работе с отдельными источниками или научными исследованиями студенты учатся не только фиксировать и запоминать некие сведения, но и критически воспринимать, анализировать, приобретать умение обосновывать собственное мнение.

Рекомендуемая форма отчетности – эссе. О том, как их готовить, говорится в методических разделах соответствующих тем. Рекомендации помогают студентам выработать собственное видение материалов, связанных с проблематикой политической, социальной, экономической истории, таких как произведения художественной литературы, изобразительного искусства, кино. Это позволит каждому студенту выбрать собственный вариант освоения материала, предлагаемого сверх обязательного минимума.

Сама организация работы над материалами второго уровня подсказывает, что способствует развитию умений самостоятельно думать, анализировать и систематизировать факты, сравнивать и противопоставлять их, выявлять причины и следствия, общие тенденции и специфические

особенности явлений, а значит, предназначена прежде всего для тех, кто планирует дальнейшее обучение в магистратуре.

В обоих случаях акцент перемещен на творческую инициативу студента. И в том и в другом случае предполагается как аудиторная, так и вне аудиторная работа. Принцип вариативности, используемый при обучении студентов, позволяет соответствовать новым образовательным стандартам компетентностного подхода.

Одна из основных задач: сбалансировать партнерское взаимодействие обучающим и обучаемым и индивидуальную ориентированность студента.

Этому подчинена рубрикация УМК, делящая материал на содержательно-логическую и мотивационно-эмоциональную составляющую. В частности, текст снабжен пометками: «Рекомендации к выполнению задания», «Обратите внимание», «Выбери индивидуальную исследовательскую задачу».

Большинство оригинальных подходов и постановок заданий сосредоточено в той части

УМК, которая посвящена «Индивидуальному образовательному маршруту», в которой внимание перенесено на проблемы историографии и привлечение произведений художественной литературы и кино, музейных коллекций для осмысления исторических сюжетов.

Остается признать, что рассмотренный учебно-методический комплекс может стать весьма полезным как для преподавателей, так и для студентов, изучающих историю Нового времени стран Запада.

Примечания

¹ Дронова Н. В., Земляничин В. А., Коротков С. Н., Кошелева Е. А. Новая история Запада: учебно-методический комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 11.

² Там же. С. 10.

Н. С. Креленко,
доктор исторических наук, профессор

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ЯНА КВАЧАЛЫ С ЙОЗЕФОМ ШКУЛТЕТИ

Рецензия на книгу: Libor Bernát a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétym. Bratislava: Eko-konzult, 2015. 206 p.

В июне 2014 г. исполнилось 80 лет со дня кончины словацкого и российского ученого-теолога Яна Квачалы (1862–1934). Он был замечательным ученым, посвятившим всю свою жизнь изучению и преподаванию философии, богословия, истории и педагогики. Именно Квачала способствовал развитию в России и за рубежом такой отрасли науки, как комениология, которая занимается изучением жизни и творчества Яна Амоса Коменского.

Ян Квачала стал ученым с мировым именем, являлся почетным участником многих международных научных симпозиумов и конференций. Его научные труды издавались на многих европейских языках в различных российских и заграничных журналах. Его вклад в науку как теолога и философа был весьма значительным. Им опубликованы многие новые исторические источники, особенно в сфере комениологии. На их основе современные исследователи могут развивать поднятые в свое время научные проблемы по комениологии, по гусизму, по реформации и по большому счету по педагогике.

За 25 лет, проведенных Яном Квачалой в России в Юрьевом (Дерптском) университете в качестве профессора, он во многом интегрировался в российскую научную элиту и стал ее неотъемлемой составной частью. И об этом не следует забывать и словацким исследователям в нынешние времена.

Вначале стоит сказать, что словацкая историография до недавнего времени, на мой взгляд, оставалась в долгу перед теологом и словацким национальным деятелем Яном Квачалой. После

появления в свет в 2005 г. посвященного ему сборника до сих пор так и не было специального монографического издания о нем. По инерции, как правило, он представлялся чуть ли не обрусевшим в России ученым-комениологом, оторванным от внутренней жизни Словакии того времени.

Отсюда еще с большим интересом я погрузился в изучение книги Л. Берната «Корреспонденция Яна Квачалы с Йозефом Шкултети». В его публикации вошли документы из Архива литературы и искусства Матицы Словацкой в г. Мартине, касающиеся деятельности Квачалы (на рубеже XIX–XX вв.). В публикации принял участие коллектив во главе с опытным ученым Л. Бернатом, и это его не первая работа такого плана.

Из опубликованных документов, во-первых, очевидно, что Квачала был связан не только с Чешскими землями, где вел научные проекты по Коменскому, но также активно сотрудничал со Словацкими землями и был составной частью словацкого национального движения того времени. Он всегда находился в тесной связи со своей исторической родиной, особенно с регионом Ружомберка. Квачала, за что ему честь и хвала, принимал активное участие в деятельности Словацкого музейного общества и являлся его меценатом. При поддержке Шкултети Квачала внес существенный вклад в общественно-политическую, научную и конфессиональную жизнь словацких земель рубежа XIX–XX вв. и заметно ее оживил.

В публикации содержится много нового материала о пребывании Квачалы в России и его ха-

рактеристика российских реалий. Ценные данные касаются революционных событий начала XX в. – хотя он в то время много путешествовал, но пристально следил за революционными событиями и делал важные выводы о политической обстановке.

В публикации можно выявить важные штрихи о межнациональных противоречиях в Юрьевом университете и заметных трениях с немецкой профессурой.

В публикации сказался достаточно идеализированный подход Берната к Шкултети как деятелю; его «объективность» не согласовывалась со словацкими реалиями межвоенного периода.

Переходя к отдельным недочетам в публикации, отметим следующее. Во-первых, в библиографии полностью проигнорированы русскоязычные работы по данной проблематике (см., например, Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 223–245; издание МГУ по историографии «Славянский мир: в поисках идентичности». М., 2011. С. 1110–1124; в словацком издании «Fidei et Patriae» научная работа на русском языке о Квачале «Профессор теологии Ян Квачала в свете архивных открытий в России и Словакии» автора рецензии и др.).

Встречаются досадные системные опечатки и грамматические ошибки в вкраплениях текста на русском языке (например, с. 100, 104 публикации и др.). Работе свойственна традиционная весьма завышенная оценка Й. Шкултети как словацкого национального деятеля и преданного друга Яна Квачалы. Очевидно, что Шкултети оказался под политическим давлением (в частности, Б. Павлу) в оценке Яна Квачалы как ученого, что помешало по заслугам оценить научные достижения Квачалы и продвинуть его по карьерной лестнице после возвращения его в Словакию в 1920 г. К нему приклеили «русский ярлык», и это касалось многих его начинаний в Словакии вовсе незаслуженно. Ранее непоколебимая дружба Шкултети и Квачалы тогда дала трещину.

В целом в оценке Квачалы должен рассматриваться его реальный вклад в развитие той или иной отрасли науки, а не приписываемые ему какие-то якобы негативные черты, свойственные его личному характеру. Оценка Квачалы как ученого отсюда должна быть, на мой взгляд, более объективной и более высокой. Недооценка заслуг Квачалы в Словакии отразилась на общей тональности введения к публикации, написанного самим Л. Бернатом.

Очевидно, что переписка Яна Квачалы с Й. Шкултети как с редактором многих словацких изданий носила всегда деловой и учтивый характер. Квачала стремился избежать каких-либо «острых углов» в общении со старшим коллегой, от которого зависел выход в свет его научных трудов в Словакии.

Как теолог и ученый позитивистского толка с углубленным (не консервативным!) подходом к философским и внутривнутриполитическим реалиям Квачала проявил себя скорее в переписке с другим национальным словацким деятелем – со своим почти сверстником Юром Яношко (1856–1929). Научным связям Квачалы и Яношко посвящена одна из статей Л. Берната последнего времени, размещенная на веб-сайте университета в г. Прешов. Следовало бы посоветовать Л. Бернату издать впоследствии по мере возможности научную переписку этих двух словацких деятелей, что весьма обогатило бы характеристику словацкой действительности межвоенного периода.

В целом подчеркнем, что, несмотря на отдельные недочеты, публикация Л. Берната носит весьма позитивный характер и является вкладом в развитие современной словацкой историографии.

Е. Ф. Фирсов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории славян исторического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

ХРОНИКА

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А. И. ОЗОЛИНА В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

12–13 февраля 2016 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского состоялись Десятые научные чтения памяти участника Великой Отечественной войны, профессора кафедры истории средних веков, видного исследователя истории гуситского движения Артура Ивановича Озолина. Первые Озолинские чтения (в 2007 г.) были приурочены к 100-летию со дня рождения учёного.

Проведение чтений стало в последующие годы традицией: ежегодно в начале февраля итогами своих последних исследований делятся историки-слависты Саратовского университета, а также молодые исследователи из других городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Казани, Астрахани, Перми, Владивостока).

Организаторы чтений считают одной из важнейших своих задач привлечение в историческую славистику новых сил, поэтому большое место в программе неизменно занимают студенческие доклады.

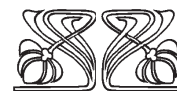
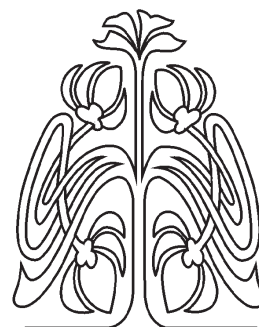
Атмосферу праздника славянской истории придают по традиции открывающие Озолинские чтения выступления участников клубов исторической реконструкции.

Пленарное заседание Десятых чтений открыл доклад члена Союза художников России, преподавателя Саратовского художественного училища имени А. П. Боголюбова А. А. Гвоздю и аспиранта кафедры всеобщей истории П. Н. Лапшова, рассказавших об опыте реконструкции боевых щитов гуситской эпохи.

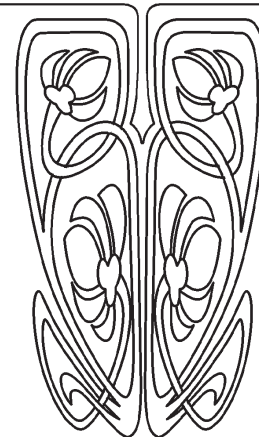
Чтения продолжил доклад профессора кафедры всеобщей истории Саратовского университета (СГУ) Н. С. Креленко «Жизнь и деятельность Яна Потоцкого», посвящённый польскому писателю-романтику, археологу и путешественнику. Завершая пленарное заседание, профессор кафедры всеобщей истории СГУ А. Н. Галямичев обратился к незаурядной фигуре короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV Люксембурга, 700-летие со дня рождения которого отмечалось 14 мая 2016 года.

Работа научной конференции была продолжена в двух секциях. На секции «Славянское и скандинавское средневековье» было заслушано 9 докладов. Первый блок составили доклады по раннесредневековой истории стран Северной Европы, содержание которых было ориентировано на сравнительно-исторический анализ особенностей развития северных, западных и славянских обществ эпохи средневековья. Студентка 4-го курса О. Леонова выступила с докладом «Пиршественная культура Скандинавии эпохи викингов». Её однокурсница А. Сочнева проанализировала особенности восприятия образа Кухулина в ирландском эпосе и искусстве. Кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории СГУ И. Ю. Философов охарактеризовал перспективы изучения проблемы эволюции дружины на материале малоизученных как в отечественной, так и в зарубежной литературе норвежских источников.

Продолжая сложившуюся в Саратовском университете традицию изучения средневекового города, магистрантка М. Лушина выступила с докладом «Борьба за польскую корону на рубеже XIII и XIV вв. и судьбы города Гнезно». В докладе магистранта СГУ А. Сколденкова («Братислава в годы гуситских войн») проблема средневекового города была рассмотрена в контексте истории гуситской эпохи – главного пред-

ПРИЛОЖЕНИЕ

мета научных интересов А. И. Озолина. Гуситские события в той или иной степени затрагивались в других докладах – при рассмотрении исторического значения монетной реформы чешского короля Вацлава II аспирантом кафедры всеобщей истории СГУ П. Н. Лапшовым, при характеристике социально-политического статуса чешского панства в середине XV в. кандидатом исторических наук А. П. Пашининым, а магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета Т. Гимадеев выступил с вызвавшим оживлённую дискуссию докладом «Гуситы и компартия: гуситское движение в марксистской публицистике и историографии послевоенной Чехословакии».

Магистрант Казанского (Приволжского) федерального университета В. Мухин обобщил опыт изучения истории Хорватского королевства в отечественной историографии XIX – начала XXI в.

На секции «Зарубежные славяне и Россия в XVII – начале XXI вв.» было заслушано 5 докладов. Постоянный участник Озолинских чтений кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии СГУ Я. Н. Рабинович выступил с докладом «Керамиды Псково-Печерского монастыря как источник событий Ливонской войны и Смутного времени». Важные аспекты внешней политики России на Балканах в XIX в. рассмотрели в своих докладах кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии О. В. Кочукова («Роковой Восточный вопрос» в воспоминаниях Д. А. Оболенского) и доктор исторических наук, профессор той же кафедры С. А. Кочуков («Великий князь Сергей Александрович на Балканах в 1878 г.»).

Работу секции завершили два доклада по

военной истории XX века. Студент 3-го курса Э. Савенков остановился на особенностях развития танковой промышленности Чехословакии в 1935 – 1939 гг. и тактико-технических данных выпускаемой ею продукции. Оригинальный по форме преподнесения доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории СГУ Д. М. Креленко «Первый боевой опыт Войска Польского в контексте судьбы русского офицера» был основан на неопубликованных источниках личного происхождения и вызвал большой интерес у участников конференции.

Подводя итоги научных чтений, участники отметили плодотворность их работы и необходимость продолжения сложившейся традиции. Материалы докладов предполагается опубликовать в очередном, 14-м выпуске издаваемого в Саратовском университете «Славянского сборника».

Завершающим аккордом чтений стало состоявшееся 13 февраля заседание школы юного историка «Первые шаги в исторической славистике». Задача школы – пробудить интерес к истории зарубежных славян у школьников. В этом, как и в предыдущем году учащиеся саратовских школ под руководством молодых учителей, выпускников Саратовского университета, подготовили доклады по славянской истории и познакомились с традициями Института истории и международных отношений.

А. Н. Галямичев,
председатель оргкомитета Научных чтений
памяти профессора А. И. Озолина,
профессор кафедры всеобщей истории
Саратовского государственного университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: baranovav@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: ybartho@mail.ru

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: vovgen5@mail.ru; evgenijvovkov@yandex.ru

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: goloub@sgu.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Жучков Константин Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета. E-mail: Zhuchkov.konstantin@rambler.ru

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: krelenkon@mail.ru

Лесная Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: lesnaya.kat@gmail.com

Маджун Джемиля Сулеймановна, кандидат исторических наук, сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Республики Кыргызстан, Бишкек. E-mail: djamad1966@mail.ru

Мелихова Полина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Melihovapolya@gmail.com

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Elenamногоletnjaja@rambler.ru

Моисейченко Любовь Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: morozovaen@mail.ru

Музалевская Виктория Андреевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: victoriyamuzalevsкая@yandex.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: myakshv@mail.ru

Петрова Елена Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: lena02-07@mail.ru

Познякова Елена Владимировна, аспирант кафедры документоведения и библиографоведения Самарского государственного института культуры, заведующая отделом краеведческой библиографии Саратовской областной универсальной научной библиотеки. E-mail: elena_fox_73@mail.ru

Поляков Сергей Аркадьевич, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Саркулова Галия Ставаловна, старший преподаватель кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

Фирсов Евгений Федорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: olevfir@uimail.ru

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: shenins@yahoo.com

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. E-mail: iyelfond@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexeev Denis Sergeevich, PhD in History, Associate Professor of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Baranov Alexey Vladimirovich, PhD in History, Assistant Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: baranovav@mail.ru

Elfond Irina Yakovlevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the Architectural Environment Design Chair, Yuri Gagarin Saratov State Technical University. E-mail: iyelfond@mail.ru

Firsov Evgenij Fedorovich, PhD in History, Associate Professor of Department of History of Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: olevfir@umail.ru

Galyamichev Alexandr Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Golub Yuri Grigoryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Assistant Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Krelenko Natalia Stanislavovna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: krelenkon@mail.ru

Lesnaya Ekaterina Sergeevna, Postgraduate student of Ancient History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lesnaya.kat@gmail.com

Madzhun Djamilya Suleymanovna, PhD in History, Academy of Science of Kyrgyzstan, Center of Dungan and Chinese Studies, Bishkek. E-mail: djamad1966@mail.ru

Melihova Polina Vladimirovna, Postgraduate student of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Melihovapolya@gmail.com

Mnogoletnaya Elena Nikolayevna, PhD in History, Associate Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Moiseychenko Luybov Alekseevna, PhD in History, Associate Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Morozova Elena Nikolajevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History

and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

Muzalevskaya Viktoria Andreevna, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: victoriyamuzalevskaya@yandex.ru

Myakshev Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: myakshev@mail.ru

Petrova Elena Alexeevna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lena02-07@mail.ru

Polyakov Sergei Arkadjevich, Postgraduate student of the Chair of World History of Institute of History and International Relations, of Saratov State University. E-mail: serzh.polyakov.91@inbox.ru

Poznyakova Elena Vladimirovna, Postgraduate student of Department of Document Science and Bibliography of Samara State Institute of Culture, Manager of Department of the Local History Bibliography of Saratov Regional Universal Scientific Library. E-mail: elena_fox_73@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Sarkulova Galya Stavalovna, Senior Lecturer Department of Kazakhstan History and Social-Humanitarian Sciences Western-Kazakhstan Agrarian-Technical University Zhagir Hhan, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galiyasarkulova@mail.ru

Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the History Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Voyeikov Evgeniy Vladimirovich, Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor of the Department Informatics, Mathematics and All Humanities Penza Subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: voevgen5@mail.ru; evgenijvoejkov@yandex.ru

Zhuchkov Konstantin Borisovitch, PhD in History, Associate Professor of National History of Pskov State University. E-mail: Zhuchkov.konstantin@rambler.ru